

ВЕСТНИК

**РОССИЙСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА**

2010

4 (61)

Бюллетень

Издается с 1995 г.

Выходит 4 раза в год

Вестник Российского гуманитарного научного фонда

Учредитель: Российский гуманитарный научный фонд

Редакционная коллегия: В.Н.Фридлянов (главный редактор),
Ю.Л.Воротников (зам. главного редактора),
Р.А.Казакова (зам. главного редактора),
И.Ю.Алексеева, Л.А.Беляева, О.Б.Брагинский,
В.П.Гребенюк, М.Н.Громов, В.З.Демьянков,
В.И.Денисов, Н.Г.Денисов, В.Н.Захаров,
М.В.Иванова, Л.П.Киященко, В.И.Коровин,
А.А.Мальшев, А.В.Назаренко, А.Н.Поддьяков,
Н.Л.Селиванова, Е.Ф.Тихомиров, В.А.Хашченко,
Е.Н.Швейковская, В.В.Шелохаев, А.Ф.Щербак

Рукописи объемом более 0,5 авт. л. к рассмотрению не принимаются. Статьи принимаются только в электронном виде на диске (дискете) стандартного формата с приложением распечатки, заверенной автором.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в бюллетене материалов обращаться в Редакцию.

Содержание

Российская гуманитарная наука и задачи РГНФ

Фридлянов В.Н. Новый этап в деятельности РГНФ 5

Над чем работают лауреаты конкурсов РГНФ

Исторические науки

Курприянов П.С. Московское Зарядье вчера и сегодня: визуальная антропология городского пространства 16

Жамбалтарова Е.Д., Ветров В.М., Клементьев А.М. Комплексное исследование археологических памятников неолита — раннего бронзового века Западного Забайкалья 27

Экономика

Буздолов И.Н. Социальное рыночное хозяйство: проблемы становления в агропродовольственном секторе России 37

Потравный И.М., Мельникова Е.Н. Перспективы и возможности государственного экологического заказа в современной экономике 46

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Артемяева Т.В., Микешин М.И. История идей как интеллектуальная коммуникация 53

Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Иванова О.А. Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ 60

Шевченко А.А. Политическая субъектность: философско-нормативный анализ 70

Филология. Искусствоведение

Гуськов С.Н., Балакин А.Ю., Гродецкая А.Г. Обломовская энциклопедия 77

Кузьмина Е.Н. Эпическая традиция шорцев 85

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В. Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности 93

Евлешина Н.А., Никитина Н.Н., Сулейманов И.Т., Ясницкая В.Р. Поликультурный подход в социальном воспитании 105

Полевые исследования

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В., Сингх В.К. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 годах 115

Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гунское время (конец IV–V в.) (по материалам раскопок поселения и могильника Ксизово-19) 129

Слепцова (Кызласова) И.С. Основные направления полевых исследований в рамках «Русской этнографической экспедиции» 144

Бильдюг А.Б., Бобров А.Г., Власов А.Н., Карбасова Т.Б. Экспедиция на Северную Двину в 2009 и 2010 годах 155

Конференции. Конгрессы. Симпозиумы

Андреев А.Ю. Международная научная конференция «Русско-немецкие университетские связи в XVIII — начале XX века: сотрудничество, взаимное влияние, интеллектуальное пространство» (Майнц, ФРГ, 16–20 июня 2010 г.) . . . 166

<i>Черная М.П.</i> XV Юбилейная Западносибирская археолого-этнографическая конференция «Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний» (Томск, 19–21 мая 2010 г.) . . .	172
<i>Артемов Е.Т., Постников С.П.</i> Всероссийская научная конференция «Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика» (Екатеринбург, 25–26 октября 2010 г.)	179
<i>Попова Н.Т., Шеманов А.Ю.</i> Научная конференция с международным участием «Искусство как творчество социальности и проблемы социокультурной реабилитации» (Москва, 12–13 мая 2010 г.)	183
<i>Индина Т.А., Моросанова В.И.</i> XV Международная конференция по психологии личности (Брно, Чешская Республика, 20–24 июля 2010 г.)	188

Мир книги РГНФ

<i>Мировицкая Р.А.</i> Китайская Народная Республика в 1950-е годы: Сборник документов: В 2 т. / Под общ. ред. В.С.Мясникова. Т. 1: Взгляд советских и китайских ученых / Сост. Е.Р.Курапова, В.С.Мясников, А.А.Чернобаев. М.: Памятники исторической мысли, 2009. — 348 с.	191
<i>Гусев А.А.</i> — Рюмина Е.В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука, 2009. — 331 с.	194
<i>Щавелёв С.П.</i> — Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. — 1248 с.	198
<i>Зайцева И.А.</i> — Падерина Е.Г. К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 448 с.	203
<i>Ветрова Т.Н.</i> — Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX — начала XXI века / Отв. ред. В.Б.Земсков. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 463 с.	207
<i>Исаев И.И.</i> Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О.В.Антоновой, Д.М.Савинова; Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2009. — 240 с.	210
<i>Семенов В.Н.</i> — Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 464 с., ил.	213

Международное сотрудничество

Международные контакты Фонда	217
--	-----

Официальный отдел

Решение совета РГНФ от 24 сентября 2010 г.	219
--	-----

Перечень статей, опубликованных в бюллетене «Вестник РГНФ» в 2010 г.	223
---	-----

Contents	230
---------------------------	-----

РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И ЗАДАЧИ РГНФ

*В.Н.Фридлянов**

Новый этап в деятельности РГНФ

В деятельности Российского гуманитарного научного фонда начался новый этап. 24 сентября состоялось первое заседание обновленного состава совета РГНФ, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации (от 2 сентября 2010 г. № 1434-р). Совет Фонда — высший орган его управления, состоящий из председателя совета, его заместителя и 24 членов. В обновленный состав совета РГНФ вошли авторитетные российские ученые, руководители академических институтов и высших учебных заведений, представители крупнейших научных центров страны (фото 1).

Фото 1. Заседание совета РГНФ. Фото Н.Степаненкова

Ученые — основатели Российского гуманитарного научного фонда, создавая его в 1994 г., приняли единственно правильное решение о том, что основой определения научной значимости проекта гуманитарной направленности будет независимая многоступенчатая экспертиза.

Полностью оправдался и тезис организаторов Фонда о том, что он создан «в целях государственной поддержки развития гуманитарных наук, распространения гуманитарных знаний в обществе, возрождения традиций отечественной гуманитарной науки», что и было зафиксировано в правительственном решении.

В соответствии с Гражданским кодексом Фонду присвоен статус государственной некоммерческой организации в форме федерального бюджетного учреждения, находящегося в ведении Правительства Российской Федерации и действующего на основании устава, утвержденного Правительством. Сред-

* Фридлянов Владимир Николаевич — доктор экономических наук, председатель совета РГНФ.

ства Фонда формируются за счет федерального бюджета и привлеченных средств.

Опережая время (имея в виду преобразование учреждений в новые виды бюджетных и автономных учреждений), создатели Фонда образовали совет, состоящий из авторитетных российских ученых государственных академий наук, представителей крупнейших научных центров и высших учебных заведений.

Фонд ежегодно организует несколько видов конкурсов по всем основным направлениям гуманитарного знания (по истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, политологии, правоведению, науковедению, филологии, искусствоведению, психологии, проблемам комплексного изучения человека), в том числе конкурсы инициативных научно-исследовательских проектов, проектов по изданию научных трудов, проектов по развитию научных телекоммуникаций и материальной базы научных исследований в области гуманитарных наук, проектов по созданию информационных систем, проектов экспедиций, других полевых исследований, экспериментально-лабораторных и научно-реставрационных работ, проектов по организации российских и международных научных мероприятий (конференций, семинаров и т.д.) на территории Российской Федерации, проектов участия российских ученых в научных мероприятиях за рубежом и командировок российских ученых для работы над совместными российско-вьетнамскими и российско-тайваньскими научно-исследовательскими проектами.

Определяющим является то, что отбор и адресную поддержку научных проектов Фонд осуществляет на принципах свободного конкурса, на основе многоэтапной независимой научной экспертизы. Для этих целей была организована экспертная система, состоящая из экспертных советов по направлениям гуманитарных наук. Впоследствии были созданы экспертные советы по тематическим и региональным конкурсам, а также конкурсам целевым, таким, в частности, как «Образ России в современном мире», «Теоретические основы инновационной экономики», «Россия в условиях мирового кризиса».

Ежегодно к экспертизе привлекается более 1950 авторитетных и высококвалифицированных ученых — докторов наук, работающих более чем в 390 научных организациях и представляющих свыше 50 регионов Российской Федерации. За 16 лет деятельности Фонда вокруг него сложилось элитное сообщество экспертов-гуманитариев.

Может возникнуть вопрос, для чего к экспертизе привлекается такое число ведущих ученых. Это объясняется тем, что за 16 лет в Фонд поступили и прошли экспертизу более 85 тысяч научных проектов, из которых по рекомендации экспертов поддержано около 30 тысяч, отобранных в ходе основного, дополнительных, тематических, целевых и совместного конкурсов. Всего за годы своей деятельности Фонд оказал поддержку 250 тысячам ученых-гуманитариев для проведения актуальных научных исследований. В ближайших планах Фонда — обеспечение экспертизы и конкурсных процедур по заказам федеральных органов исполнительной власти, отечественных и зарубежных организаций.

В целях совершенствования системы экспертизы и конкурсных процедур были разработаны новая редакция нормативных документов, регламентирующих работу экспертной системы Фонда и предусматривающих проведение не

менее трех экспертиз на первичном уровне, а также порядок финансирования поддержанных проектов.

В Положение о конкурсах РГНФ и объявление о конкурсах 2011 г. внесены некоторые новации в системе критериев оценки проектов и определения размеров грантов. В ходе экспертизы каждого проекта устанавливаются: характер исследования (фундаментальный или прикладной); научная значимость его ожидаемых результатов; актуальность заявленной темы; степень значимости реализации результатов исследования; имеющийся у коллектива научно-методический задел; степень новизны методов исследования (научный инструментарий); квалификация руководителя (коллектива исполнителей); количество публикаций в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии России; количество публикаций в научных журналах, входящих в систему цитирования «Social Sciences Citation» (SSCI), «Arts and Humanities Citation Index» (АНЦИ) и др.

Обоснованность объема финансирования проекта должна быть подтверждена такими параметрами, как число исполнителей проекта и их научная квалификация; обоснованность планируемых в ходе выполнения проекта услуг сторонних организаций; обоснованность командировочных расходов, длительность планируемых командировок и место командирования; обоснованность других расходов (услуг связи, приобретения расходных материалов). Актуальность и важность темы проекта учитывается при определении обоснованности суммы, запрашиваемой для оплаты труда исполнителей.

Благодаря созданному действенному механизму независимой экспертизы проектов поддержку получают инициативы отдельных ученых и небольших научных коллективов, ведущих работы на высоком профессиональном уровне, вне зависимости от возраста, региональной или ведомственной принадлежности. Основной массив проектов выполняется в организациях Российской академии наук, других государственных академий и высшей школы.

Фонд проводит региональные конкурсы, финансируя их на паритетных началах с администрациями 53 субъектов Российской Федерации (рис. 1), организует международные конкурсы с 13 странами ближнего и дальнего зарубежья.

С 2005 г. федеральный бюджет выделил РГНФ на поддержку гуманитарных проектов порядка 5 млрд рублей (рис. 2).

Необходимо отметить, что каждый год Фонд объявляет среднюю величину гранта. На 2011 г. она составляет 400 тыс. руб. (рис. 2).

Фонд подготовил и осуществляет с 2007 г. целевую программу поддержки молодых ученых, предусматривающую финансирование как научных исследований, так и стажировок в крупных научных центрах России, оплату расходов на командировки для работы в библиотеках и архивах, приобретение научной литературы, участие в научных мероприятиях за рубежом. В рамках этой программы в 2007–2010 гг. поддержано 166 проектов стажировок и командировок, а также 92 проекта участия молодых ученых в научных мероприятиях за рубежом. В 2010 г. поддержано 68 проектов. Сейчас более 30% исполнителей и 15% руководителей поддержанных Фондом проектов — молодые ученые.

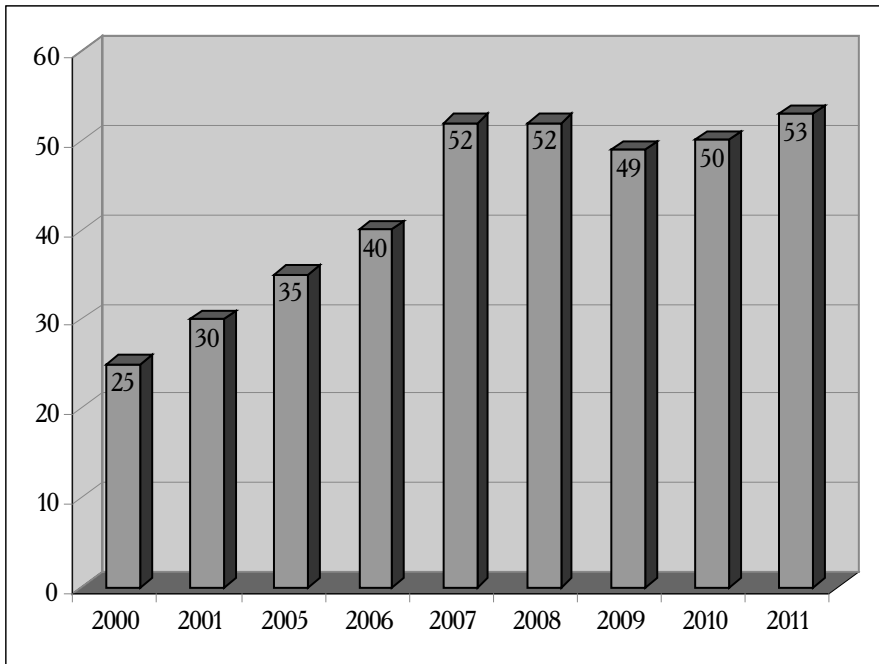

Рис. 1. Количество регионов России, участвующих в проведении региональных конкурсов РГНФ

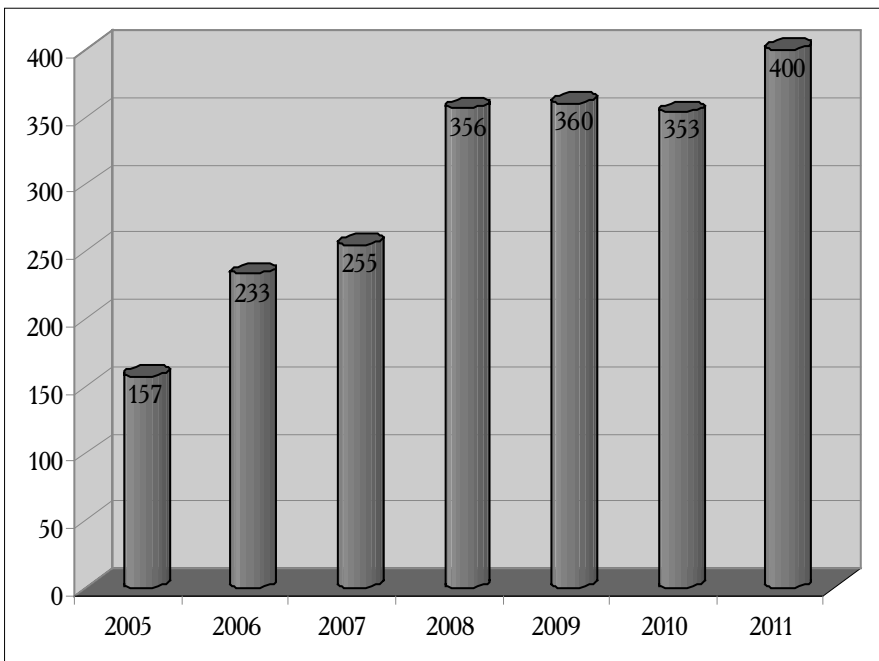

Рис. 2. Средний размер гранта РГНФ по научно-исследовательским проектам

Выделенные молодым ученым гранты должны обеспечивать достижение важной цели — присвоение молодому ученому степени кандидата или доктора наук. Требуется рассмотрения вопрос о выделении грантов Фонда студентам старших курсов высших учебных заведений или привлечение ведущего ученого — профессора к выполнению работы по гранту РГНФ совместно с группой молодых ученых.

Каждая организация, обращающаяся в Фонд за финансовой поддержкой, должна информировать о своих усилиях по стимулированию научной работы молодых ученых, включая их обеспечение научным руководством. Следует принять за правило, что каждая организация — получатель грантов должна внимательно относиться к созданию благоприятных условий для научной работы своих молодых ученых.

Наблюдается ежегодный рост числа заявок на конкурсы Фонда. Так, распределение заявок на конкурсы 2011 г. по видам конкурсов выглядит следующим образом. По-прежнему более половины заявок (60,7%) (в 2010 г. — 65,5%) составляют научно-исследовательские проекты, далее следуют проекты по организации конференций (12,0%) (в 2010 г. — 13,1%), проекты по изданию научных трудов (6,8%) (в 2010 г. — 7,9%) и проекты экспедиций (3,3%) (в 2010 г. — 4,8%). Как и в предыдущие годы, невелика доля проектов по созданию информационных систем — 3,2% (в 2010 г. — 2,9%) и проектов развития материально-технической базы и научных телекоммуникаций — 0,5%, как и в 2010 г. На конкурс по подготовке научно-популярных изданий поступило 3,4% (в 2010 г. — 2,5%) заявок, на целевые конкурсы поддержки молодых ученых — 10,1% заявок (в 2010 г. — 2,8%), в том числе: научно-исследовательские проекты — 7,8%; проекты организации научных мероприятий — 0,5%; проекты стажировок в научных центрах и командировок для работы в библиотеках и архивах — 1,8%.

Существенно выросла доля заявок на конкурсы поддержки молодых ученых (на 7,3%); несколько увеличилась доля заявок конкурса по подготовке научно-популярных книг (на 0,9%) и на конкурс создания информационных систем (на 0,3%). По остальным видам конкурсов доля заявок снизилась: по научно-исследовательским проектам — на 4,8%, по проектам издания научных трудов — на 1,1%, по проектам организации научных мероприятий — на 1,1%, по проектам экспедиций — на 1,5%.

По направлениям наук заявки на конкурсы 2011 г. распределились следующим образом:

- История, археология, этнография — 18,5% (в 2010 г. — 18,3%);
- Экономика — 17,5% (в 2010 г. — 16,3%);
- Философия, социология, политология, правоведение, науковедение — 19,7% (в 2010 г. — 18,9%);
- Филология и искусствоведение — 17,6% (в 2010 г. — 17,9%);
- Комплексное изучение человека, психология, педагогика, социальные проблемы медицины и экологии человека — 26,7% (в 2010 г. — 28,6%).

Выросла доля заявок по экономике (на 1,2%), социальным наукам (на 0,8%), истории (на 0,2%); снизилась доля заявок по филологии (на 0,3%), по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогике (на 1,9%).

Распределение поддержанных проектов по отраслям знаний представлено на рис. 4.

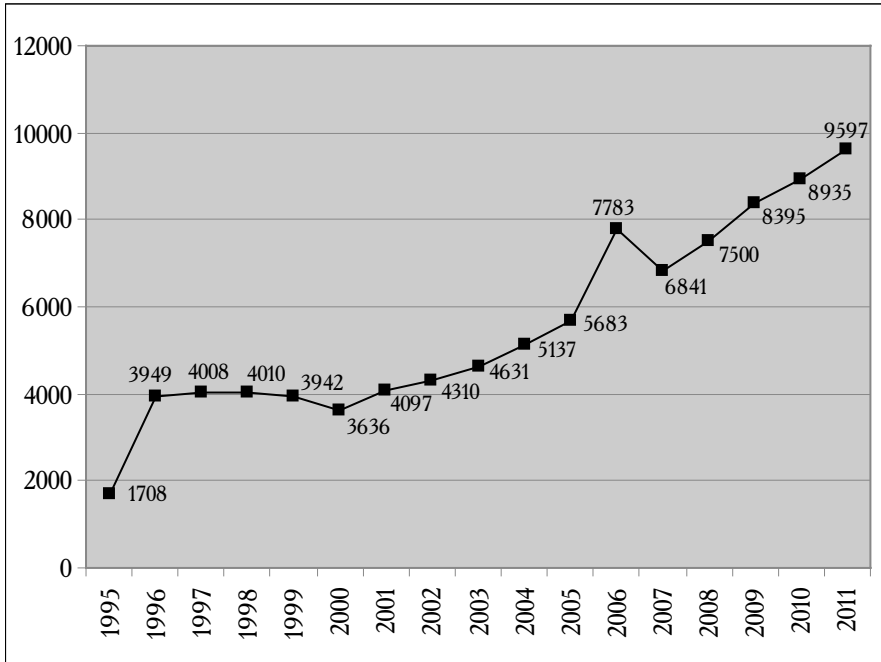

Рис. 3. Динамика заявок РГНФ по конкурсам 1995–2011 гг.

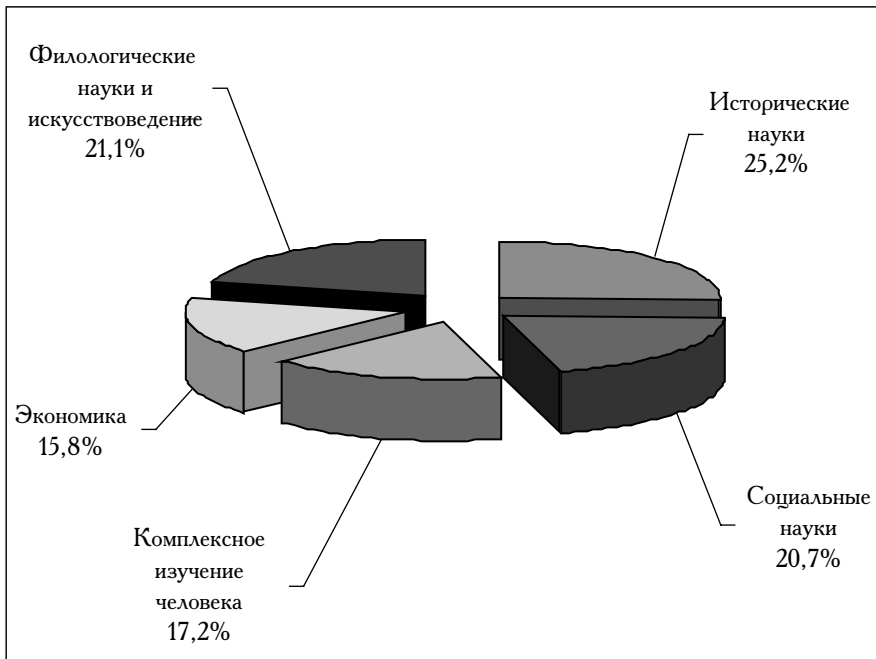

Рис. 4. Распределение поддержанных проектов по отраслям знаний

Финансирование гуманитарных проектов осуществляется на грантовой основе в виде субсидий. Такая система финансирования имеет преимущества перед другими, так как она направлена на финансирование не сметы расходов организаций, а на государственную поддержку конкретного исследователя и его проекта.

Для обеспечения контроля за целевым использованием бюджетных средств (соответствие целей и результатов) Фонд осуществляет проверки использования средств в организациях — адресатах финансирования, а также следит за правильностью оформления документов по финансированию проектов и своевременным возвратом неиспользованных средств.

В РГНФ ведется работа по учету основных средств, приобретенных за счет грантов Фонда организациями — адресатами финансирования проектов, составляется реестр приобретенного оборудования с указанием инвентарных номеров. В дальнейшем Фонду целесообразно при выделении грантов на приобретение организациями научного оборудования ввести условия, при которых собственные средства организаций-грантополучателей не должны быть менее 30% всего объема финансирования.

Публикация научных трудов — это заключительный этап творчества ученых-гуманитариев, вот почему Фонд уделяет повышенное внимание издательской деятельности (рис. 5).

- Издательская программа РГНФ — крупнейшая в России в области научного книгоиздания.
В 1995–2010 гг. при поддержке Фонда издано более 4500 научных книг.
- В 2010 г. поддержано 216 проектов по изданию научных трудов.

Рис. 5. Издательская программа РГНФ

К заявке на конкурс проектов по изданию научных трудов обязательно требуется приложить **справку** от издательства о наличии у него **исключи-**

тельного права на издание данной рукописи, в этом случае не требуется проведения запросов котировок или тендеров на подготовку и публикацию книги.

Итог издательской деятельности Фонда — это около 4500 опубликованных научных трудов (фото 2). 226 экземпляров каждой изданной при поддержке Фонда книги бесплатно направляются более чем в 200 российских научных библиотек федерального и регионального подчинения, а также научных центров и университетов страны.

Фото 2. На выставке книг, изданных при поддержке РГНФ.
Фото Н.Степаненкова

Опираясь на накопленный опыт практической работы и исходя из повышенных требований к эффективности государственных структур, прежде всего в части обоснованности и адресности распределения бюджетных средств, состоявшийся 24 сентября совет Фонда наметил основные приоритеты в организационном, методическом и информационном развитии РГНФ.

Основной задачей Фонда является поддержка максимально широкого спектра исследований, и фактически единственный критерий отбора предложений — научный уровень результатов. В то же время возрастает актуальность научной проработки альтернативных вариантов решения стратегических социально-экономических и политических задач, содержащихся в посланиях Президента и перспективных планах работы Правительства. Со стороны органов государственного управления и политического руководства всегда были востребованы аналитические рекомендации и прогнозные оценки, основанные на научной методологии и отражающие позицию различных научных школ и направлений.

Для подготовки таких материалов, как правило, необходим комплекс исследований, традиционно относящихся к гуманитарным наукам. Требуется не

только структурировать под единую системную логику имеющиеся заделы в различных дисциплинах, но и провести дополнительные конкретные и целенаправленные исследования, в том числе социологические, экономические, исторические и др.

Исходя из этого, совет Фонда принял решение об объявлении ежегодных целевых междисциплинарных конкурсов. В 2011 г. научному сообществу предлагается выполнить 4 проекта: «Модернизация России: социально-гуманитарные измерения», «Россия в АТЭС», «Россия в полицентричном мире», «Энергетика и геополитика». В этих проектах должны быть рассмотрены сложные и трудно формализуемые явления и тенденции, изучение которых объективно требует комплексного, междисциплинарного подхода, учитывающего значимость и взаимозависимость различных аспектов.

Руководители таких проектов должны наполнить вышеназванные направления конкретными разделами практически по всем наукам гуманитарного профиля. Итогом проекта должна быть книга на заданную тему. Причем к реализации подобных проектов могут привлекаться и зарубежные ученые, финансирование работы которых будет осуществляться из бюджета той страны, в которой живет и работает ученый. Это некоторый элемент соревновательности ученых, так как если просто приглашать зарубежных профессоров и оплачивать их расходы из федерального бюджета, это вряд ли позитивно повлияет на развитие отечественной науки.

В рамках такого подхода по некоторым проблемам необходима системная проработка понятийного аппарата, методологии анализа и прогноза, расчетного инструментария и т.д. Например, в проекте «Модернизация» при рассмотрении ключевого понятия «*конкурентоспособность страны* (социально-экономической системы)» будет учитываться не традиционный набор факторов, таких как уровень развития науки, производственно-технологический потенциал, объемы и структура инвестиций, качество системы образования и профессиональной подготовки, а такие направления, как возможности и ограничения конкурентоспособности, обусловленные природными ресурсами, транспортной инфраструктурой, географическим положением, состоянием здравоохранения, мобильностью трудоспособной части населения, менталитетом социальных слоев и этнических групп, историческими и национальными аспектами и т.д.

В соответствии со своим статусом Фонд, поддерживая участие в таких проектах ведущих ученых и специалистов по самому широкому спектру научных дисциплин, может при правильной организации работ, их методическом и информационном обеспечении стать реальным научно-аналитическим центром в гуманитарной области.

Требует совершенствования система экспертной оценки и отбора заявок на гранты. При проведении ежегодных конкурсов Фонд сталкивается с проблемой обеспечения необходимого качества отбираемых работ и обоснования этого выбора. Сложность обусловлена прежде всего большим количеством заявок (свыше 8 тысяч в год), для оценки каждой из которых теперь будут привлекаться три независимых эксперта по научным направлениям с последующим рассмотрением результатов первичной экспертизы на экспертных советах и заседании совета Фонда. Такая многоступенчатость экспертизы требует и совершенствования анкет экспертов, формализующих оценоч-

ные критерии с выделением главных и второстепенных параметров оценки с точки зрения новизны проекта, его фундаментальности, возможности получения новых знаний, соответствия высшим достижениям гуманитарных наук.

В то же время, если вышеназванные индикаторы работы РГНФ воспринимаются научным сообществом как положительные, то они могут быть нивелированы существующими подходами к бюджетному финансированию Фонда, которое, исходя из плановых проектировок, в 2012–2013 гг. уменьшится на 30 процентов (рис. 6).

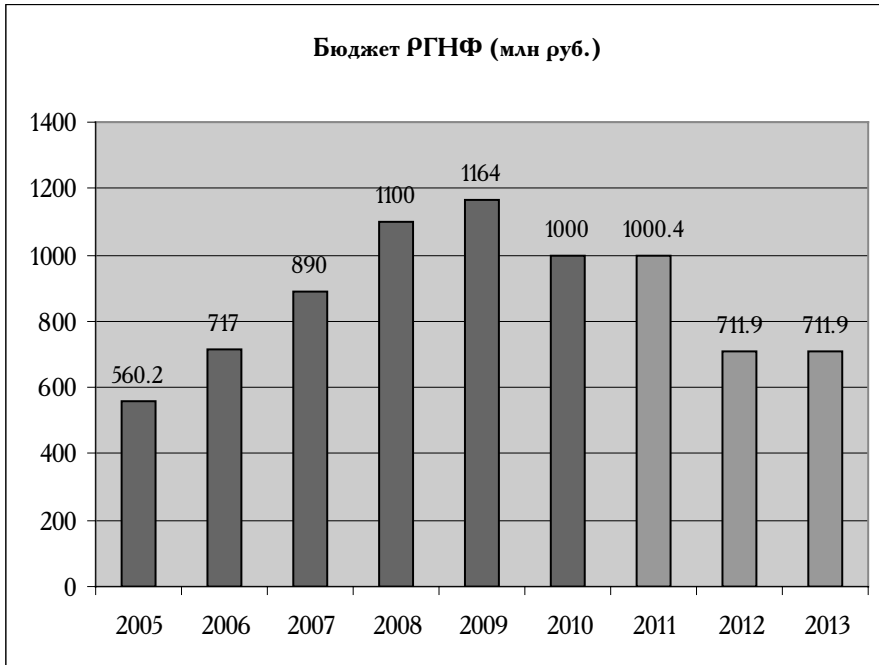

Рис. 6. Финансирование РГНФ в 2005–2013 гг.

Здесь уместно привести цитату из Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о том, что «необходимо изменить механизм финансирования научных направлений, в том числе таким образом, как это уже не первый год делают отечественные научные фонды: они на конкурсной основе финансируют именно исследования, а не исследовательские учреждения».

Если мы рассчитываем на дальнейшее развитие грантовой формы финансирования научных проектов, то необходимы соответствующие решения по включению в Бюджетный кодекс положений о том, что Фонд сохраняет статус главного распорядителя бюджетных средств или является наиболее значимым бюджетным учреждением, как это и действует в настоящее время.

Может быть принята еще одна новация, при которой гранты на проведение научных исследований выделяются Фондом непосредственно ученому (физическому лицу), работа которого прошла все ступени экспертизы, а не через научную организацию, в которой он работает. Сейчас это напоминает

«эрзац-грант», так как Фонд перечисляет бюджетные средства на счета организации, которая использует до 15% средств в качестве накладных расходов, затем вступает в «игру» единый социальный налог, затем налог на доходы физического лица. После всех этих изъятий до ученого доходит от 60 до 40% выделенных средств. И это несмотря на то, что выдаваемые Фондом гранты, по принятому российскому законодательству, не облагаются налогом на прибыль, НДС и подоходным налогом.

Что касается управленческой структуры, то, по-видимому, наилучшей формой функционирования Российского гуманитарного научного фонда будет федеральное бюджетное учреждение с правами автономного учреждения, что предусматривает создание наблюдательного совета и формирование государственного задания. Государственное задание может формироваться исходя из набора услуг, которые предоставляются Фондом. Это такие показатели, как количество поддерживаемых Фондом научных проектов и мероприятий, средняя величина гранта, количество привлекаемых экспертов, число экспертных советов для оценки направляемых в РГНФ проектов и т.д.

В то же время, если Фонд приобретает статус федерального бюджетного учреждения, то в этом случае потребуются внесение серьезных поправок в закон о науке, с тем чтобы внесенные в Государственную Думу поправки, касающиеся «государственных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности», в действительности отражали государственную направленность работы фондов. А значит, должна быть определена подчиненность фондов (сейчас они находятся в ведении Правительства, и оно утверждает устав и состав советов фондов), в документе должно найти отражение понимание термина «грант», в том числе и физическому лицу, и все, что с этим связано.

В заключение представляется необходимым перечислить намеченные Фондом перспективные направления его развития:

- оптимизация системы целевых конкурсов;
- расширение и укрепление связей российских и зарубежных ученых;
- увеличение числа региональных и международных конкурсов и расширение их географии;
- расширение издательской программы;
- выделение грантов на издание учебных пособий и словарей, на перевод изданий;
- переход Фонда в статус автономного учреждения;
- переход на «электронный Фонд»;
- взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти и организациями по проведению экспертизы;
- привлечение внебюджетных источников.

Сейчас, когда формируются новые подходы к взаимодействию государства с бюджетными учреждениями всех видов, необходимо не растерять то ценное, что создано за время существования РГНФ.

Исторические науки

*П.С.Куприянов**

Московское Зарядье вчера и сегодня: визуальная антропология городского пространства

В статье представлен опыт антропологического изучения исторического центра Москвы на примере Зарядья. Охарактеризованы основные методы исследования, позволившие зафиксировать восприятие этого района местными жителями и связанные с ним практики, а также проследить трансформацию визуальных образов и культурных смыслов исследуемого пространства.

Зарядье — небольшой район в самом центре Москвы, расположенный к востоку от Кремля и ограниченный на западе Китайгородским проездом, на севере — улицей Варваркой (фото 1), а на юге — Москворецкой набережной. В настоящее время эта территория фактически является рекреационно-заповедной зоной. Значительную ее часть занимает пустырь на месте бывшей гостиницы «Россия». Кроме того, здесь находятся несколько офисов и кафе, а также ряд архитектурных и исторических памятников (культовых и гражданских сооружений XVI–XIX вв.), в двух из которых расположены исторические музеи. Жилых домов в Зарядье нет.

Сегодня трудно представить, что еще полвека назад этот район отличался чрезвычайно тесной застройкой и высокой плотностью населения. Здесь были две школы, керосиновые лавки, скорняжные мастерские, прачечная, отделение милиции, несколько мелких предприятий и организаций, клуб, продуктовые магазины и т.д. В первой половине XX в. Зарядье представляло собой своеобразное, во многом уникальное, жилое пространство, специфика которого определялась прежде всего его центральным местоположением. В 1930-е гг. в связи с планировавшимся строительством высотного здания часть Зарядья была разрушена, а когда началась война, работы были прекращены. Оставшиеся постройки были снесены позже, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В 1964–1967 гг. на их месте возвели гостиницу «Россия». От старой застройки сохранились лишь несколько памятников, расположенных, в основном, по улице Варварке (тогда — улица Разина), и фрагмент Китайгородской стены. Строительство гостиницы (вызвавшее в свое время целый ряд критических откликов) существенно изменило архитектурный облик столичного центра и стало важной вехой в истории самого Зарядья: впервые за несколько столетий оно перестало быть жилым районом. Жи-

* **Куприянов Павел Сергеевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, руководитель проекта «Повседневные практики и культурные смыслы городского пространства: исторический центр Москвы с точки зрения культурной антропологии» (07-01-00541а).

Фото 1. Зарядье и улица Варварка. Вид с востока. 2006 г. Фото автора

тели были расселены по окраинам (где вместо коммунальных комнат получили отдельные квартиры), сохранив лишь воспоминания о прежнем месте жительства.

Изучение этого несуществующего **жилого пространства** (сегодня по необходимости носящее ретроспективный характер) требует обращения к памяти очевидцев. В связи с этим в основу данного исследования был положен антропологический подход к анализу пространства [1], предполагающий совокупное изучение трех элементов: физической реальности, представления о ней и связанной с ней практики; *физическое* (объективное) пространство дополняется пространством *понимаемым* и *проживаемым* [2]. Описанный подход выводит настоящее исследование за рамки не только этнографического бытописания (поскольку не ставит главной целью изучение материально-вещественной среды обитания человека), но и традиционно понимаемого исторического краеведения (поскольку не ограничивается изучением истории данной местности, событий, с ней связанных, исторической топографии и архитектуры района). В центре внимания оказывается не только (и не столько) архитектурный *облик* Зарядья, сколько его *образы* в сознании жителей и связанные с ним *практики*.

Подобная формулировка исследовательской задачи определила выбор источников и методов исследования, основным из которых стало **интервью**, позволяющее собрать необходимый (и часто уникальный) материал, и в первую очередь — зафиксировать личный опыт субъективного восприятия и освоения данного пространства в повседневной жизни. Были опрошены 35 человек, живших в 1930–1960-х гг. непосредственно в самом Зарядье и поблизости от него (на противоположной стороне Варварки или на соседней Солянке), а также работавших или бывавших здесь довольно

часто — иначе говоря, те, для кого Зарядье в том или ином виде было элементом повседневности.

Для полуструктурированного интервью была разработана специальная программа, включающая вопросы по нескольким темам, среди которых инфраструктура района, повседневные практики, локальное самосознание местных жителей, исторические представления и др. Средняя продолжительность интервью составляла около 4 часов. Большая часть интервью была записана в музее «Палаты бояр Романовых» (филиале Государственного Исторического музея, расположенном в Зарядье), в некоторых случаях — дома у информантов.

Важной особенностью данного исследования (обусловленной прежде всего его пространственной направленностью) стало широкое использование **визуальных методов**. Все беседы и интервью записывались на видеокамеру, что позволило не только минимизировать информационные потери и собрать наиболее полные сведения, но и зафиксировать сам процесс припоминания, порождения меморатного текста. Помимо традиционной стационарной беседы важным элементом исследования стала импровизированная прогулка по Зарядью, во время которой информант выступал в роли экскурсовода, не только рассказывающего, но и показывающего изучаемое пространство. Разумеется, полноценная фиксация подобной «экскурсии» могла быть осуществлена только посредством видеоаппаратуры.

Помимо видеозаписи интервью, в исследование активно вовлекался разнообразный визуальный материал, фиксировались комментарии информантов к имеющимся планам, фотографиям района, художественным изображениям и кинохронике. Данная работа с визуальным материалом, наряду с видеосъемкой, была использована как самостоятельный визуальный метод исследования.

Опыт применения этого метода продемонстрировал его высокую эффективность. Стало очевидно, что информация, воспринимаемая информантом во время прогулки по описываемой местности или при просмотре фотографий (фото 2), кинохроники, иллюстраций и даже планов Зарядья, оказывает непосредственное воздействие на его рассказ. Это связано с закономерностями формирования и функционирования человеческой памяти. Их изучение показало, что люди не просто запоминают отдельные факты, а связывают их в каузальные последовательности, причем хронология — отнюдь не единственный принцип построения таких последовательностей. Организация памяти оказывается довольно сложной: она основана на логических и ассоциативных связях между разными фактами, и воспоминание одного из них влечет за собой восстановление в памяти других, соединенных с ним по тому или иному принципу. В этом случае «первый» факт выступает в качестве своеобразного «поискового сигнала», активизирующего процесс воспоминания.

В данном исследовании источником таких сигналов становится тот самый визуальный материал, который демонстрируется информантам. Старые фотографии и планы Зарядья содержат многочисленные «намекы» и «подсказки», с помощью которых бывшие жители района восстанавливают в памяти казалось бы давно «забытые» факты, причем происходит реконструкция не только более или менее существенных деталей, но и целых сюжетов. В полной мере это относится и к работе «на местности»: само пребывание

Фото 2. Псковский переулок, д. 5. Вид со двора. 1940 г.
(Источник: Московское наследие. 2007. № 3)

на территории, о которой идет речь в интервью, оказывает активное стимулирующее воздействие на память информанта уже в силу того, что *вспоминание*, извлечение информации из памяти, происходит в том самом месте, где в свое время происходил и процесс ее формирования [3]. Здесь, как и при демонстрации фотографий, планов, кинохроники и т.п., воспринимаемый информантами визуальный материал становится мощным стимулом для воспоминания, что позволяет существенно увеличить объем получаемой информации.

Заметной методической новацией стали **групповые интервью** бывших жителей Зарядья — своего рода итоговые исследовательские мероприятия, совместившие в себе такие разные техники, как фокус-группа и автобиографическое интервью. Вниманию участников (группе из 12–15 человек) была представлена небольшая выставка старых и современных фотоснимков с видами Зарядья, снятых с одной точки, а также продемонстрированы фрагменты архивной фото- и видеохроники. С помощью фотографий домов, дворов и вида Зарядья 1930-х гг. с высоты птичьего полета (фото 3) была проведена виртуальная экскурсия по району. Обилие и разнообразие пред-

ставленного материала, а также обсуждение предложенных организаторами вопросов, с одной стороны, заметно активизировали аудиторию и «оживили» воспоминания. С другой стороны, рассматривая прежние и нынешние виды района, вспоминая и рассказывая о своем Зарядье, знакомясь с чужими воспоминаниями, участникам приходилось решать целый ряд когнитивных и психологических задач, таких как поиск знакомых ориентиров, реконструкция исчезнувших элементов, оценка произошедших изменений, сопоставление «старого» и «нового» пространства, своего и чужого прошлого, выявление в нем общего и особенного, типичного и частного и др.

Фото 3. Зарядье с высоты птичьего полета. 1930-е гг.
(Источник: Зарядье. Путеводитель. М.: ГИМ, 2000)

С помощью перечисленных методов удалось собрать ценный материал, позволяющий не только реконструировать пространство повседневной жизни на территории исторического центра Москвы в первой половине XX в., но и выявить визуальные образы данного места в сознании бывших жителей района, а также зафиксировать те культурные смыслы, которые вчитывались в него в разное время.

Анализ исследуемых материалов позволил обнаружить в них два качественно различных пласта информации: один — основанный на личных воспоминаниях и опыте, а второй — почерпнутый из книг, экскурсий и других позднейших источников. Эти разные «голоса» [4], с разной силой звучащие в воспоминаниях, рисуют два не похожих друг на друга образа места. Наиболее отчетливо проблема проявляется в теме **центральности**, одной из ключевых в зарядьевском тексте.

Вспоминая сегодня о своем детстве и юности, жители Зарядья непременно подчеркивают, что они прошли «у стен Кремля»:

— «Живя здесь, на Варварке, я лично отчетливо понимал, что мы живем в центре» (А.В.Кацура, 1941 г.р.);

— «Все детство мое прошло на Красной площади, вокруг Красной площади...» (Л.В.Тимофеева, 1936 г.р.);

— «А из нашего окна площадь Красная видна, а из Вашего окошка только улица немножко», — так вот мы часы свои проверяли по Спасской башне!» (В.Г.Акатова, 1931 г.р.).

Кремль, Красная площадь, Мавзолей — все то, что в сознании большинства составляло специфическое символическое пространство, противопоставлявшееся пространству обывденной жизни, для жителей Зарядья, напротив, было органичной частью *пространства повседневности*. Восприятие (и использование) знакового пространства как повседневного становится главной чертой, наиболее ярко характеризующей особенность жизни в центре:

— «И на Красной площади я гуляла как у себя во дворе, и... в Мавзолее много раз ходила» (Н.З.Милявская, 1935 г.р.);

— «Трибуны Кремля мы использовали: луку побольше возьмешь с собой — учились курить. А лук берем, чтобы не пахло, заедать... В салочки играли и прочее» (В.В.Поздняк, 1937 г.р.);

— «Причем, когда замерзнем, значит... санки бросили — пошли Владимира Ильича Ленина навестили. Никого народу нет, вечером... ни одного человека нет. Мы пойдем там, пройдем, погреемся, потом — на санки и домой» (Д.И.Веденеев, 1930).

Судя по рассказам, таким же обычным делом, как прогулки по Красной площади, для местных жителей оказываются и встречи с представителями верховной власти, поскольку место их работы располагается здесь же — в Кремле, на Старой площади да и в самом Зарядье. И сами первые лица (А.И.Микоян, К.В.Ворошилов), и их охрана для обитателей Зарядья оказываются такими же элементами повседневности, как Красная площадь и Мавзолей — все они регулярно встречаются на одной и той же — *своей* — территории. Даже с И.В.Сталиным местные жители вступают в соседские отношения. В рассказах о детских играх он предстает не в привычном образе великого вождя-небожителя, а в облике ворчливого соседа, гонящего расшалившихся мальчишек:

— «Ну и потом у нас еще... было хобби: самокаты стали делать на подшипниках... Ну и, видно, Сталину надоело: что там за приятели шум устраивают! — они грохотали на подшипниках — и на нас облаву устроили...» (В.В.Поздняк, 1937 г.р.).

Местные подростки, живя *по-соседству* со Сталиным, могли не только каждый день видеть его светящееся окно в Кремле, но и его самого — из собственного окна:

— «Говорили, что Сталин по ночам выходит и гуляет по нашей улице. В окно я смотрела в надежде, что... я увижу, как этот... Сталин ходит» (С.А.Балтаджи, 1937 г.р.),

или во время ночной прогулки на набережной:

— «День-то длинный летом. Идут навстречу: Сталин, Микоян, Ворошилов... Да, по набережной, после двенадцати, после двенадцати!» (В.В.Поздняк, 1937 г.р.).

Итак, в рассказах информантов о своей жизни в Зарядье московский центр предстает почти исключительно **местом власти**. Именно эта характеристика оказывается главным проявлением центральности района.

Заметим, что в рассказах о повседневных практиках никак не актуализируется другая черта данного пространства, которая, казалось бы, не менее выразительно свидетельствует об особом центральном статусе района. Имеется в виду многовековая история Зарядья, воплощенная в огромном числе памятников. Как ни странно, этот аспект в воспоминаниях представлен довольно слабо. Анализ материалов интервью позволяет утверждать, что в середине XX в. Зарядье не воспринималось местными жителями как **историческое пространство**. Характерно, что даже те фрагменты реальности, которые, казалось бы, должны были отсылать именно к историческим контекстам и служить потенциальным источником исторических аллюзий, в сознании жителей (несколько не интересовавшихся тогда историей) с прошлым никак не сопрягались: древние монеты, найденные на развалинах старых домов, воспринимались лишь как объект коллекционирования (наряду с фантиками от конфет или шпульками от вязальных машин); старинные подвалы и разветвленная система подземных коммуникаций тоже напоминали больше о современной власти (или же, напротив, о тех, кто от нее скрывался), чем о средневековых заговорах; что же касается древних построек на территории Зарядья — их исторический статус также не актуализировался, они воспринимались как рядовые здания, и в этом качестве представляли собой не более чем часть повседневного пространства.

Наглядный пример — Палаты бояр Романовых, одна из древнейших построек в Зарядье. Сегодня это старинное здание, занятое филиалом Государственного Исторического музея, является одним из символов Зарядья как *исторического района* Москвы. Между тем еще полвека назад историчность этого места была вовсе не очевидна. Средневековые палаты воспринимались как старый заброшенный дом, где жил дворник с семьей и хранились какие-то вещи. Название музея «Дом боярина XVII в.» в бытовой речи трансформировалось в причудливую и малопонятную «Домбоярку», а музейная территория (фото 4) использовалась для игры в футбол и «классики»:

— «Что такое дом бояр Романовых? Кто такие бояре? Откуда мы знали? — нам никто не рассказывал. И вот эта площадка... она у нас, среди детей, называлась “пошли в Домбоярку”. Это одно слово было: “Домбоярка”, потому что мы никогда не влезали в сущность этого слова. И вот мы шли играть в Домбоярку» (В.Г.Акатова, 1931 г.р.);

— «А в футбол мы играли прямо так вот... стекла били у этих друзей, которые вот здесь жили» (Д.И.Веденеев, 1930 г.р.).

Фото 4. Знаменский собор и двор музея «Дом боярина XVII в.». Вид с северо-востока. 1957 г. (Источник: ГИМ)

Иначе говоря, в сознании местных жителей это было место обыденного повседневного времяпровождения, лишенное какого бы то ни было особого мемориального статуса. То же самое относится и к другим постройкам Зарядья — Китайгородской стене и многочисленным церквям. Стена включалась в разнообразные игровые и досуговые практики местной молодежи, «обыгрывалась», по удачному выражению одного из информантов. Что же касается церковных зданий — большинство из них было занято разными складами, конторами, мастерскими и даже квартирами.

Существенно и то, что старинные постройки (тогда еще не имевшие статус историко-архитектурных памятников) не обладали особенно запоминающимся внешним обликом и мало отличались от окружающих строений, «смазывались в общей серости всех зданий» (Г.Г.Депельпорт, 1946 г.р.). Кроме того, некоторые из них находились в полуразрушенном состоянии, другие были застроены более поздними сооружениями. Так или иначе, они

были незаметны, визуально не вычленились из тесного ряда жилой застройки, не идентифицировались как старинные здания и соответственно не пробуждали никаких исторических ассоциаций.

— «А так, в принципе, даже особенно и не видно было, что это вот, там, колокольня или еще что-то такое. Потому что — жилое все, оно не было так вот раскрашено, все жилое» (В.Г.Акатова, 1931 г.р.);

— «У меня такое впечатление, что вот эта церковь [Св. Максима] стояла на самом краю. А когда эту [трапезную] подстроили... или ее восстановили, или что... я даже не знаю. Как-то я ее не замечала» (Н.З.Милявская, 1935 г.р.).

Кардинальные изменения визуального образа и культурного смысла Зарядья связаны со строительством гостиницы «Россия». Дело в том, что масштабные преобразования этой территории в 1960-е гг. предусматривали расчистку и реставрацию исторических памятников. Они были освобождены от окружающих пристроек, покрашены и стали заметным элементом визуального образа Зарядья. Произошло своего рода *проявление* истории в архитектуре: то, что раньше было скрыто, теперь стало явно, то, что раньше сливалось с окружением и не выделялось глазом, теперь акцентировалось:

— «Когда я появилась здесь, уже, когда гостиница была отстроена, и все вот эти церкви были как бы очищены, восстановлены, реставрированы, и я тогда поразились: батюшки! какие красоты здесь! Это все было скрыто» (А.С.Цодокова, 1947 г.р.).

В результате раскрытия и реконструкции застроенных и полуразрушенных зданий облик Зарядья заметно поменялся. Теперь он определялся двумя составляющими: с одной стороны, крупным зданием гостиничного комплекса, а с другой — целым рядом архитектурных памятников. Хронологический контраст между ними акцентировал внимание на выделяющихся по форме и колориту памятниках старины. «Старина» становилась очевидной, и если раньше здесь было довольно трудно думать об истории, то теперь ее оказалось невозможно не заметить. С помощью таких визуальных по своей природе средств Зарядье из жилого района превратилось в историко-архитектурный «музей-заповедник на открытом воздухе, где памятники древнего зодчества напоминают о средневековой Москве» [5].

Благодаря такой *историзации* Зарядье сегодня является общепризнанным пространством истории (фото 5), занимающим почетное место в историко-краеведческих изданиях и школьных учебниках, где виды района активно используются в качестве иллюстраций к сюжетам XVI–XVII вв. Кинематограф также осваивает этот новый ландшафт: если раньше здесь снимали сцены повседневной жизни (например, для фильма «Берегись автомобиля»), то теперь уголки Зарядья представляют собой «готовую кинонатуру» для исторических картин (таких как «Князь Серебряный»), ведь «история России открывается здесь повсюду внимательному взгляду. Она — в древних камнях, пластике объемов, в красках и романтических силуэтах» [6]. На историчность Зарядья указывают дизайн местных кафе и ресторанов,

стилизованные «под старину» музейные вывески да и сам факт наличия двух исторических музеев на такой небольшой площади.

Фото 5. Зарядье и улица Варварка. Вид с запада. 2007 г. Фото автора

Все это непосредственным образом отражается и на бывших обитателях района. После переезда на новое место жительства у них появляется устойчивый интерес к истории Зарядья. Подчеркнем, что речь идет не просто о пассивном интересе, а об активном, целенаправленном поиске информации. Те же самые люди, которые когда-то легкомысленно лазили по боярским палатам, били окна в древнейших московских домах и играли в расшибалку монетами XVII в., теперь добросовестно исполняют роль любознательных туристов: ходят на выставки, читают краеведческую литературу, посещают экскурсии, познавая таким образом неактуальное прежде историческое пространство и усваивая его новые значения и смыслы. Если в *рассказах о жизни* история почти не фигурирует, то в *репрезентации места* она играет главную роль. Информанты всячески поддерживают и развивают тезис об исторической значимости и уникальности Зарядья, описывая его как самый древний район в Москве, связанный с историческими фигурами общероссийского масштаба (такими как Александр Невский, Иван Грозный и Григорий Отрепьев). Иными словами, сегодня в сознании бывших жителей района происходит (в частности, во время интервью) *ретроспективная историзация* пространства, запоздалое постфактическое конструирование исторического текста.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что городское пространство (или его фрагмент) существует не как физический локус, но как

культурный ландшафт, наделяемый тем или иным смыслом, не всегда одним и тем же. Между внешним обликом и культурным смыслом пространства существует тесная связь, вследствие чего его изучение требует обращения к разным видам источников (как вербальным, так и визуальным). Образ места складывается из визуальной и смысловой составляющих, и изменение одного компонента влечет за собой изменение другого. Интерпретация темы центрального в интервью бывших жителей Зарядья позволяет проследить трансформацию визуальных образов и культурных смыслов пространства.

Литература

1. Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 289–290.
2. Пространство в России: Круглый стол // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 33.
3. Barker L.M. Learning memory and remembering history // Memory and History. Essays on Recalling and Interpreting Experience / Ed. by J.Jeffrey and G.Edwall. Lanham, Maryland: American University Press, 1994. P. 152.
4. Воронина Т., Утехин И. Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память и блокада. Свидетельства очевидцев и историческое знание общества. М.: Новое издательство, 2006. С. 233.
5. Казакевич И.И. Московское Зарядье: Альбом. М.: Искусство, 1977. С. 40.
6. Александров Ю.Н. Москва. Диалог путеводителей. М.: Московский рабочий, 1985. С. 143.

*Е.Д.Жамбалтарова,
В.М.Ветров,
А.М.Клементьев**

**Комплексное
исследование
археологических
памятников неолита —
раннего бронзового века
Западного Забайкалья**

В статье представлены результаты комплексного исследования археологических памятников неолита — раннего бронзового века Западного Забайкалья с привлечением данных археологии, палеогенетики, зооархеологии, геологии и других наук. В рамках проекта выявлены и систематизированы материалы по архивным и опубликованным источникам, содержащие сведения об исследуемых памятниках, а также изучены неопубликованные археологические материалы. Обнаружение новых археологических объектов расширило источниковую базу исследования.

Археология открывает древние этносы и этносоциальные явления, обозначаемые термином «археологические культуры», возрождая тем самым культурное наследие, культурный фонд человечества. По данным археологии удастся многое понять и объяснить не только в прошлом, но и в настоящем. Однако интерпретационные возможности археологического материала зачастую бывают ограничены, в особенности когда речь идет о культурах, не оставивших письменных источников. И ключевой вопрос любого археологического исследования — происхождение данного этноса или культуры решается в виде ряда равновероятных гипотез и предположений [21, с. 63].

Актуальность предлагаемого исследования определена накоплением обширного материала археологических памятников неолита — раннего бронзового века Западного Забайкалья, погребальных и поселенческих комплексов, необходимостью их систематизации, введения в научный оборот и исследования с позиций комплексного подхода на качественно новом уровне.

Археологические исследования. В ходе полевых работ обнаружены новые местонахождения: в Хоринском районе Бурятии на археологическом комплексе Санний Мыс — погребение (развитой бронзовый век) [17, с. 113]; на севере Витимского плоскогорья (рис. 1) открыты неолитические стоянки (Малый Амалат, Усть-Талая I и II); в Кабанском, Прибайкальском, Еравнинском, Кижингинском, Баунтовском районах Бурятии, Тунгокоченском

* **Жамбалтарова Елена Дашиевна** — кандидат исторических наук, хранитель музея Бурятского научного центра СО РАН, руководитель проектов «Неолит и ранний бронзовый век в Западном Забайкалье (палеогенетические и палеокультурные аспекты)» (06-01-00466а) и «Археология, палеоантропология и палеогенетика Фофановского могильника (неолит — бронзовый век, Восточное Прибайкалье)» (09-01-00368а).

Ветров Виктор Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологии Иркутского государственного педагогического университета, исполнитель того же проекта.

Клементьев Алексей Михайлович — сотрудник Иркутского государственного технического университета, исполнитель того же проекта.

районе Читинской области выявлены местонахождения стояночного типа (неолит — бронзовый век) (Нюки IV, Засухинский Прижим, Ключевская Падь, Усть-Каренга XVII, Усть-Угдамия и др.) [7, 14, 20]. На Фофановском могильнике были исследованы раннеолитические погребения [12].

На многослойных объектах Усть-Каренга XII и XVI в устье р. Каренга (правый приток Витима) взяты образцы грунта и керамики из одновременных культуросодержащих горизонтов для проведения аналитических операций:

- фиксации следов формовки и действий с поверхностями сосудов;
- определения пределов вариабельности внутри каждого ансамбля;

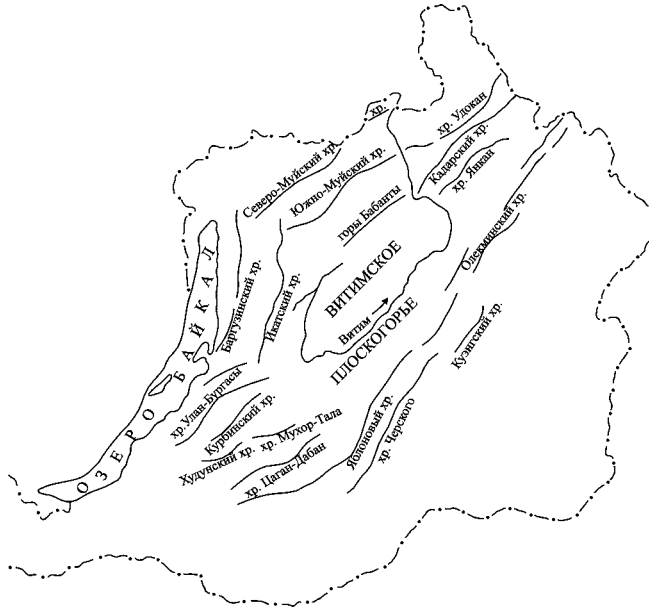

Рис. 1. Витимское плоскогорье

- проведения петрографического анализа;
- выявления мест добычи сырья и определения возможных локальных вариантов в глине и минеральных ресурсах;
- определения соотношения естественных и искусственных составляющих;
- определения температуры обжига посредством сочетания инфракрасной спектроскопии и дифракции рентгеновского луча;
- анализа механических свойств керамики с применением компьютерного моделирования с целью определения ее функционального назначения;
- анализа существующих органических остатков в керамике с использованием методов газовой хроматографии — масспектрометрии;
- определения степени влияния химико-физических природных процессов на составляющие керамику элементы;
- выявления взаимозависимости технологии, орнаментации, формы, использования и состава изделий;
- сравнения результатов послойных определений образцов между собой, как и сравнения сосудов верхневитимских стоянок в целом с результатами сходных исследований других памятников археологии Восточной Азии.

С использованием электронного микроскопа в некоторых образцах обнаружены фрагменты пыльцы растений внутри керамической массы сосудов, что, наряду с органическими остатками (вплоть до негативов мелких листьев) и органическими компонентами в виде длинных полостей с карбонатизированными краями, свидетельствует о специальном употреблении органических включений в керамическом производстве. Это обстоятельство в идеальном варианте может привести к определению видов растений, что явится проверкой результатов анализа палинологических образцов, взятых из соответствующих культуроросодержащих горизонтов давностью до 11–12 тыс. лет назад. С помощью электронного микроскопа выявлена вариабельность способов обработки внешней поверхности сосудов от замытия их перед просушкой до нанесения ангоба из глиняного теста без примесей или с примесью другого, отличного от массы сосуда состава. С использованием спектрометра установлено различие железистого компонента в керамической массе, что свидетельствует о выборе различных видов глины для изготовления отдельных сосудов.

Вместе с каменными артефактами начиная с 12–11 тыс. л.н. залегают обломки керамических сосудов, что позволяет отнести ранние из них к периоду начального неолита. Керамические сосуды своеобразны (рис. 2), по техническому декору и художественному орнаменту в сопредельных территориях аналогов не имеют [3–6].

Рис. 2. Усть-Каренга. Горизонт 7. Фрагменты керамического сосуда

В результате изучения коллекций материала усть-каренгского комплекса стоянок было установлено, что ранние слои усть-каренгской археологической культуры (13–4,5 тыс. л.н.) содержат каменный инвентарь палеолит — мезолитического облика (клиновидные и подпризматические нуклеусы, трансверсальные резцы типа «арайя», клинки-бифасы, ножи на массивных пластинчатых сколах, микропластинки и т.д.), характерный для позднеплейстоценовых — раннеголоценовых объектов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Преобладающим сырьем для изготовления орудийного набора являлись кремневые гальки, характерные для руслового аллювия рек Витим и Каренга. Вместе с тем в результате новых исследований и определения минералогического состава полученного ранее каменного инвентаря важно отметить, что в слоях среднего голоцена (атлантический оптимум) ряд артефактов изготовлен из экзотического для бассейна Верхнего Витима поделочного камня (гиолодацита, графитгита, нефрита), выходы которого от устья Каренги расположены на расстоянии 400–600 км по прямой линии. В связи с этим появился интерес к выявлению месторождений этих пород, а в контексте археологии — к моделированию расстояния и путей их доставки в виде полуфабрикатов или готовых изделий до места назначения. В историческом же плане это обстоятельство свидетельствует о коммуникациях древнего населения различных районов Восточной Сибири.

На основе изучения опубликованных и архивных материалов погребальных памятников неолита — раннего бронзового века Забайкалья и северо-восточной Монголии составлены формализованные описания свыше двухсот погребений, позволяющие определить характеристики исследуемого погребального обряда. К характерным признакам погребального обряда *ранне-неолитических* комплексов (8–6 тыс. л.н.) отнесены коллективные захоронения, в том числе и антитезные, погребения костяков без черепа. Отмечается неустойчивость ориентации погребенных (головой на север, восток, юго-восток, северо-восток). Надмогильные или внутримогильные конструкции отсутствуют. Обязательна засыпка охрой.

К характерным особенным признакам *поздних неолитических* погребений (5–4 тыс. л.н.) отнесены наличие надмогильных и внутримогильных сооружений, положение умерших людей на боку с согнутыми ногами или в скорченном положении, преобладание ориентировки головой на северо-восток. В инвентаре характерными являются односторонние гарпуны, рыболовные крючки, роговые отжимники и кости рыб, стрелы, изделия из нефрита. Отличительными признаками *энеолитических и раннебронзовых погребений* (от 4 до 2 тыс. л.н.) являются наличие надмогильных сооружений, индивидуальные захоронения, следы огня, отсутствие охры, преобладание положения головой на восток с отклонениями (ЮВ, СВ), разнообразным положением погребенных (сидя, на боку с согнутыми ногами, вытянутые на спине). К особенным признакам анализируемых погребений относится наличие изделий из металла и изделий из нефрита.

Общими признаками погребального обряда населения неолита — раннего бронзового века рассматриваемой территории являются преобладающее положение умерших на спине с согнутыми ногами и положение на боку в скорченном состоянии, доминирующая ориентировка головой на юго-восток и

восток. Инвентарный комплекс характеризуется присутствием клыков кабана, кабарги, перламутровых изделий (бусы, кольца, подвески, целые раковины), пластин и микропластин, отщепов, составных орудий (острия, кинжалы, ножи), наконечников стрел, проколов, скребков. Фиксируется социальный контекст отдельных погребений. Выделяются погребения в пещерах (гротах), в структуре поселений, «вторичные» погребения. Коллективные погребения, как правило, отличаются составом сопроводительного инвентаря [17, с. 136–138]. Анализ погребальных памятников Западного Забайкалья и северо-восточной Монголии позволяет сделать вывод о том, что неолитические традиции погребальной обрядности (и, следовательно, мировоззрения) достаточно устойчивы и продолжают существовать в более позднее время, включая этапы эпохи металла [там же, с. 172].

В ходе исследования были получены материалы нового раннеолитического погребения Фофановского могильника с «чужим» черепом (материалы 2007 г.) (рис. 3). Умерший находился в положении на спине с согнутыми ногами, ориентирован головой на ЮВ. Справа около тазовых костей скелета находился «чужой» череп человека. Наблюдалась засыпка охрой, особенно интенсивная в районе обоих черепов, подреберья, левой руки, таза и ступней погребенного. Слева у виска умершего находилось кольцо из перламутра. Отнесение описанного погребения к раннеолитическим погребениям Фофановского могильника подтверждается полученной радиоуглеродной датой по кости — 6800 ± 180 лет (СОАН-7183). Калиброванный [по технологии

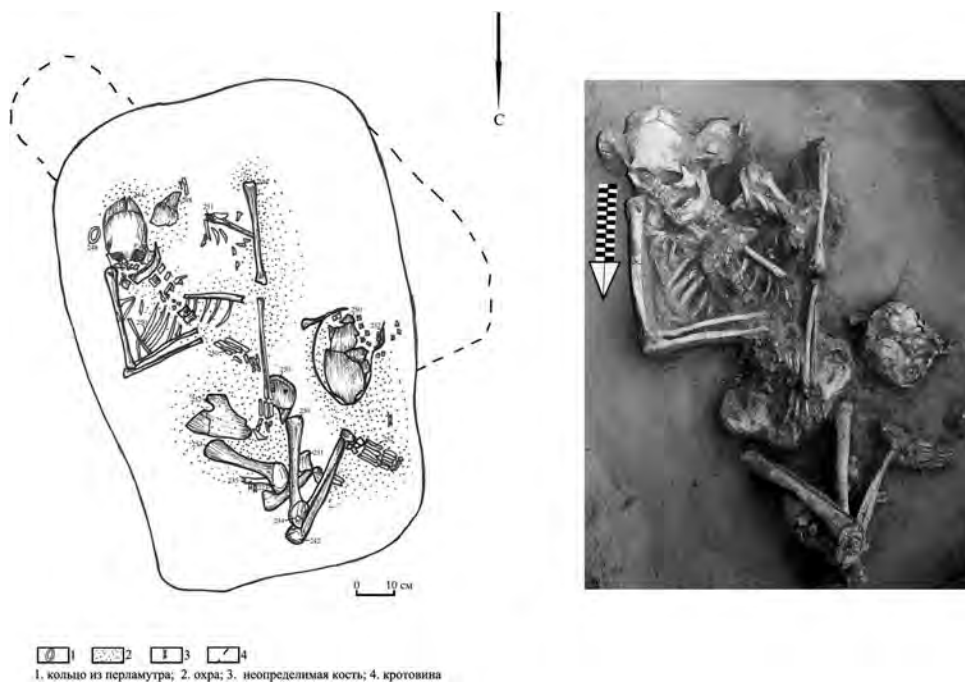

Рис. 3. Фофановский могильник. Погребение с «чужим» черепом (2007 г.): план и фрагмент погребения

Stuiver et al., 1993] календарный возраст приведенной даты соответствует примерно 5879–5558 гг. до н.э. [14]. Следует подчеркнуть, что характерным признаком раннеолитических погребений Байкальского региона, в том числе фофановских, является отсутствие черепов [2, с. 14]. Наличие «чужого» черепа впервые фиксируется на исследуемом могильнике и является на сегодняшний день уникальным признаком для раннеолитических погребений Байкальского региона.

Палеогенетические исследования. В ходе исследования подобраны методы экстракции древней ДНК, применимые к STR-локусам, и выявлено их отличие от селективной экстракции мт-ДНК. Использование биотинилированного рандомного гексапрайма позволило экстрагировать весь пул тотальной ДНК и амплифицировать почти в равной степени участки как ядерной, так и мт-ДНК, включая и STR-локусы.

Для амплификации исследуемых локусов были использованы оригинальные пары праймеров, синтезирующие более короткие ампликоны и соответственно имевшие большую эффективность PCR. Отсутствие стандартных лэддеров, позволявших точно определить аллельные варианты, было компенсировано прямым секвенированием как с использованием элюатов из агарозного, так и из акриламидного геля по оригинальной методике. В результате был создан оригинальный лэддер из амплификатов в основном ДНК сотрудников, принимавших участие в проекте, что, в свою очередь, позволяло отслеживать контаминацию.

При наличии недостаточно четких бэндов при электрофорезе образцы подвергались секвенированию.

Учитывая характер поставленных задач, был выбран локус CD4, обладающий значительной гетерогенностью в целом ряде популяций.

Анализ предварительных результатов древней ДНК позволил выявить монголоидные и европеоидные гаплотипы.

Анализ STR локуса CD4 для 7 образцов (зубы, кость) из раннеолитических погребений Фофановского могильника выявил 5 различных аллелей. Самыми распространенными оказались 7-я и 8-я аллели. Аллель 7 наиболее характерна для монголоидных популяций, аллель 8 — для популяций Африканского континента [11].

Полученные палеогенетические результаты исследования древних образцов являются предварительными. Определенные заключения возможны только после существенного увеличения количества секвенированных последовательностей нуклеотидов, извлеченных из древнего костного материала.

Исследования фаунистических материалов. Выполнены определения субфоссильных остатков крупных млекопитающих поселений и погребений неолита — бронзового века Западного Забайкалья (таблица).

Статистический анализ полученных определений поселенческих материалов позволил отнести к ведущим видам в промысловой деятельности исследуемого населения коосу, благородного оленя (изюбра). В материалах памятников эпохи бронзового века встречаются кости домашних видов животных: крупного и мелкого рогатого скота и лошади. Сопоставление полученных определений субфоссильных остатков поселений и погребений позволило сделать следующие выводы:

1. В обоих типах памятников встречены кости косули и лисицы обыкновенной.

2. Только в погребениях фиксировались кости хищников (волк, соболь), украшения из клыков кабана.

3. Кости из погребений обладают гораздо лучшей степенью сохранности, чем кости из поселений.

Анализ полученных определений позволяет сделать вывод о том, что население бассейна реки Селенги неолита — раннего бронзового века в основном занималось добыванием млекопитающих лесного фаунистического комплекса (олень, кабан, медведь, лисица, соболь). Но уже на данном этапе появляются и первые домашние копытные (скелет овцы, определенный В.И.Цалкиным из могилы 20 Фофаново 1959 г.) [8, с. 35]. Среди костей животных, использовавшихся в пищу, встречены кости рыб, птиц, крупных копытных.

Таким образом, полученные данные отражают уровень развития носителей археологических культур неолита — раннего бронзового века Западного Забайкалья (культурно-технологические традиции в гончарном производстве и в изготовлении каменных орудий; сложность мировоззренческих представлений, закодированных в погребальном обряде), уровень использования природных ресурсов изучаемой территории, а также позволяют в некоторой степени осветить миграционные процессы и межкультурные влияния.

В заключение подчеркнем, что полученные нами результаты комплексного исследования являются промежуточными. Общие усилия представителей разных наук позволили во многом по-новому представить проблемы изучения археологических культур неолита — раннего бронзового века Западного Забайкалья. Благодаря комплексному подходу получена возможность на принципиально новом уровне определить роль и место исследуемых археологических культур в контексте культур сопредельных территорий.

Проведенное исследование актуализировало необходимость дальнейших исследований с позиций комплексного подхода, так как остаются дискуссионными вопросы о генезисе антропологического типа древнего населения Прибайкалья [9, 12, 13, 18, 19], вопросы хронологии, культурной принадлежности населения неолита — раннего бронзового века Западного Забайкалья [1, 10, 16]. Отметим, что в археологии Байкальского региона в целом, и Западного Забайкалья в частности, остаются актуальными вопросы корреляции поселенческих и погребальных памятников неолита — раннего бронзового века с применением методов абсолютного датирования, позволяющих составить новую схему развития исследуемых культур.

Литература

1. Асеев И.В. Китайская культура в неолите Байкальского региона и прилегающих территорий: вопросы хронологии, районы миграции ее носителей // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (10). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 59–70.

2. Базалийский В.И. К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири //

Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 10–18.

3. Ветров В.М. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген. Палеоантропология, георхеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 29–34.

4. Ветров В.М. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России: Сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 1. С. 173–176.

5. Ветров В.М. Усть-каренгская культура и ее место в системе археологических памятников сопредельных территорий // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II Международной научно-практической конференции. М.; Иркутск; Тэгү: Листок, 1997. Кн. 2. С. 176–180.

6. Ветров В.М., Хоммел П.Н., Джордан П., Дэй П.М., Мюллер Н. Древнейшая керамика усть-каренгской археологической культуры (предварительные результаты анализов) // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. пед. ун-та, 2008.

7. Ветров В.М., Инешин Е.М., Кононов Е.Е., Тетенькин А.В., Туркин Г.В. Новые объекты археологии на севере Республики Бурятия // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2007. Вып. 5. С. 100–117.

8. Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.

9. Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. 1980. Т. 36. С. 5–34.

10. Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. М.: Старый сад, 2000.

11. Губина М.А. Отчет о проделанной работе по проекту РГНФ 06-01-00466а «Неолит и ранний бронзовый век в Западном Забайкалье (палеогенетические и палеокультурные аспекты)». Новосибирск, 2008 (хранится в архиве БНЦ СО РАН).

12. Дебец Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья: (Палеоэтнологический этюд) // Известия Ассоциации научно-исслед. ин-та при физ.-мат. фак. Моск. ун-та. 1930. Т. 3, № 2-А. С. 151–169.

13. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии АН СССР (новая серия). 1948. Т. 4. С. 56–64.

14. Жамбалтарова Е.Д. Результаты археологических полевых работ в Кабанском и Прибайкальском районах Республики Бурятия 2007 г. // Археологические открытия 2007 г. М.: Наука, 2010 (в печати).

15. Жамбалтарова Е.Д. Фофановский могильник: перспективы исследований // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2008. С. 212–215.

16. Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979.

17. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов перво-

бытнoй культуры). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008.

18. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды Института этнографии АН СССР (новая серия). 1958. Т. 36. С. 155–177.

19. Мамонова Н.Н., Мовсеян А.А. Территориальная и эпохальная изменчивость населения прибайкальского неолита по данным о дискретно-варьирующих признаках на черепе // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 138–147.

20. Цыденова Н.В. Новые археологические памятники в долинах рек Кодун и Кижинга // Мир Центральной Азии-2. Улан-Удэ, 2008. С. 24–32.

21. Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.

22. Stuiver M., Reimer P.J. Extended ^{14}C database and revised CALIB 3/0 ^{14}C age calibration program // Radiocarbon. 1993. V. 35. № 1. P. 215–230.

И.Н.Буздалов*

Социальное рыночное хозяйство: проблемы становления в агропродовольственном секторе России

В статье рассматриваются возможности рационализации всей системы аграрных отношений и обеспечения на этой основе действительного прогресса в сельском развитии за счет системного использования принципов социального рыночного хозяйства. Показаны условия и направления последовательной реализации этих принципов, расширения сферы коммерческой деятельности в кооперативной системе сельского хозяйства и агробизнесе в целом.

С начала осуществления рыночных реформ в стране прошло два десятилетия, однако их результаты при отдельных позитивных изменениях в различных сферах общественной жизни за последние годы в целом пока далеко неутешительны. Особенно это проявляется в аграрной сфере. Сельское хозяйство, его социальная и инженерная инфраструктура, ресурсный потенциал по-прежнему остаются гиблым местом в экономике. Деградирован главный, «человеческий», фактор села. Это негативно сказывается на всей системе социально-экономических отношений современной России. Именно бедственное положение деревни во многом предопределило расстройство этой системы, и причины такого положения общеизвестны: здесь и общие последствия «спирали многовековой драмы», подавлявшей жизненные силы российского крестьянства, особенно в годы большевистских экспериментов над ним, и результаты сумбурной, бессистемной деятельности реформаторов на протяжении 1990-х гг., и очевидные изъяны в проведении аграрной и общей экономической политики государства в последние годы.

Изменение положения в сторону реального прогресса в сельском развитии связано с дальнейшим системным упорядочением основополагающих принципов человеческой деятельности в рыночных условиях. В первую очередь это относится к деятельности органов и ответственных лиц государства, их действительной ответственности за обеспечение этого прогресса. В практических шагах такого обеспечения применительно к современному периоду становления в России *социального (или социально ориентированного) рыночного хозяйства* представляется по существу безальтернативным использование научных обоснований и практического опыта рациональной его общественной организации. Такой, исключительно результативный опыт накоплен в высокоразвитых странах современного мира, в частности в послевоенной Западной Германии в процессе ее перехода от тоталитарного режима к демократическому, правовому государству и гражданскому обществу.

* Буздалов Иван Николаевич — академик РАСХН, главный научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики РАСХН, руководитель проектов РГНФ «Сельское хозяйство как особый приоритет государственной поддержки: направления и механизмы обеспечения в условиях возросшей угрозы продовольственной безопасности» (10-02-00243а) и «Научные основы и механизмы обеспечения устойчивости развития сельского хозяйства в условиях перехода к рыночным отношениям» (08-02-00008а), руководитель проекта РФФИ 09-06-13508.

Не учитывать этот опыт — значит и далее оставаться в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации.

Концептуальные основы социального рыночного хозяйства, системно реализованные в ФРГ после Второй мировой войны, в завершённом виде были сформулированы в работах Л.Эрхарда, исходившего из методологических обоснований так называемой теории порядка (В.Ойкен, В.Репке, А.Мюллер-Армак, Ф.Бем и др.), включающего тесно взаимодействующие политический, экономический, социальный и правовой порядки. Основными принципами социального рыночного хозяйства и адекватного ему демократического общественно-политического порядка в государстве его «отцы-основатели» считали неукоснительно охраняемую законом от анархии, вседозволенности и произвола властей *личную свободу, экономическую дееспособность, социальную справедливость*.

При этом с точки зрения общей концепции социального рыночного хозяйства, реализация которой в ФРГ справедливо оценивается мировым сообществом как «экономическое чудо» (к началу 60-х годов, фактически за 6—7 лет реализации этой концепции ВВП Германии возрос почти в 3 раза, среднегодовые темпы экономического роста составили 10%, а безработица снизилась до 1%), социальная справедливость рассматривалась в хозяйственной и других сферах человеческой деятельности в тесной увязке с «экономической дееспособностью». При этом предполагался обеспечивающий личную свободу приоритет частной собственности и, соответственно, дифференцированное, адекватное достигаемому эффекту распределение материальных благ при умеренных различиях доходов бедных и богатых. «Достижение социальной справедливости, — доказывал и иллюстрировал обобщениями практического опыта В.Ойкен, — следует искать на путях создания “совокупного функционирующего порядка” и прежде всего на путях подчинения процесса образования доходов *строгим правилам конкуренции, риска и ответственности* (подчеркнуто мною. — И.Б.). Нужно усвоить, что частная собственность *может* приводить к сбоям, коллективная собственность *должна* приводить к ним... Снижение производительности, ухудшение снабжения и ограничения свободы — вот та цена, которую приходится платить за каждую попытку отойти от конкурентной экономики, причем не остается никаких надежд на то, что будет обеспечено справедливое распределение социального продукта» [1].

Экономическая дееспособность зависит от основанного на присущем правовому государству законе и обеспечивающем его неукоснительное исполнение независимом суде, жестком проявлении действий этой власти в наведении совокупного функционирующего порядка, активизирующего трудовую деятельность в самых различных сферах общественной жизни, а не только в непосредственно производственной, хозяйственной. Разве не у «россиян» проявлялся менталитет меншиковых, потемкиных, строгановых, демидовых, путиловых и многих других, говоря словами Ломоносова, «собственных Платонов»? Подвижки в наведении указанного порядка сейчас наблюдаются в узких пока сегментах российской экономики, в том числе в функционировании крупных, средних и мелких предприятий аграрного бизнеса страны. Однако общего прогресса не наблюдается из-за отсутствия указанного по-

рядка, следовательно, из-за масштабного нарушения принципов социального рыночного хозяйства.

Сваливать поэтому все на некий, якобы от всевышнего данный, «окостенелый» российский менталитет, в частности крестьянский (как будто в селе не было и нет прежних и современных «культурных» хозяев), на какую-то непостижимую уму особую российскую «стать», в которую, по известной поэтической версии, «нужно только верить», — значит, и далее довольствоваться безответственными иллюзиями и бездействием (или видимостью действия), с их заведомой социально-экономической пагубностью.

Национальные особенности естественны и бесспорны, но они могут радикально меняться в зависимости от изменений окружающей человека общественной среды, от наличия или отсутствия в государстве политического, экономического, социального и правового порядка.

Принуждение как инструмент обеспечения в стране общественно-политического порядка — неотъемлемая функция государства, причем самого демократического. Все зависит от целей установления и методов его осуществления: одно дело — подавляющее личную свободу принуждение волевое, внеэкономическое, сопряженное с лишениями и бедностью людей, и совсем другое — преимущественно экономическое, основанное на законе, стимулах и интересах, с целевой ориентацией на соблюдение личной свободы и личного интереса, права собственности, других общечеловеческих ценностей, обеспечивающих общее *повышение благосостояния народа*.

Бедность, по П.А.Стольшину, — есть «худшее из рабств», и уже поэтому она свидетельствует о социальной и нравственной порочности установления в государстве тоталитарного общественно-политического порядка, как бы властители ни афишировали их цели якобы обеспечения «светлого будущего» для своего народа, оставляя его в сегодняшней и завтрашней бедности, бесправии, по известному выражению, в состоянии «забитости и одичалости».

За последнее время в становлении социального рыночного хозяйства в России произошли определенные сдвиги. Но в целом его принципы серьезно нарушаются, что особенно проявляется в сельском хозяйстве. Монопольное окружение отрасли при общих структурных перекосах в экономике болезненно сказывается на реализации принципа социальной справедливости. Это выражается не только в крайне низком уровне оплаты крестьянского труда, в «первенстве» селян по степени бедности. В убогом состоянии находится вся сельская социальная и инженерная инфраструктура. Прямым следствием подрыва фундаментального принципа социального рыночного хозяйства является подавление экономической дееспособности большинства занятых в аграрном секторе, основной части сельскохозяйственных предприятий. Лишь в отдельных из них эта дееспособность и, соответственно, конкурентоспособность, находятся на достаточно высоком уровне прежде всего благодаря реализации указанного принципа, достигаемой, как правило, при активной государственной протекционистской поддержке.

В целом принцип социальной справедливости в отношении сельского хозяйства нарушается вследствие продолжающейся, выходящей за пределы разумного «перекачки» вновь созданной крестьянским трудом стоимости. Ее сумма примерно в 5 раз превышает возврат селу средств по всем каналам

господдержки. Отсутствие серьезных собственных накоплений ведет к деградации производственной базы сельского хозяйства, лишает возможностей ее модернизации.

Считается, что в процессе аграрной реформы в сельском хозяйстве, в других отраслях и сферах экономики реализован принцип личной свободы. На самом деле и здесь все обстоит далеко не благополучно, тем более для сельских тружеников. Казалось бы, что при остром дефиците отечественного продовольствия и засилии импорта (превысившего в 2009 г. 30 млрд долларов) крестьянин может свободно реализовать свою продукцию на рынке. В действительности и при новом Законе о торговле попасть на этот рынок — тем более без поборов — фермерам, владельцам сельских подворий зачастую не удается. А ответственность за это и вообще за выполнение норм закона законодатели опять «забыли» прописать в нем. «Дачная амнистия» не устранила «свободы» стояния в очередях и хождения по кабинетам чиновников. Свобода действий для крестьянина фактически вообще заканчивается, как только он со своей земельной долей попадает в систему гигантских агрохолдингов и агрофирм.

Принцип личной свободы представляется естественным в условиях и системе сельскохозяйственной кооперации, в частности в ее обслуживающих, вертикальных формах. На самом деле в формально кооперативном секторе сельского хозяйства (а по официальной отчетности за 2009 г. сельскохозяйственная потребительская кооперация (СПК) в стране составляет почти 1/3 всех сельскохозяйственных объединений (СХО) просматриваются отношения, не свойственные подлинной кооперативной демократии с их правовым закреплением в действующем Законе «О сельскохозяйственной кооперации». Попав в такой кооператив со своей земельной долей, крестьянин фактически расстается со свободой выйти из него для создания фермерского хозяйства и последующего вступления в вертикальные формы кооперации, доминирующие в аграрном секторе развитых стран современного мира.

Все это является следствием того, что не только в исполнительной, но и в законодательной, в других ветвях власти и институтах государства при определенной общей политической стабильности, наличии «вертикали власти» у нас сейчас много явного хаоса, безответственности, социальной несправедливости, а иногда разложения. Но и в Западной Германии концепция социального рыночного хозяйства формировалась в той же атмосфере всеобщего хаоса, существовавшего в стране после окончания Второй мировой войны. Однако именно реализация концепции социального рыночного хозяйства, предполагавшей одновременно усиление и роли цивилизованных рыночных отношений, и регулирующей роли государства, наличия верховенства закона во всех институтах и слоях общества, цивилизованной судебной системы, в короткие сроки практически обеспечила преодоление этого хаоса, безответственности и безнаказанности.

Только сильная и ответственная перед законом, обладающая необходимой политической волей власть, сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики и эффективного, основанного на принципах личной свободы, социальной справедливости и экономической дееспособности общественного развития вообще. По определению Ф.Бема, соратника и по-

следователя В.Ойкена, «сильное государство — это не такое государство, которое раздаёт многочисленные льготы налево и направо, а то, которое использует политическую власть для обеспечения честной конкурентной деятельности в экономике и обществе» [3] (подчеркнуто мною. — И.Б.).

Исходя из этого методологического положения, важно решить двуединую задачу: определить и границы, и методы государственного вмешательства в процессы социально-экономического развития, причем в таких пределах, чтобы способствовать достижению наибольшего экономического и социального эффекта в этом развитии. А это должно сопровождаться (что и практиковалось в ФРГ, в других странах, например в Великобритании в период премьерства М.Тэтчер) не национализацией («передачей народу»), а денационализацией, приватизацией, соответственно, расширением сферы рыночных отношений в экономике, коммерциализацией деятельности в традиционно некоммерческих структурах, включая также такие социально значимые сферы, как образование, здравоохранение, культура, искусство, наука, природопользование, при активном целевом государственном экономическом регулировании и жестком правовом обеспечении.

В связи с возможной, как это имеет место во многих странах мира, приватизацией части лесов, бесхозных при существующих «порядках», раздаются запугивающие голоса, что с ее осуществлением человеку закрывается путь в частные леса за грибами, ягодами, доступ к водоемам и т.д. Но это все исходит из предположения о «естественности» беспорядков, беззакония в обществе. Частная собственность — это не вседозволенность, и она должна находиться в поле четкого и жесткого правового регулирования, особенно в природопользовании. В том числе это относится к лесопользованию, вплоть до изъятия лесных участков (как и используемых не по назначению или бесхозно эксплуатируемых земельных участков в сельском хозяйстве) в случае нарушения законодательства, исключающего, например, закрытие для населения доступа в частные леса, но в то же время обязывающего каждого бережно относиться к ним, возмещать возможный ущерб, особенно от пожаров. Мировой опыт, в том числе «дореволюционный» российский, свидетельствует, что частные лесные угодья всегда находились и находятся в лучшем состоянии в отличие от принадлежащих «всему народу», лучше охраняются, меньше засоряются «отдыхающими», меньше разворываются и т.д.

С этой точки зрения социально справедлива коммерческая, предпринимательская деятельность огульно «записанных» в некоммерческие кооперативных организаций, функционирующих непосредственно в сферах промышленной и сельскохозяйственной деятельности. Не вдаваясь в рассмотрение всей совокупности этих организаций, тем более общественных, особенно благотворительных, которые функционируют действительно за пределами рыночного бизнеса, в данном случае ограничимся констатацией реальных отношений в такой социально значимой сфере указанной деятельности, как обслуживающие сельскохозяйственные кооперативы (по явному недоразумению записанных в разряд потребительских), отнесенные согласно Гражданскому кодексу и упомянутому Закону о сельскохозяйственной кооперации к некоммерческим организациям. Указанное отнесение является результатом весьма сомнитель-

ного требования «бесприбыльности» кооперативов, утверждаемого в работах М.И.Туган-Барановского. В реальной сегодняшней действительности, несмотря на авторитетные цитаты из трудов выдающихся представителей кооперативного движения прошлого, на какие-то частные примеры из далекого от современности опыта, прибыль, рентабельность и для обслуживающего («узаконенного» как потребительского, т.е. якобы некоммерческого) сельскохозяйственного кооператива занимает свое «законное» место как *непосредственная экономическая цель* всей его деятельности.

К сожалению, догма о неприбыльности кооперативов была воспринята Международным кооперативным альянсом, который в 1969 г. провозгласил и поддерживает увековечивание этой догмы, заменив категорию прибыли как «чужеродного тела» в кооперативе общим понятием «экономический результат», хотя известно, что последнее понятие включает многообразие показателей, в том числе ту же прибыль, которая «неистребимо» воспроизводится и выполняет важнейшую социально-экономическую функцию в любом виде кооперативной деятельности.

Спустя 12 лет после этой замены, анализируя реальные отношения, действительное место кооперативов в рыночных процессах, в механизме рыночной конкуренции, серьезный исследователь данной проблемы М.Шарас делает основанный именно на разуме и реалиях жизни вывод о том, что в условиях господства рыночных отношений любой кооператив есть «составная часть свободного рыночного предпринимательства» и как таковой «ставит своей целью получать прибыль» [5]. И это более чем естественно: ориентация на эту цель и для обслуживающих кооперативов как субъектов рынка составляет основу здоровой конкуренции и выявления конкурентоспособности предпринимательских рыночных структур агробизнеса, включая якобы некоммерческие, кооперативные.

Пытаясь как-то «реабилитировать» устаревшую версию о неприбыльности и некоммерческом характере обслуживающего кооператива, некоторые современные исследователи кооперативного движения говорят, что постулатом неприбыльности можно защищаться от тягот налогообложения. Но это опять-таки ложная попытка вывести кооперацию за рамки рыночной системы, ее конкурентной среды, близкая к «призыву» Л.Д.Троцкого: через неприбыльность кооператива «защищаться от рыночного дьявола». Что касается сельскохозяйственной и некоторых других видов кооперации, выполняющих особые экономические и социальные функции, то к ним в принципе должно быть применено льготное налогообложение. И только одно это делает бессмысленным рассмотренное теоретическое и практическое нагромождение. Упорное «научное» и адекватное ему правовое нежелание творчески подойти к кооперации и ее принципам, прямолинейное отстаивание якобы «чистоты» этих принципов не способствуют развитию ни теории, ни практики кооперативного движения, следовательно, возрождению и эффективному функционированию всех кооперативных форм в условиях рыночного предпринимательства в сельском хозяйстве, современной агропродовольственной системе и экономике страны в целом.

Из этого следует, что для совершенствования кооперативной законодательной базы необходимо разработать и внести в Гражданский кодекс прин-

ципиальные поправки, легализующие и вводящие в отвечающее принципам кооперации правовое пространство всех видов действительно сельскохозяйственной кооперации (колхозная форма, как и потребительская, требуют особого правового закрепления), и рассматривающих их как субъектов рыночного предпринимательства, но с особым, щадящим налоговым режимом.

Соответственно, требуется принципиально уточненная редакция положений и норм закона о сельскохозяйственной кооперации, которая бы отвечала современной мировой кооперативной практике, четко и однозначно определяла наиболее существенные стороны функционирования кооперативов в рыночных условиях, в рамках общих правил и принципов рыночной конкуренции, т.е. правил агробизнеса. Прежде всего необходимы четкое функциональное разграничение производственных и вертикальных кооперативов (кооперативов производителей), исключение из кооперативного законодательства упоминаний о колхозе как совместно-ничейной форме объединения, предполагающей совершенно иные, адекватные этой ничейности правовые нормы функционирования. Желаящие могут создавать колхозы, общины, «коопхозы» и даже аракчеевские поселения, но на совершенно иной правовой основе, на специально разработанных законах. Необходимо также исключить из этого законодательства термин «потребительский», заменив его термином «обслуживающий» (а точнее — кооператив производителей), с тем же коммерческим статусом, но особым, льготным налоговым режимом, что полностью вписывается в общую концепцию социального рыночного хозяйства.

Разумеется, нельзя кооперативные формы ставить в один ряд с чисто предпринимательскими рыночными структурами «большого бизнеса», но нельзя в деятельности этих форм не опираться на общие закономерности и принципы рыночных отношений. Поэтому для утверждения настоящего правового порядка логично и экономически правомерно определять кооперативы, в том числе обслуживающие (или кооперативы производителей), как особые организационно-правовые формы рыночного предпринимательства с их активной социальной направленностью, *объективно предполагающей строго целевую государственную экономическую поддержку соответствующих кооперативных объединений, ориентированную на критерий эффективности, т.е. на прибыльную, высокорентабельную деятельность.*

* * *

Законы рынка, принципы и механизмы рыночной конкуренции предполагают использование их в самых различных сферах народного хозяйства и видах деятельности, более гибкий подход к границам, взаимодополнению и разрешению имеющихся (во многом искусственных) противоречий коммерческого и некоммерческого характера этой деятельности при неукоснительном обеспечении необходимого общественно-политического порядка в Российском государстве.

Сейчас для установления этого порядка, несмотря на построенную вертикаль власти, все еще явно не хватает одного решающего компонента — адекватной политической воли этой власти, ее более активного влияния на

эффективное функционирование экономической, социальной, административной, правовой, правоохранительной подсистем общества. Разовые акции (приоритетные национальные проекты, «укрощение» отдельных олигархов, таможенного произвола, поимки отдельных оборотней в погонах и без погон и т.д.) важны, но явно недостаточны для реализации указанной концепции. Нужна постоянная, динамично усиливающаяся системная работа по действительному всеохватывающему, глобальному «наведению» всего совокупного функционирующего порядка и его указанных составляющих.

Определенные подвижки в этом направлении, как отмечалось выше, происходят. Но если в ограниченных сферах утверждается этот порядок, то пока в значительных, даже массовых масштабах воспроизводятся беспорядки, порождающие социальную напряженность в обществе, в том числе в самой вертикали власти. Губернаторы, главы местных администраций, как прежние секретари обкомов и райкомов, чувствуют себя удельными князьями и часто на местах управляют по своему разумению, нередко насаждая и покрывая беспорядки. Они очевидны и в несоблюдении честной политической борьбы («административный ресурс», «грязные технологии» и т.д.); и в экономической области, непосредственно в деформированном рыночном механизме, где сохраняется ущемляющий село ценовой диспаритет, монополистское засилье «партнеров» села по АПК, нарушающих правила добросовестной рыночной конкуренции, и т.д., не говоря уже о расширяющемся интенсивном перекачивании за рубеж все более истощающихся, невозпроизводимых природных ресурсов страны вместо развития на цивилизованной инновационно-инвестиционной коммерческой основе наукоемких, высокотехнологичных промышленных сфер экономики; и в социальной (невыплаты зарплаты, общая ненадежная социальная защищенность человека, полуниссенские пенсии простых тружеников, недоплаты крестьянам не менее половины их реального заработка и т.д.); и в правовой, особенно в судебной системе, где независимость судов часто подменяется «телефонным» правом.

Факты закрытия «громких» и негромких уголовных дел под высоким покровительством, ухода от уплаты налогов, монополистские сговоры, грубо подавляющие конкурентов, разворовывание или нецелевое использование бюджетных средств (например, только $\frac{1}{4}$ часть символического аграрного бюджета доходит до непосредственного производителя) и т.д. пока носят массовый характер. А это и многое другое из «совокупного» беспорядка с колоссальными потерями для общества дезорганизует как коммерческую, так и некоммерческую деятельность, и в том и другом часто воспроизводит «повальные» злоупотребления, и прежде всего со стороны разросшейся рати коррумпированного чиновничества, затрудняя движение страны к подлинно гражданскому обществу, правовому государству, а следовательно, ставя преграды модернизации экономики.

Возможны возражения, что жесткие, основанные на законе, принципе социальной справедливости меры в осуществлении правового и совокупного функционирующего порядка в целом приведут к ослаблению демократических основ правового государства, гражданского общества. Наоборот, именно наведение этого порядка предотвратит переход демократии в стихию, укрепит эти основы. Особенно, если «упорядочение» будет соответствовать изложен-

ным выше принципам и цивилизованному правовому обеспечению социального рыночного хозяйства, в котором бы гибко сочетались и целенаправленное государственное регулирование этого порядка, и соблюдение экономических и гражданских свобод, которые нарушаются сейчас практически во всех сферах общественной жизни.

Литература

1. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1991. С. 406.
2. Ключевский В.О. Из литературного наследия. М.: Современник, 1991. С. 449. Действуя в своем Отечестве как древнерусский царь-самодур, «Петр опустошил его больше всякого врага» (Там же. С. 452).
3. Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт, перспективы применения в России: Сборник докладов научного симпозиума. М.: ВШЭ, 2006. С. 46–48.
4. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 505.
5. Шарас М. Кооперативы: принципы и практика. М., 1993. С. 10.

*И.М.Потравный,
Е.Н.Мельникова**

Перспективы и возможности государственного экологического заказа в современной экономике

В статье рассматриваются проблемы формирования и развития государственных экологических закупок на основе рассчитываемой системы удельных эколого-экономических показателей. Выявлены предпосылки повышения энергетической и экологической эффективности экономики на основе предложенного инструментария регулирования.

Экологическая экономика относится к динамично развивающимся областям научных знаний и имеет приоритетное значение для народного хозяйства. Об этом, в частности, свидетельствует интерес к исследованиям в области экономики климатических изменений, экономики возобновимых источников энергии, экономики природного капитала и его сохранения [1, 4].

Экологическая проблематика тесно связана с экономикой, с улучшением качества жизни граждан, состоянием здоровья населения. Переход на экологические стандарты способствует инновационному развитию страны, усилению конкурентоспособности экономики. Решение данной проблемы предполагает разработку хозяйственного механизма, мер по стимулированию и мотивации хозяйствующих субъектов, населения к использованию природоохранных и ресурсосберегающих технологий, по применению экологичных и энергоэффективных материалов, товаров, работ и услуг.

Как показывает мировой опыт, одним из эффективных инструментов экологической экономики является система государственных «зеленых» закупок, которая во многом базируется на комплексе удельных эколого-экономических показателей в сфере производства и потребления [2, 3]. Речь идет о развитии инструментария государственного экологического заказа на работы, выполнение услуг, закупки товаров для государственных и муниципальных нужд с учетом требований в области охраны окружающей среды. К примеру, во многих странах мира противодействие незаконным рубкам и уничтожению экологически ценных лесов ведется на основе механизмов ответственной закупки сертифицированной продукции из леса. В настоящее время более чем в 20 странах мира действуют требования к «зеленым» закупкам.

* **Потравный Иван Михайлович** — доктор экономических наук, профессор кафедры «Управление проектами и программами» Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, руководитель проекта «Разработка методологических основ формирования системы удельных эколого-экономических показателей для снижения ресурсо- и энергоемкости производства» (09-02-00571а).

Мельникова Елена Николаевна — кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Управление и сервис» филиала Кузбасского государственного технического университета в г. Новокузнецке, руководитель проекта «Теоретические проблемы формирования механизма государственных экологических закупок в системе инструментов обеспечения устойчивого развития экономики» (10-02-00511а).

В Указе Президента Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» указывается на необходимость снижения к 2020 г. энергоемкости валового внутреннего продукта страны не менее чем на 40%, по сравнению с 2007 г., на обеспечение рационального и экологически ответственного использования энергии и энергетических ресурсов [8]. Для реализации этих задач предусмотрены меры, в том числе разработка федеральных законов, направленных на экономическое стимулирование хозяйствующих субъектов, которые применяют энергосберегающие и экологически чистые технологии. Так, например, при формировании федерального бюджета на 2009 г. и на последующий период было предусмотрено финансирование проектов (по сути — государственный заказ), связанных с использованием возобновимых источников энергии, внедрением экологически и энергетически эффективных технологий. Государственные экологические закупки должны быть нацелены прежде всего на стимулирование внедрения экологически ориентированных технологий со снижением ресурсо- и энергоемкости производства на различных уровнях хозяйствования. Для стимулирования производства продукции с повышенными экологическими характеристиками в зарубежной практике применяются не только государственные, но и муниципальные закупки экологичной продукции.

В настоящее время на долю экологических поставок приходится примерно 16% ВВП Евросоюза, что в стоимостном выражении составляет 1700 млрд евро. Этот сектор экономики считается важным для развития экологических инноваций, технологий и конкурентоспособности экономики стран ЕС. В 2008 г. Еврокомиссия приняла решение о том, что к 2010 г. половина всех государственных закупок должна быть экологичной.

В рамках европейского проекта «Зеленая закупка» девять стран ЕС на основе используемых в Европе и мире маркировок продуктов разработали в помощь закупщикам инструменты для удобной, всеобъемлющей оценки затрат и экологического влияния предлагаемых товаров. Такие инструменты применяются для следующих групп: бытовые приборы и офисная техника, транспорт, «зеленая» энергия, строительные компоненты. Системы «зеленых» закупок постепенно перенимают многие европейские самоуправления и сервисные компании для достижения прозрачности и эффективности процессов закупки.

В целом государственные закупки являются важным инструментом для усиления экологического вектора на рынке, поскольку именно государство в лице различных городских и муниципальных служб, органов государственного управления является крупнейшим потребителем, и если оно предъявляет дополнительные экологические требования, то это создает определенный стимул для производителей и потребителей такой продукции и услуг. К примеру, 40% потребления бумаги в мире приходится на государственные органы, и если эта бумага будет производиться из вторичного сырья, то по всему жизненному циклу можно ожидать существенную экономию первичного сырья и энергии, а также оздоровление окружающей среды.

В Европейском союзе экологические государственные закупки привязывают к реализации плана промышленной политики в рамках принятой в 2006 г. стратегии ЕС по устойчивому развитию и других сопутствующих

документов, включая положения о повышении конкурентоспособности и инновациях в экономике этих стран, экокоструктурировании продукции, низкоуглеродной экономике и т.п. В последнее десятилетие в мире начали активнее рассматривать государственные экологические заказы в качестве инструмента, позволяющего вывести природопользование на новый качественный уровень, реформировать стереотипы потребителей и осуществлять устойчивое развитие. В США действуют рекомендации по экологически предпочтительным закупкам, принятые Агентством по окружающей среде в 1999 г. В директиве 2004/18/ЕС (редакция 2008 г.) подчеркивается возможность включения госзаказчиком в технические спецификации контрактного предложения природоохранных характеристик (параметров), включая метод производства продукции (использование нетрадиционных источников энергии, органическое продовольствие, переработанная бумага и т.д.).

Ежегодно самоуправления и поставщики коммунальных услуг, живущие частично за счет средств налогоплательщиков и прибыли, вложенной в тарифы, проводят закупки транспортных средств, компьютерной техники, осветительных приборов и других необходимых для работы товаров. Зачастую единственным основанием для выбора того или иного товара является наиболее низкая цена, что вовсе не гарантирует низкий уровень издержек на покупаемый продукт в течение его жизненного цикла. При этом публичная закупка — это инструмент, с помощью которого общество может проследить за эффективным и рациональным использованием бюджета.

Выбор наиболее дешевого предложения по закупкам перестает быть рациональным. На первый план выдвигается необходимость задавать и применять дополнительные критерии для оценки торговых предложений при выборе наиболее выгодного с экономической точки зрения товара на долгосрочный период. Более того, экологические проблемы и возрастающее общественное беспокойство в связи с этим для многих компаний являются причиной выбора продуктов, оказывающих наименьшее влияние на окружающую среду.

В России система «зеленых» закупок находится в стадии активного формирования и развития. Значительный интерес к развитию системы «зеленых» закупок проявляется в таких городах, как Москва, Сочи, Новокузнецк, а также в Кемеровской и других областях [9]. За последние годы в ряде российских городов, в том числе в Москве, введены экологические требования к некоторым видам закупаемой для городских нужд продукции, в том числе к продуктам питания, транспорту, почвогрунтам, противогололедным реагентам. Например, постановлением правительства Москвы от 10 февраля 2009 г. № 75-ПП «О повышении энергетической и экологической эффективности отдельных отраслей городского хозяйства» введены требования обязательного учета энергоэффективности при размещении заказов за счет средств бюджета города. В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития страны, утвержденной распоряжением федерального Правительства от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, для стимулирования развития рынка экологических товаров и услуг, снижения энергоемкости, уменьшения объема отходов, поддержки производителей, использующих наиболее экологичные технологии, улучшения состояния окружающей среды Москвы столичное правительство приняло ряд мер, направленных на внедрение сис-

темы «зеленых» закупок в хозяйственную практику государственных органов управления. С этой целью признано считать целесообразной закупку для всех видов государственных нужд города экологически безопасной и энергоэффективной продукции (товаров, работ, услуг), в том числе предполагающей вторичное использование или полученной с применением вторичных ресурсов. Государственным унитарным предприятиям города рекомендовано при закупке продукции руководствоваться экологическими требованиями.

В Москве систему «зеленых» закупок предлагается развивать в тесной увязке с действующей системой экологической сертификации и системы добровольной сертификации «Экологичные продукты», с развитием экологического аудита, включая систему ISO 14024 и др. Важным направлением использования удельных эколого-экономических показателей для повышения энергетической и экологической эффективности экономики является применение системы «зеленых» закупок для утилизации отходов, развития на этой основе принципов ресурсосбережения. Например, в г. Новокузнецке Кемеровской области для повышения доли утилизируемой продукции на введенном в 2008 г. в эксплуатацию мусороперерабатывающем заводе компании «ЭкоЛэнд» было заключено соглашение с администрацией города, в соответствии с которым городской бюджет частично оплачивает вывоз и утилизацию мусора. Вместе с тем до настоящего времени не утвержден перечень продукции, производимой с использованием вторичных материальных ресурсов, хотя объемы вторсырья в городском хозяйстве растут. Сегодня предпринимаются попытки применить дополнительные экологические требования в системе государственных закупок для объектов зимней Олимпиады «Сочи—2014», в качестве таких требований используются «зеленые» стандарты.

Основой для определения экологических требований к функциональным характеристикам (потребительским свойствам) и качественным характеристикам отдельных видов товаров, закупаемых по государственному экологическому заказу, могут выступать соответствующие целевые удельные эколого-экономические показатели. На их основе может осуществляться также организация добровольной экологической сертификации, например строительных материалов. Для оценки экологической эффективности производственной деятельности можно выделить такие показатели, как доля продукции, выпускаемой с использованием наилучших существующих технологий, в общем (валовом) объеме выпускаемой продукции; доля продукции, произведенной с применением малоотходных и ресурсоемких технологий; потребление ограниченных природных ресурсов и потребления воспроизводимых ресурсов; увеличение глубины переработки ограниченных природных ресурсов; доля переработанных отходов производства и потребления в общем объеме произведенных отходов и др.

Что касается оценки качества окружающей среды, то к таким показателям можно отнести долю площади территорий с благоприятной окружающей средой в общей площади территории; число граждан, проживающих на территориях с благоприятной окружающей средой; долю населенных пунктов, в которых загрязнение окружающей среды превышает нормативы качества окружающей среды в общем числе населенных пунктов и процент проживающего на территории таких населенных пунктов населения от общей численности населения. Соответственно на основании плана повышения эколо-

гической эффективности должно осуществляться установление целевых показателей повышения экологической эффективности производства на различных иерархических уровнях, планирование объемов и способов предоставления субсидий для осуществления проектов по реализации мер, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду (включая внедрение наилучших существующих технологий), планирование мероприятий по ликвидации вреда, причиненного окружающей среде, и т.д.

Отметим, что отдельные положения и результаты исследования по данным проектам, поддержанным РГНФ, уже находят свое отражение в законодательной практике. Так, к примеру, в настоящее время предлагается статью 9 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» дополнить частью следующего содержания: «при размещении государственного заказа на выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства или закупку устройств в соответствии с законодательством об энергосбережении с помощью энергетических технологий или энергетических материалов подрядчик обязан использовать устройства, энергоемкость которых соответствует нормативной энергоемкости технологического процесса, а энергетическая емкость создаваемого (реконструируемого) помещения должна соответствовать нормативной энергоемкости помещения».

Для создания эффективной системы государственных закупок в России предстоит решить следующие задачи:

- принять законодательство, определяющее требования к экопродукции и экоуслугам;
- совершенствовать механизм государственных закупок с точки зрения экологизации;
- разработать систему мер по мотивации производителей к участию в экологических государственных закупках;
- разработать систему информационного обеспечения потребителей для повышения экологической культуры.

Очевидно, что система государственных экологических закупок требует развития соответствующей инфраструктуры: оценки рисков, развития экомаркировки и экосертификации продукции, закупок через Интернет, подготовки справочников, методик (например, для определения стоимости жизненного цикла закупаемой продукции), подготовки кадров. При этом возникает вопрос: как определить реальную экономическую, экологическую, энергетическую эффективность применения того или иного продукта, предоставляемой услуги? Для этих целей с учетом международного опыта предлагается использовать процедуру денежной оценки жизненного цикла продукции, которая представляет собой методологию, позволяющую включить в документацию по закупкам издержки и доходы, возникающие на всем протяжении жизненного цикла (срока эксплуатации или использования) продукта вплоть до стадии его превращения в отходы и их утилизации. Издержки и доходы проявляются в форме экономии или повышенного расхода электроэнергии при эксплуатации продукта и его ремонте, сопровождающемся заменой деталей, различных режимах использования его потребительских свойств и конечной

утилизации продукта. Для городских властей использование практики оценки стоимости жизненного цикла продукта при проведении закупок позволяет обеспечить общую экономию средств, обосновать выбор в пользу более качественного экологически и энергетически эффективного продукта и т.д. На наш взгляд, процедура выбора оптимального варианта закупки на основе метода оценки стоимости жизненного цикла продукции будет коррелировать с практикой экологического нормирования на основе выбора наилучших доступных технологий.

Переход на экологичные государственные закупки предусматривает решение триединой задачи: снижение долгосрочных расходов на городские закупки, оздоровление окружающей среды в городе и повышение качества жизни населения. Учет экологических показателей стал нормой в развитых странах при применении системы государственных закупок — в контрактах на конкурсной основе на товары, услуги и работы, выполняемые государственными учреждениями, как на национальном и региональном уровнях, так и городскими администрациями. Как показывает анализ российской практики проведения торгов, аукционов, в том числе в Москве и Новокузнецке, в настоящее время базовым критерием при их проведении и в запросах котировки является минимальная цена, а не лучшие условия исполнения контракта. Данный подход, на наш взгляд, не в полной мере соответствует требованиям к «зеленым» закупкам, так как не учитывает затраты на весь жизненный цикл поставляемого товара (продукта) с точки зрения его энергетической и экологической эффективности. Очевидно, что «зеленые» закупки в России тесно связаны с совершенствованием системы нормирования негативного воздействия на окружающую среду, с переходом на принципы наилучших существующих (доступных) технологий.

Для решения задачи экологической модернизации производства необходимо внедрять технологии, соответствующие высоким экологическим стандартам. Одним из направлений может являться использование возобновляемых источников энергии — «зеленой энергии». Так, в Евросоюзе принят закон: к 2020 г. довести до 20% производство электрической энергии из возобновляемых источников энергии. В настоящее время подготовлен для внесения в Государственную Думу Российской Федерации проект закона о «зеленой энергии», с тем чтобы к 2020 г. суммарный объем такой энергии возрос с 0,9 до 10% от общего ее производства. Для стимулирования государственных закупок «зеленой» энергии в России предлагается обязать государственные сетевые компании закупать энергию, производимую на базе возобновляемых источников. В Закон об экологической и энергетической эффективности предполагается ввести изменения, которые бы учитывали закупку экоэффективных товаров для государственных и муниципальных нужд.

Важным источником финансовой поддержки системы «зеленых» закупок может стать воссоздание единого государственного фонда охраны окружающей среды как целевого источника финансирования природоохранных мероприятий. В настоящее время в Правительстве России рассматривается вопрос о восстановлении системы внебюджетных экологических фондов [6]. Что касается различного рода преференций в системе государственных «зеленых» закупок, то они включают, например, преференции по НИОКР для

субъектов малого предпринимательства в виде определенного резерва (квоты), определенной доли государственного заказа, которая, к примеру, в США составляет порядка 23%. В некоторых странах ЕС местным поставщикам и подрядчикам при государственных закупках предоставляются различного рода преференции, обычно на уровне 5–10%. Помимо специальных ограничений доступа иностранных поставщиков к государственным заказам, часто используются такие способы, как таможенные пошлины и нетарифные ограничения (стандарты, сертификаты, лицензии и т.п.), а также прямой запрет. В отдельных странах, например в Германии, приняты специальные законы, направленные на стимулирование «зеленых» закупок, производство и потребление экологических продуктов и услуг, например, развитие возобновимых источников энергии, введение системы бонусов для производства биоэнергии и др. [10].

Литература

1. Лукьянчиков Н.Н., Потравный И.М. Экономика и организация природопользования. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
2. Мельникова Е.Н. Государственные экологические закупки в системе управления природопользованием: вопросы методологии // Экономика природопользования. 2010. № 2. С. 58–67.
3. Мельник Л.Г., Потравный И.М., Сотник И.Н. Анализ методических подходов к формированию показателей эффективности ресурсопользования // Экологическое право. 2009. № 4. С. 18–25.
4. Порфирьев Б.Н. Экономическое измерение гармонии человека и природы. М.: Анкил, 2010.
5. Потравный И.М. Развитие идей С.Подолинского в экологической экономике // Фізична економія: методологія дослідження. Збірник матеріалів. Київ: КНЕУ, 2009. С. 111–122.
6. Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды (Москва, 27 мая 2010 г.). www.kremlin.ru.
7. Ушикина Д.В., Мельникова Е.Н. Оценка нормативно-правовой базы государственных закупок с позиции экологизации экономики // Экономические механизмы решения социально-экономических и экологических проблем в Кузбассе и в России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк: филиал КузГУУ в г. Новокузнецке, 2010. С. 193–197.
8. Указ Президента РФ от 04.06.2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» // На пути к устойчивому развитию России. Бюллетень Центра экологической политики России, 2008. № 43. С. 7–8.
9. Экономическая эффективность природоохранной деятельности: теория и практика: Материалы X Международной конференции Российского общества экологической экономики. М.; Калининград: Экономика, 2009.
10. Thiering J., Bahrs E. Umwelt- und Foedereffekte des EEG — eine Betrachtung des Guellebonus im Rahmen der Biogasproduktion // Zeitschrift für Umweltpolitik & Umweltrecht. Frankfurt am Main, 2010. № 1. S. 109–131.
11. <http://ec.europa.eu/environment/gpp/pdf/int.pdf>.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

*Т.В.Артемяева,
М.И.Микешин**

История идей как интеллектуальная коммуникация

Исследование интеллектуальной коммуникации, усвоения и реализации европейских идей в академической и неакадемической сферах России позволяет выявить закономерности взаимодействия культур, уйти от традиционных представлений об усваиваю-

щей культуре как «неразвитой», рассмотреть типы коммуникации, ее исторические воплощения в виде сетей, институций, сообществ и т.п., проанализировать формирование понятийных моделей, делающих возможным диалог культур и философский анализ «нетрактатных» текстов.

Проблемы различных видов, типов, способов социальной коммуникации, осмысление этого процесса и анализ результата являются одними из самых востребованных в современной социологии. Мы будем использовать социологическое понятие в истории философии, рассмотренной в контексте истории идей. Так как мы говорим преимущественно о движении идей, то используем термин «интеллектуальная коммуникация», пока еще не ангажированный ни философами, ни социологами. Как справедливо отметил Н.Луман, говоря об «имманентной невероятности» коммуникации, непонятно, как вообще можно говорить о коммуникации, если каждый из ее компонентов (информация, сообщение, понимание) является случайным, необязательным и неоднозначным [1]. Тем менее понятно, как можно говорить об «интеллектуальной коммуникации» как трансляции и распространении философских идей. Но ведь мы точно знаем, что идеи не только возникают, но и искажаются и(или) усваиваются учениками, опровергаются недругами, воплощаются в жизнь последователями.

Как же это происходит? Как же вообще движутся идеи? И возможно ли это в принципе? Интерпретация процесса движения идей в терминах теории коммуникации, разумеется, притягивает нас к земле прямо из небесных сфер. Благодаря Платону мы, конечно, знаем, как движутся идеи в небесных сферах. Но вот как идеи путешествуют по времени, преодолевают лингвистические пороги, мировоззренческие барьеры, классовые и социальные стереотипы, эпистемологические препятствия (*obstacles epistemologiques* — Г.Башляр), мы представляем себе не очень хорошо. Можно предположить, что Аристотель и Поппер читали Платона по-разному. И не только в силу

* **Артемяева Татьяна Владимировна** — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, руководитель проекта «История идей как интеллектуальная коммуникация» (07-03-00601а).

Микешин Михаил Игоревич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного горного института (технического университета), исполнитель того же проекта.

критического отношения последнего, но и потому, что сам *тип коммуникации* между текстом и читателем изменился. Ведь любой текст существует в системе *идейных контекстов*, сумма которых возрастает по мере временной отстраненности. Платоновский текст порождает и неоплатонический, и антиплатоновский контексты, не говоря уже о различных вариациях и интерпретациях платоновских идей в сочинениях, так или иначе пребывающих вне этих направлений. Таким образом, для каждого из последующих поколений читателей будет умножаться (или сокращаться, по мере утраты актуальности) опыт предшествующих поколений, сопровождаемый традициями понимания и(или) непонимания, принятия и(или) отторжения, преклонения и(или) осмеяния.

Коммуникация читателя с автором происходит обычно через текст. И то, насколько адекватно, полно, актуально будет прочитан текст, зависит не только от автора, но и от читателя. Читатель может уничтожить текст, не удостоив его своим вниманием, может вычитать из него гораздо больше, нежели туда было вложено автором, может не понять или исказить. Невозможно только одно — адекватное восприятие и точная передача, т.е. полная идентификация с автором. Отождествление себя с автором не только нерационально, как интеллектуальное клонирование, но и невозможно теоретически, ибо в отличие от физического двойника, двойник-идея тотчас же соединится с основной идеей. Текст может послужить также не *источником информации*, а своеобразным *катализатором* новых идей, его чтение может быть *медитативной техникой*, побуждающей читателя к размышлениям, *провокативным стимулом*, заставляющим опровергать «неверные» положения и формулировать «истинные». В данном случае речь идет о *самоценности* интеллектуальной коммуникации, порождающей нечто отличное от обмена информацией, а именно — *новое знание*.

В зависимости от того, в какой круг общения собирается вступить читатель, тексты могут носить идеологический, литературный или философский характер. Таким образом, *интеллектуальная коммуникация* не только передает информацию, но и формирует (или поддерживает) некое *интеллектуальное сообщество*. В определенном смысле все типы сообществ основаны на разных типах коммуникаций, однако в данном случае нас интересуют лишь *интеллектуальные коммуникативные сообщества*. Такие сообщества обычно имеют сетевую структуру, существующую независимо от привязок их членов к определенной системе государства, общества, от их национальной, половой и возрастной принадлежности. *Содержание* коммуникации в данном случае играет второстепенную роль, более того, слишком высокий уровень *оригинальности* текстов (пусть это будет даже *исключительность* и *гениальность*), используемых в качестве *коммуникационных посланий*, лишь затрудняет коммуникацию, так как делает ее нестандартной.

Таким образом, *интеллектуальная коммуникация* необходима прежде всего для формирования и поддержания *интеллектуального сообщества*. Именно этому способствуют циркулирующие внутри нее тексты, имеющие форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или же частных разговоров. Этот тип коммуникации формирует общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя *сетевую структуру*.

Одним из ярких исторических примеров может служить понятие «невидимый колледж» (*invisible college*), введенное Робертом Бойлем и обозначившее неформальную группу ученых, образовавших позже Лондонское Королевское общество. «Невидимый колледж» был противопоставлен «видимому», или организованным группам ученых, существовавшим при британских университетах. В современный лексикон понятие «невидимый колледж» как обозначение неформальных и зачастую интернациональных научных сообществ вошло благодаря американскому историку и социологу науки Дереку де Солла Прайсу [2].

Другой пример — Республика ученых, тип виртуального междисциплинарного сообщества интеллектуалов Нового времени, связанного лишь системой коммуникации. Это сообщество не было противопоставлено социализированной системе научных сообществ, а иногда, как это было в XVII—XVIII вв., предвляло или поддерживало существующую систему научных институтов.

Иногда бывало и наоборот, когда сам научный институт поддерживал существование виртуального сообщества, как, например, Петербургская академия наук, оплачивавшая корреспонденцию своих сотрудников и тем самым способствовавшая активизации переписки. В.П.Елизаров, автор обстоятельной статьи, где рассмотрена Республика ученых прежде всего как коммуникационная система и даже обращено внимание на то, что этапы ее развития были детерминированы совершенствованием почтового сервиса, отмечает, что границы пространства, в котором она существует, задаются следующими параметрами: «коммуникационным механизмом», «структурой организации социальных связей», «конфигурацией идентификационных полей» [3, с. 110, 123].

В начале XVII в. переписка в силу простоты и доступности использования почты стала частным делом и создала предпосылки для усиления коммуникаций вне силовых линий государственных или коммерческих интересов. Именно это могло сделать центром коммуникационных пересечений фигуру М.Мерсенна — *модератора* интеллектуального сетевого сообщества, который реализовал множество задач, поддерживающих и стимулирующих общение. Он распространял по Европе научные новости, организовывал конкурсы, режиссировал дискуссии [4].

Позже подобную роль выполнял Ф.М.Гримм, объединявший и организовывавший представителей интеллектуальной и правящей элиты XVIII в. Сетевое сообщество, поддерживавшееся Гриммом, не ставило задачей выработку научного знания. Оно, скорее, формировало атмосферу международного салона, в котором статус определялся интеллектом. Став модератором сообщества просвещенного нобилитета, Гримм значительно повысил и свой социальный статус. В России аналогичным примером может служить деятельность издательского дома Н.И.Новикова.

Мы видим еще один *сетевой срез*, позволяющий анализировать систему интеллектуальной коммуникации в России, в российском масонстве XVIII в. Именно в той среде распространяются идеи неоплатонизма и мистицизма, с одной стороны, а с другой — социального утопизма.

Иные типы сообществ представляют члены ученых сообществ или академических институтов. Помимо генетической общности структур и дисциплин

линарного соответствия европейских университетов и характерного для них поддержания определенной однородности, начиная со студентов и профессуры средневековых университетов и заканчивая Болонской декларацией с ее «академической мобильностью» и соотносимостью учебных программ, для них характерна однородность понятийных структур и общность языка, доходящая в эпоху господства школьной латыни до *полного академического единства*.

Академическая среда консервативна по своей природе и порой не способствует, а скорее тормозит развитие науки, так как поощряет не свободные и независимые научные исследования, а соответствие общепринятым, утвержденным программам или методикам. Академическая наука квантуется по кафедрам и учебным курсам, тогда как реальное движение мысли пребывает в пространстве научного направления и междисциплинарного поиска. Именно поэтому в университетской среде недостаточно продуцировать *новый текст*, пусть даже и гениальный, необходимы определенные механизмы, присваивающие ему статус *академически ценного*. Этот механизм может иметь характер личных связей, быть опосредованным академической конкуренцией и поддержкой «своих» партнеров по производству научного капитала как особого рода *символического капитала* в смысле Пьера Бурдьё [4]. Это верно не только для естественной науки с ее коллективным производством знания, обусловленным необходимостью работать группами с распределенными функциями, но и для гуманитарного, в частности философского, где также важны *сетевые структуры (интеллектуальные сети*, по выражению Р.Коллинза [5]) и *личные, даже семейные* взаимоотношения.

Современное видение историко-философского процесса выделяет *коммуникационные связи* философов и обстоятельства их личной жизни как важный фактор позиционирования их теоретических программ. Подход с точки зрения анализа интеллектуальной коммуникации становится особенно важным, когда речь идет о неакадемических типах философствования, предполагающих отсутствие принятых в этом сообществе понятийных норм и «трактатных» традиций оформления текстов. Особая потребность в таком подходе возникает, когда объектом анализа становится общество с нестандартными академическими коммуникационными структурами, например Россия эпохи Просвещения. Парадоксальны характеристики этой эпохи, получившей название «философского века». Ее представители не упоминаются в солидных «историях философии», и даже отечественные исследователи характеризуют ее исключительно как эпоху усвоения западноевропейских философских влияний. Теоретические взгляды ее мыслителей обычно не удостоиваются не только тщательного анализа, но даже и внимательного прочтения. Отказ от *теории влияний*, носящей в данном контексте и явно негативную коннотацию, и использование *теории интеллектуальной коммуникации* позволили бы сделать исследование этой эпохи более продуктивным.

Интеллектуальная элита в данном сообществе представлена главным образом просвещенным нобилитетом, а интеллектуальные контакты этого слоя часто пребывали в социально-политическом контексте его деятельности, нося порой подчеркнуто персонологический характер. Работая с наследием таких малоизвестных в мировой истории идей российских мыслителей эпохи Просвещения, как А.Т.Болотов, И.Д.Ертов, А.М.Белосельский-Белозерский,

М.М.Щербатов, И.П.Елагин, и включая сюда такие личности, как И.И.Шувалов и Екатерина II, необходимо исследовать результаты их творчества в контексте личных связей. Иногда эти связи, как, например, Петра I — с Лейбницем и Хр.Вольфом; А.Кантемира — с Монтескье; И.И.Шувалова — с Вольтером, Руссо, Рейналем, Дидро; Екатерины II — с Вольтером, Д.Дидро, Ф.-М.Гриммом; Е.Р.Дашковой — с Дидро; Д.А.Голицына — с Гельвецием, Дидро, Вольтером; Г.Г.Орлова — с Руссо, как бы и не нуждаются в доказательстве значимости, хотя они могли носить непринципиальный и частный характер. Тем не менее для понимания атмосферы эпохи, иерархии интеллектуальных ценностей, мировоззренческих установок, философских предпочтений и т.п. чрезвычайно важен анализ системы коммуникационных контактов. Можно назвать это *микроисторией философии*, по аналогии с известным методологическим позиционированием важности *микроистории*.

Для неакадемической культуры важны также интертекстуальные взаимодействия, *коммуникационные поля*, когда в столкновение приходят не тексты, а контексты и философские идеи могут вычитываться не из специальных трактатов, а из стихов или романов. Тексты могли быть неотделимы от человеческой судьбы и непонятны без интеллектуальной биографии автора. Это делает плодотворным применение метода *нового историзма*, определяемого А.Эткингом как «история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [6]. Его методология сочетает интертекстуальный анализ, дискурсивный анализ, размыкающий границы жанра, и биографический анализ. Применительно к эпохе Просвещения можно было бы назвать такой подход *новым дизвитьемизмом* [7], использующим ряд специфических приемов для анализа просвещенческих моделей философствования. Это:

— *междисциплинарный* характер исследования, предполагающий сопоставление различных областей культуры и соответственно привлечение исследовательских методик из разных гуманитарных областей;

— *компаративный* характер исследования, учитывающий интенсификацию движения идей и использование *чужого* опыта как необходимый компонент формирования *собственной* идентичности;

— *иерархически-приоритетный* характер исследования, когда в первую очередь изучаются доминирующие культуропорождающие факторы; применительно к России это дворянская культура, переживавшая в ту пору свой «золотой век»;

— *персонологическая* направленность исследования, выявляющая мировоззрение ключевых фигур эпохи.

История философии как сфера интеллектуального самовыражения требует исторической достоверности и умозрительного отстранения. Возможно, исследование ее как *системы интеллектуальных коммуникаций* позволит несколько уравновесить эти крайности.

Чтобы понять специфику послепетровского развития, следует обратить внимание на эволюцию интеллектуальной элиты, которая, собственно, и обеспечивает инновационные процессы и реализует процессы интеллектуальной коммуникации. В России эпохи Просвещения мы имеем дело не менее чем с тремя интеллектуальными сообществами:

— традиционной элитой, которую представляли преподаватели церковных школ, образованное духовенство, «ученое монашество»;

— «новой элитой», которой стало академическое сообщество как система академических институтов, включающая как «видимый», так и «невидимый» колледжи; это сообщество было представлено университетской профессурой, академиками и академической администрацией; оно было интернационально по составу и непосредственно включено в международный академический обмен идеями;

— третьим сообществом, куда входила дворянская элита, представителем которой являлся высокообразованный интеллектual, «дворянин-философ»; это сообщество принадлежало одновременно и к политической элите, что позволяло ему оказывать особое влияние на дело просвещения.

Коммуникационный подход предполагает выявление объекта и субъекта коммуникации, ее содержания, способа общения (или коммуникационного канала) и, разумеется, конечного эффекта. Российские сообщества, порождавшие и потреблявшие философские идеи, не представляли собой однородную и гомогенную социальную структуру. Особенность интеллектуальных сообществ в России состояла не только в том, что их было несколько, сколько в том, что они практически не коммуницировали друг с другом, имели различные системы интеллектуальных ценностей и авторитетов, язык и способ социализации. В составе российской интеллектуальной элиты сосуществовали независимые сегменты, практически не связанные друг с другом. Такой интеллектуальный «карантин» являлся результатом сложных социальных процессов, закрывшим коммуникационные процессы сословными барьерами. Именно поэтому возможно было одновременное сосуществование в России столь разных философских направлений, таких как вольфианство, популярное в академической и отчасти клерикальной среде, и вольтерьянство, распространенное среди дворянских интеллектуалов, увлечение идеями шотландской моральной философии и политэкономии, характерное для высшей аристократии; хотя все эти направления и не изучались в российских университетах.

Таким образом, важно не только выяснить, какие философские идеи обсуждались в обществе, но также и то, в каком из сообществ они были популярны. Разумеется, на глубинном уровне культуры сообщества пересекались и взаимодействовали, но это были слабые связи, носящие единичный и случайный характер. Понимание этого делает возможным выявление логики развития каждого сообщества без огрубляющего стремления их непременного суммирования. Иными словами, история философии в России требует не только анализа господствующих идей, но и изучения социальных групп, порождающих и потребляющих эти идеи.

В статье «Историография философии: четыре жанра» Ричард Рорти выделяет четыре вида историков философии. К первому относятся аналитические философы, пытающиеся осуществить «рациональные реконструкции» аргументов великих мыслителей прошлого. В этом нет ничего неверного, полагает Рорти, но возможно и иное мнение, предполагающее, что предшественников следует описывать в их собственных терминах [8]. Такого рода исследователи, условно назовем их историческими философами, осуществляют

«историческую реконструкцию». Они пытаются увидеть своего героя в контексте исторической ситуации и культуры, понять его язык и мотивации.

К иному типу можно отнести исследователей истории духа (*Geistesgeschichte*). В основе такой классификации лежит необходимость отделения «истории философии» от «истории мысли» или «истории культуры».

Четвертый жанр, по Рорти, является самым распространенным. Это описание, или доксография, выражающееся в фундаментальных «Историях философии» от Фалеса до Витгенштейна. Несмотря на то что этот жанр, по выражению Рорти, не что иное, как «снятие сливок с интеллектуальной истории», он «навевает скуку и вызывает отчаяние» [Там же] потому, что его представители «заранее знают» то, о чем будет идти речь в их исследованиях, как будут называться главы их книг. Доксографы пытаются установить какие-то связи между изучаемыми ими философами, однако такого рода попытки всегда крайне тенденциозны. Рорти предлагает изучать историю философии как философию, используя философские, а не классификационные методы для ее постижения.

Возможность избежать доксографического занудства дает история идей, которая не задается вопросом, кого же мы будем включать в почетный список авторов, и не ограничивает набор источников исключительно философскими трактатами. Расширяя объект исследования, но при этом уточняя исследовательские методологии, можно значительно пополнить возможности адекватного изложения истории философской мысли, сделав историю философии одним из видов философствования.

Литература

1. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. С. 7–8.
2. Price D.J. De Solla. Little Science, Big Science... and Beyond. N.Y.: Columbia University Press, 1963.
3. Елизаров В.П. «Республика ученых»: социальное пространство невидимого сообщества // *Пространство и время в современной социологической теории*. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
4. Бурдые П. Поле науки. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
5. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
6. Эткинд А.М. Новый историзм, русская версия // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 47. С. 7.
7. Артемяева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005.
8. Рорти Р. *Историография философии: четыре жанра* (*The Historiography of Philosophy: Four Genres* // *Philosophy in History* / Ed. by R.Rorty, J.B.Schneewind and Q.Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984). Цит. по: <http://www.philosophy.ru/library/russell/01/07.html#31>.

*А.М.Сергиенко,
Л.В.Родионова,
О.А.Иванова**

Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ

В статье представлены результаты исследования проблем социальной сферы села, процессов и механизмов ее развития в годы реформ. Выявлены тенденции изменения положения сельского населения в сфере доходов и занятости, доступности социальных услуг и развития социальной инфраструктуры, демографических процессов с начала 1990-х гг. до кризиса 2008 г. Дана оценка влияния государственной политики и муниципальных реформ на развитие социальной сферы села. В основу анализа положены данные статистики, опросов экспертов и сельских жителей Алтайского края и Республики Алтай 2002 и 2008 гг.

В годы реформ в социальной сфере села произошли кардинальные изменения, прежде всего это концентрация бедности и безработицы, разрушение социальной инфраструктуры и низкая экономическая активность селян, неэффективная социальная политика и слабое взаимодействие властей и бизнеса в данной сфере. Актуальность проблем усиливается в связи с реформой местного самоуправления и реализацией национальных проектов и программ.

Целью нашего исследования являлось изучение социальных процессов и механизмов развития социальной сферы российского села в условиях государственных и муниципальных реформ. В своей работе мы опирались, с одной стороны, на представление о сущности и структуре социальной сферы общества с использованием социоструктурного и социально-воспроизводственного подходов Т.Заславской, Г.Осадчей, В.Ковалева и др. [1–4], а с другой — на результаты исследований российского села как территориальной общности, его адаптивного потенциала, динамики социальной структуры и социальной среды жизнедеятельности сельского населения (В.Артемова, Е.Горяченко, П.Великого, Т.Заславской, Ф.Зиятдиновой, З.Калугиной, Е.Кучаевой, Т.Морозовой, А.Никулина, Дж.Скотта, О.Фадеевой, А.Хагурова, Т.Шанина и других ученых [2, 3, 5–9]).

*** Сергиенко Алие Мустафаевна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, руководитель проекта «Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ» (07-03-00321а).

Родионова Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, исполнитель того же проекта.

Иванова Оксана Андреевна — аспирантка Алтайского государственного университета, исполнитель того же проекта.

Под социальной сферой села нами понимается целостная подсистема общества, включающая совокупность отношений и условий жизнедеятельности сельского населения, которые определяют его интересы, деятельность и поведение. В исследовании социальной сферы села основное внимание мы уделяем, во-первых, анализу изменения положения сельского населения в сфере доходов и занятости, демографических процессов, изучению уровня и динамики развития социальной инфраструктуры, проблем доступности социальных услуг в 1990–2008 гг.; а во-вторых, оценке политики регулирования социальной сферы села и характера влияния муниципальных реформ на ее развитие. Основу информационной базы исследования составили данные статистики и выборочных опросов сельских жителей Алтайского края и Республики Алтай, проведенных в 2002 и 2008 гг. (опрошено по 1100 человек), а также опросов экспертов — руководителей органов местного самоуправления, сельхозпредприятий и организаций социальной сферы (56 — в 2002 г. и 280 — в 2008 г.).

По результатам исследования в **рейтинге проблем социальной сферы**, волнующих сегодня сельских жителей, социально-экономические проблемы занимают, как и в первые годы десятилетия, лидирующие позиции. Во-первых, для большинства опрошенных это рост цен на продукты питания, жилье, бензин и другие товары (60%); во-вторых, безработица (56%), в-третьих, низкие оплата труда и пенсия (45%). Высоко, с десятого на четвертое место, поднялась проблема алкоголизма (41%), в значительной степени обусловленная низкой занятостью селян, их невысокой трудовой мотивацией и деградацией культурной сферы села. Пятерку вызовов социальной сферы замыкает неблагоустройство сельских поселений (39%). Селяне также выделили проблемы миграции из сел молодежи, обеспеченности жильем, низкие качество и доступность услуг здравоохранения и образования. Каждый десятый селянин обеспокоен проблемами бедности и чрезмерного расслоения общества (в 2002 г. эти проблемы входили в тройку «лидеров»).

В оценке **динамики социально-экономического положения сельского населения** произошли позитивные сдвиги. В 2008 г. к бедным и обездоленным себя отнесли только 16% респондентов, причем с возрастом сельские жители более склонны считать себя бедными. Как среднее оценили свое материальное положение 75% респондентов, свыше 7% отметили, что живут обеспеченно, и 0,5% — зажиточно. По сравнению с опросом 2002 г. значительно (в 2,7 раза) сократилась доля бедных и очень бедных, возросли удельные веса средней группы (в 1,4 раза) и богатых (в 2,3 раза) (табл. 1). В два раза сократилась бедность в группе с высшим образованием, в полтора раза — с неполным высшим и средним профессиональным, а в группах с более низким уровнем образования эта доля практически не изменилась. В небольших селах происходило более интенсивное сокращение бедности и пополнение среднеобеспеченной группы по сравнению с крупными селами. Столь высокая позитивная динамика оценки сельским населением своего материального положения связана в значительной мере с особенностями их субъективного восприятия ростков позитивных (докризисных) изменений на селе, нежели реальных объективных сдвигов.

Таблица 1

**Оценка материального положения своей семьи
и социально-психологического состояния, данная сельским населением
трудоспособного возраста (в 2002 и 2008 гг., %)**

Характеристика	2002	2008
<i>Материальное положение</i>		
Очень бедно (денег иногда не хватает даже на питание)	6,3	1,6
Бедно (на скромное питание, оплату коммунальных услуг денег хватает, а на приобретение одежды и других вещей — нет)	34,8	13,9
Средне (на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить)	53,2	75,1
Обеспеченно (есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни) и богато (не отказывая себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают)	3,4	7,9
Затрудняюсь ответить	2,3	1,5
<i>Социально-психологическое состояние</i>		
Испытываю сильное напряжение, раздражение, ощущаю отсутствие какой бы то ни было перспективы	12,5	10,4
Испытываю некоторое беспокойство, неуверенность в будущем	57,1	39,1
Состояние равнодушное, испытываю апатию ко всему	10,5	12,1
Уверен в настоящем и с оптимизмом смотрю в будущее	19,4	25,8
Затрудняюсь ответить	0,5	12,6

За годы реформ произошли значительные изменения в структуре доходов сельского населения. В 2002 г. 85% респондентов назвали личные подсобные хозяйства в качестве основного источника доходов, в 2008 г. в структуре доходов респондентов лидирующие позиции занимала заработная плата (64%). На доходы от семейного подворья указала только половина селян. Существенно возросла роль такого источника доходов, как займы и кредиты (с 2 до 22%). Каждый пятый сельский житель использовал социальный капитал в виде помощи родственников, друзей.

Несмотря на доминирующий характер заработной платы в структуре доходов, оплата труда в сельском хозяйстве, по данным статистики, самая низкая по сравнению с другими отраслями экономики: в 2008 г., например, в Алтайском крае она составляла 1,2 бюджета прожиточного минимума. Для наемных работников социальной сферы заработная плата часто является единственным источником дохода. Вместе с тем только каждый пятый из них

оценивает оплату своего труда как справедливую, соответствующую трудовому вкладу и квалификации. Среди молодежи доля не удовлетворенных оплатой труда в полтора раза выше.

Выводы по динамике материального положения дополняют оценки ретроспективы и перспективы: треть респондентов отмечала улучшение своего материального положения за последние 3–4 года до опроса и более половины считали, что в ближайшие годы будут жить также или лучше, чем сегодня. Среди молодежи оптимистичных оценок будущего своей семьи в два раза больше, по сравнению с селянами среднего и старшего трудоспособного возраста, и в три с лишним раза больше, чем среди пенсионеров (41% против 20 и 13% соответственно).

Оценка населением своего **социально-психологического состояния** более оптимистична, по сравнению с началом десятилетия. В 2008 г. «уверенных оптимистов» на селе было более 26%, в 2002 г. — менее 20%. Значительно меньше стало тех, кто испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей: 39% против 57% в 2002 г. Несущественно, как правило, в сторону сокращения, изменились доли групп, относящихся к психологически неблагополучным — равнодушных и тех, кто ощущал на момент опроса сильное напряжение (см. табл. 1). Более позитивно оценивают свое социально-психологическое состояние молодежь (в два раза выше), мужчины и жители с относительно высоким уровнем образования. Основными сферами неудовлетворенности являются материальное положение, работа, бытовые условия, качество и обеспеченность жильем.

В **социально-трудовой сфере села** наблюдались сокращение официальной занятости и ее рост в неформальном секторе экономики, снижение реальной заработной платы (в 4,5 раза) и увеличение масштабов выплат в натуральной форме, сокращение рабочего времени и распространение неоплачиваемой занятости, примитивизация труда и снижение качества рабочей силы и рабочих мест. По данным опроса, подавляющее большинство работников социальной сферы (78%) указало на наличие таких проблем, как низкая зарплата и задолженность по ее выплате, неблагоприятные условия труда и несоблюдение правил техники безопасности, ненормированный рабочий день и принудительные отпуска, нарушение трудовых прав и отсутствие ряда социальных гарантий.

Занятость сельского населения дифференцирована по социально-демографическим характеристикам. Занятость мужчин в полтора раза выше, чем женщин; занятость представителей средних и старших возрастных групп выше занятости молодежи, а женатых и замужних — по сравнению с несемейными. Занятые селяне более удовлетворены своим материальным положением, имеют более высокие доходы и лучшие жилищные условия, среди них в 9 раз больше оптимистов.

Наряду с позитивными сдвигами на сельском рынке труда наблюдаются более высокие, по сравнению со среднерегionalными и среднероссийскими, показатели общей и регистрируемой безработицы, значительная по масштабам долговременная и скрытая безработица, существенно заниженная цена рабочей силы, глубокие и устойчивые во времени территориальные диспропорции.

Сельская безработица более чем на 50% объясняется территориальной несбалансированностью спроса и предложения на рынке труда, преодоление которой возможно лишь за счет перемещения рабочей силы и рабочих мест из одних районов в другие. По оценкам экспертов, уровень реальной безработицы в сельской местности обследуемых регионов составляет 36%; более половины безработных респондентов имеют доходы ниже прожиточного минимума, треть находится в тяжелом материальном положении, 48% испытывают чувства разочарования, одиночества, отчаяния. Среди безработных более 60% составляют женщины и 35% — молодежь, уровень безработицы среди селян с образованием ниже среднего (общего) составляет 27%, а с высшим — менее 6%.

Высокий уровень безработицы в сельской местности сопряжен с дефицитом кадров, эту проблему выделило 56% экспертов — руководителей сельхозпредприятий и организаций социальной сферы. Подавляющее большинство вакантных рабочих мест на селе — это рабочие места с низким социальным потенциалом.

Оценка ситуации в отраслях социальной инфраструктуры села в период рыночных преобразований неоднозначна. По мнению экспертов, с начала рыночных реформ наблюдались процессы разрушения инфраструктурного ядра социальной сферы (здравоохранения, образования, культуры), деградации инфраструктуры бытовых услуг. В последние годы (2006—2008 г.) негативные процессы в развитии отдельных отраслей социальной сферы села не только не замедлились, но даже усилились: закрывались детские сады, школы, дома культуры и другие учреждения социальной сферы, сокращалась численность и снижалась квалификация кадров. В то же время сохранились позитивные тенденции в таких отраслях социальной сферы, как связь, розничная торговля и транспорт для перевозки населения между населенными пунктами.

В сфере сельского здравоохранения кардинальное сокращение сети медицинских учреждений и доступности медицинских услуг сопровождалось устойчивым ростом обеспеченности селян медицинскими кадрами, улучшением диагностики и, как следствие, ростом заболеваемости. С 1996 до 2008 г. уровень заболеваемости в селах Алтайского края увеличился на 42% — с 688 до 980 на тысячу сельских жителей.

В сфере образования эксперты особо выделили проблемы снижения качества среднего и доступности профессионального образования. Численность учащихся в общеобразовательных учреждениях сельской местности с 1996 г. сократилась почти на 40%, уровень охвата сельских детей дошкольными учреждениями снизился до 47% (норматив Программы развития тысячелетия ООН для России в 2015 г. равен 90%).

В последние годы точно (в отдельных селах, районах) наблюдались положительные изменения в материальной и финансовой обеспеченности сфер здравоохранения и образования: улучшилась техническая оснащенность медучреждений и школ (появились новое медицинское и школьное оборудование, компьютерные классы, Интернет), повысилась оплата труда отдельных категорий медработников и учителей. Однако это не изменило общей негативной тенденции.

Село постепенно теряет одно из своих преимуществ — более высокую, чем в городе, обеспеченность населения жильем. В 2008 г. показатели обеспеченности жильем селянина и горожанина в Алтайском крае практически сравнялись (22 и 21 кв. м). Низкий уровень ввода жилья привел к изношенности и обветшалости сельского жилого фонда: в 2,5 раза выросла доля каменных домов (квартир) с износом свыше 70%, а также деревянных и прочих — с износом свыше 65%. По-прежнему низкими остаются значения показателей благоустройства жилья: в 2008 г. только 57% жилой площади были оборудованы водопроводом, 42% — канализацией и 5% — горячей водой.

Данные статистики подтверждаются и оценками удовлетворенности населения ситуацией в отраслях социальной сферы. Сельских жителей не удовлетворяют прежде всего благоустройство их поселения и ситуация в жилищно-коммунальном хозяйстве: почти две трети дали отрицательные оценки. Половина респондентов не удовлетворена ситуацией в здравоохранении, сфере культуры и бытовом обслуживании.

Современная **демографическая ситуация** в сельской местности России является критической. Наблюдаются устойчивое сокращение численности населения и ухудшение его качественных характеристик, усиление гендерных диспропорций и старение населения, миграционная убыль и обезлюдение малых сел.

Наибольший вклад в сокращение демографического потенциала села внесла естественная убыль населения. Так, начиная с 1990 г. в Алтайском крае за счет превышения смертности над рождаемостью деревня потеряла более 10% своего населения (140 тыс. человек). После начала «шоковых» экономических реформ здесь ежегодно умирает в 1,5 раза больше селян, чем в 60-е годы прошлого столетия. Среднегодовая численность родившихся в эти годы уменьшилась в 1,7 раза, по сравнению с предшествующим аналогичным периодом, общий коэффициент рождаемости (родившихся на одну тысячу населения) снизился на 2,4 пунктов промилле, а суммарный (среднее число детей, которое родила бы одна женщина в течение жизни при сохранении текущей возрастной интенсивности деторождения) — на 32%. В Республике Алтай в анализируемый период наблюдался естественный прирост сельского населения, сокращение рождаемости и рост смертности здесь происходили более медленными темпами.

Среди опрошенных в 2008 г. сельских семей, имеющих детей моложе 18 лет, преобладали однодетные семьи (69% опрошенных), 26% имели двух детей, и только 4% — трех и более детей. По данным опроса, в среднесрочной перспективе 13% сельских жителей моложе 45 лет намерены родить хотя бы одного ребенка, 20% — двух и только 5% — трех и более. Вместе с тем 63% респондентов не хотят (или больше не хотят) заводить детей, из них только 13% — по состоянию здоровья. Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы по их демографическим, социально-экономическим и социально-психологическим характеристикам. В большей мере настроены на рождение детей мужчины, молодежь до 24 лет, холостые и незамужние, с более низким уровнем образования, занятые в экономике и материально обеспеченные (табл. 2).

Таблица 2

**Репродуктивные и миграционные планы сельских жителей
(по данным опроса 2008 г., %)**

Характеристики		Распределение ответов на вопрос:			
		«Намерены ли Вы (еще) иметь детей?»		«Хотели бы Вы изменить место жительства?»	
		да	нет	да	нет
В целом по массиву		37	63	40	60
Пол	мужчины	44	56	38	62
	женщины	34	66	41	59
Возраст	17–24 лет	76	24	72	28
	25–29 лет	52	48	55	45
	30–45 лет	14	86	44	56
	46–59 лет	—	—	28	72
	60 и более	—	—	8	92
Семейное положение	женат (замужем)	23	77	34	66
	неженат (незамужем)	61	39	51	49
Наличие детей	1 ребенок	33	67	47	53
	2 ребенка	14	86	46	54
	3 и более	43	57	57	43
Образование	начальное и основное общее	48	52	17	83
	общее среднее и начальное профессиональное	41	59	41	59
	среднее профессиональное и неполное высшее	40	60	44	56
	высшее	31	69	38	62
Занятость	занятые в экономике	40	60	44	56
	безработные	30	70	50	50
Материальное положение	живут очень бедно	15	85	47	53
	бедно	19	81	39	61
	средне	41	59	40	60
	зажиточно	54	46	34	66
	богато	33	67	0	100
Жилищные условия	живут в собственном доме	29	71	32	68
	в собственной квартире	29	71	45	55
	снимают жилье	54	46	59	41
	живут с родителями	69	31	70	30

Вторым по значимости фактором, определяющим демографическую ситуацию в сельской местности, является миграция. Рассматриваемый период характеризовался сокращением миграционной активности сельского населения, его перераспределением из государств Средней Азии и Казахстана на Алтай, появлением беженцев и вынужденных переселенцев, массовым оттоком алтайских немцев в Германию, ухудшением миграционных связей с регионами Российской Федерации. Новые тенденции наблюдались в сельско-городской миграции — замедление процессов урбанизации и преимущественное переселение горожан в село в отдельные годы. Среди факторов, определяющих миграционное поведение населения, наряду с социально-экономическими важное место заняли национально-этнические и политические факторы. Следует также отметить снижение управляемости миграционными процессами и увеличение масштабов нелегальной миграции.

В 2008 г., по результатам опроса, 38% селян хотели бы сменить место жительства. Среди причин потенциальной миграции первое место занимают неудовлетворительное материальное положение семьи, второе — отсутствие подходящей работы. Миграционные настроения преобладают среди молодежи, холостяков (незамужних), безработных и не имеющих собственного жилья (см. табл. 2).

В новом столетии отмечено некоторое улучшение отдельных демографических показателей. Однако глобальный экономический кризис и демографические процессы, наблюдаемые в России в 1990-х гг. скорее всего приведут к еще большему обострению демографических проблем на селе.

Сельское население и эксперты невысоко оценивают **государственную и муниципальную политику по социальному развитию села**. Самые низкие оценки населения получили государственные меры по решению материальных, жилищных и коммунальных проблем (40–42% отрицательных оценок) и только 10–11% хороших и отличных оценок получили действия в области образования и здравоохранения (табл. 3).

Еще более низко оценены действия органов местного самоуправления (см. табл. 3). Плохая наполняемость местного бюджета, неразвитость партнерских отношений с сельским бизнесом и низкая квалификация управленческих кадров привели к ухудшению ситуации в решении вопросов социальной сферы. Как следствие, сформировалось равнодушное отношение глав администраций сельских поселений и районов к социальным объектам.

В целом результаты исследования позволили выявить довольно пеструю и неоднозначную картину реализации государственных и муниципальных реформ на селе. С одной стороны, налицо отдельные позитивные результаты реализации национальных проектов и федеральной программы социального развития села, связанные с выделением материальных и финансовых ресурсов, с другой — возникают многочисленные потери в социальной сфере села как следствие, во-первых, неэффективного использования выделяемых ресурсов из-за бессистемности и ограниченности действий государства и, во-вторых, из-за неподготовленности муниципальных органов к выполнению полномочий, установленных Законом № 131-ФЗ об основах местного самоуправления.

Таблица 3

**Оценка сельским населением действий государственных и муниципальных органов управления по решению социальных проблем села
(по данным опроса 2008 г., %)**

Проблемы	Хорошо и отлично	Удовлетворительно	Плохо и очень плохо	Затруд. отв.
<i>Государственные органы управления</i>				
Проблемы здоровья	7,0	50,0	31,9	11,1
Материальные проблемы	6,7	43,2	42,4	7,7
Отсутствие возможности обеспечить себя или своих детей достойным образованием	10,9	38,4	36,4	14,3
Угроза увольнения с работы, безработица	8,1	38,9	35,3	17,7
Отсутствие жилья	8,1	34,1	40,4	17,4
Недостаточный уровень социального обеспечения	9,0	41,4	34,5	15,1
Неудовлетворенность работой жилищно-коммунального хозяйства	6,4	37,3	40,6	15,7
<i>Органы местного самоуправления</i>				
Проблемы здоровья	7,0	44,6	40,0	8,4
Материальные проблемы	4,7	36,6	49,3	9,4
Отсутствие возможности обеспечить себя или своих детей достойным образованием	8,7	35,2	41,6	14,5
Угроза увольнения с работы, безработица	6,2	32,9	42,6	18,3
Отсутствие жилья	5,0	29,0	49,2	16,8
Недостаточный уровень социального обеспечения	6,9	36,6	41,4	15,1
Неудовлетворенность работой жилищно-коммунального хозяйства	5,8	32,2	49,0	13,0

Среди острых социальных проблем села по-прежнему лидируют низкий уровень оплаты труда и социального обеспечения, неэффективная занятость и высокая безработица, примитивный труд и слабая профессиональная подготовка кадров, деградация социальной инфраструктуры и недоступность многих социальных услуг, сокращение населения и обезлюдение

малых сел. Пришло время более решительных, системных и масштабных действий по сохранению и развитию уникальных по своим функциям сельских сообществ.

Литература

1. Осадчая Г.И. Социология социальной сферы. 2-е изд. М., 2003.
2. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И.Заславская, Э.И.Калугина, О.Э.Бессонова. Новосибирск, 2008.
3. Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И.Заславская, Э.И.Калугина. Новосибирск, 2003.
4. Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. Раздел 3: Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села // Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования: Монография / Под ред. А.Я.Троцкого. Барнаул, 2008. С. 250–363.
5. Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 55–64.
6. Зиятдинова Ф.Г. Российское село в рыночных условиях: Монография / Ф.Г.Зиятдинова, Е.И.Кучаева. М., 2008.
7. Калугина Э.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
8. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т.Шанина, А.Никулина, В.Данилова. М., 2002.
9. Хагуров А.А. Социология российского села / Под ред. В.И.Нечаева. М., 2008.

А.А.Шевченко*

Политическая субъектность: философско-нормативный анализ

В статье представлены некоторые результаты исследования политической субъектности, проводившегося в 2008–2009 гг. Рассматриваются проблемы, связанные с характеристикой политической субъектности. Обосновывается необходимость расширительного толкования сферы политического. Анализируется специфика методологического индивидуализма как наиболее адекватной методологии описания политической субъектности, а также обосновывается необходимость содержательной характеристики политического субъекта как носителя политических обязательств.

Одной из особенностей кризисного состояния современной политической философии можно считать «утрату субъектности». Проблема в том, что привычные концептуализации политических субъектов либо весьма приблизительно фиксируют реалии современного общества (например, такой субъект, как «общественный институт»), либо недостаточно хорошо определены (например, «политический индивид»), либо сомнительны в силу целого ряда причин, обсуждение которых выходит за рамки настоящей статьи (такие субъекты, как «классы» или «нации»). Кроме того, в условиях глобализации создаются новые временные и постоянные альянсы, институты и организации с полномочиями и обязанностями, не всегда ясными как с моральной, так и правовой точки зрения, однако участвующие в выработке и принятии политических решений.

Исследование политической субъектности — это попытка зафиксировать важнейшие отличительные характеристики субъектов, реализующих свои интересы в политической сфере. В тривиальном смысле политическим субъектом является каждый дееспособный гражданин, достигший определенного возраста, имеющий право избирать и быть избранным. А это, по сути дела, каждый из нас, обладающий хотя бы только теоретической возможностью влиять на формирование политической системы и конфигурацию власти. Вместе с тем, как и другие центральные понятия нормативной политической философии (такие как «государство», «власть», «справедливость»), «политический субъект» — теоретический конструкт. Это, в частности, означает, что существенные характеристики таких субъектов могут выделяться достаточно произвольно, в зависимости от задач и интересов исследователя. Можно фиксировать необходимые и достаточные *свойства или атрибуты* политического субъекта — такие, например, как способность и готовность к осознанному действию, наличие политических обязательств, использование политического языка, следование императивам коллективной рациональности. Можно акцентировать внимание на *отношениях* субъекта и называть политическим субъектом того, кто вступает в политические отношения или же самим своим действием такие отношения создает.

* Шевченко Александр Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, руководитель проекта «Политическая субъектность: философско-нормативный анализ» (08-03-00569а).

В ходе подобной теоретической работы неизбежно возникает ряд методологических трудностей. Первая трудность в исследовании политической субъектности связана с очень разным пониманием «политического». Согласно стандартной и наиболее распространенной интерпретации, политика и политическое связываются со сферой действия государственно-административных институтов или с формами государственного управления. Такая позиция хорошо известна, и здесь нет смысла останавливаться на ней подробно. Однако в современном демократическом мире набирает силу тенденция, в рамках которой происходит существенное расширение понятия политического. В широком смысле политическим может считаться все то, что становится предметом публичных споров, причем споров, конечно, не праздных, а затрагивающих существенные (и часто личные) интересы участников дискуссии.

Такое стирание границ между сферой публичного и сферой частного может показаться относительно новой тенденцией, однако еще в 1930 г. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» писал: «Сегодня же мы присутствуем при триумфе гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы. Не следует объяснять новое поведение масс тем, что им надоела политика и что они готовы предоставить ее специальным лицам. Именно так было раньше, при либеральной демократии. Тогда массы полагали, что, в конце концов, профессиональные политики при всех их недостатках и ошибках все же лучше разбираются в общественных проблемах, чем они, массы. Теперь же, наоборот, массы считают, что они вправе пустить в ход и сделать государственным законом свои беседы в кафе» [1].

Несмотря на резко негативную оценку этой тенденции автором цитаты, суть заключается именно в том, что политическим становится все то, что таковым (в массовом порядке) начинают воспринимать люди. Формальными индикаторами превращения вопросов неполитических в политические можно считать апелляцию к таким терминам, как «власть» или «справедливость», попытки интерпретации тех или иных фактов или интересов либо в качестве проявления властных отношений (в самом широком смысле), либо как нарушения принципов справедливости.

Конечной целью подобных дискуссий является, как правило, борьба за законодательное признание таких интересов. Отличие от традиционного понимания политического в том, что здесь мы имеем дело не с обращением к реальным механизмам функционирования власти или обеспечения справедливости, не с попытками изменить их или хотя бы обратиться к своей выгоде, а с использованием концептов («власть» или «справедливость») лишь в качестве ценностных понятий или теоретических конструктов. «Разговоры в кафе» — это формулировка некоторой желаемой реальности, которая может стать, а может и не стать предметом регулирования со стороны государственных институтов или их частью. Но тем не менее политическими эти разговоры позволяет считать уже сама претензия на политичность, особенно если эта претензия достаточно массова.

Столь разные трактовки политического создают существенные трудности для понимания политической субъектности хотя бы потому, что в рамках

традиционного подхода политический субъект будет пониматься как реальный участник институциональных отношений, а в случае радикального расширения сферы политического — как участник, по преимуществу, потенциальный. Кроме того, такое расширительное толкование политики ведет к необходимости пересмотра всей конфигурации политического, т.е. всего категориального аппарата, начиная с самых базовых понятий, таких как политический субъект, политические свойства, политические отношения.

Главная теоретическая проблема здесь в том, что радикальное расширение сферы политического в современном обществе неизбежно ведет к пересмотру соотношения между публичным и частным. Политическое участие может обнаружиться в самых неожиданных сферах, внутри того, что раньше считалось безусловно частным. Можно вполне согласиться с Т.Алексеевой в том, что именно здесь, размышляя о соотношении публичного и частного, следует искать политическое, а не через определение друзей и врагов [2]. А уже внутри сферы политического будут локализованы и политические субъекты.

Общие трудности, связанные с определением политического субъекта через набор свойств, можно рассмотреть на примере такого свойства, как использование политического языка. По аналогии с анализом, предложенным П.Рикером в отношении субъекта права, можно сказать, что субъект политики — это прежде всего тот, кто говорит. Точнее, тот, кто может, способен, компетентен пользоваться языком в политических целях, а также брать на себя ответственность самим фактом авторства. Но для того, чтобы стать подлинным субъектом (права), субъекту необходимы условия актуализации его способностей — возможность пользоваться языком, оценивать свое поведение, брать на себя ответственность. При этом П.Рикер полагает, что преимущественной средой для реализации этих человеческих потенциалов, в том числе и для субъекта права, является именно политическое [3].

Говоря о том, что политическое и политическая субъектность во многом определяются языком, мы имеем в виду даже не просто язык, а целую систему коммуникаций, которая складывается после того, как другие признают некоторое речевое поведение политическим языком и признают за индивидом право на такое поведение. Однако описание политического субъекта через политический язык и политический дискурс хотя и может помочь опознать субъектов на практике или ограничить их число, но все же не решает основную теоретическую задачу по поиску критериев политической субъектности. Проблема здесь в том, что идентификация того или иного языка как политического требует каких-то внешних критериев. Конечно, если мы видим животное, пользующееся речью, то, скорее всего, мы имеем дело с животным разумным. Однако как опознать некоторый символ или последовательность символов в качестве знаков, имеющих значение и смысл? Эта проблема является фундаментальной для философии языка: по каким критериям мы можем определить, что последовательность звуков, издаваемая младенцем, является осмысленной, а оставленная муравьем на песке последовательность линий не является карикатурой на Уинстона Черчилля? [4]. Те же трудности возникают и с идентификацией политического языка именно как политического, а также при попытках вывести политическую субъектность на основе других важнейших свойств, таких как политическое сознание и по-

литическое действие. Общая проблема в круговом характере описания, когда сама характеристика соответствующего сознания, языка или действия в виде скрытой предпосылки уже предполагает ту или иную концепцию политического.

Аналогичная проблема может возникать и при описании политического субъекта через отношения. Можно сослаться на пример такого описания, предложенного современным французским философом Ж.Рансьером, который пишет, что «политика не может определяться никаким субъектом, который ей предшествовал бы. Именно в форме политических отношений следует искать политическое “различие”, позволяющее мыслить субъект политики» [5]. Идея о том, что человек — продукт общественных отношений, конечно, не нова. Интерес здесь представляет акцент на специфике отношений, формирующих политическую субъектность. Это отношения именно и сугубо политические. До и вне таких отношений политические субъекты не существуют. Вопрос прежний — не достигнув согласия по поводу того, что такое «политическое», нельзя и опознать политические отношения.

Более содержательная попытка выразить сущность политической субъектности через отношения может, как представляется, быть связана с таким отношением, как «обязательство». Слегка модифицируя терминологию М.Вебера, будем говорить о политических субъектах «по случаю» и субъектах профессиональных [6]. Если говорить о политиках «по случаю», то обычно их (наши) политические обязательства (помимо общего обязательства соблюдать закон) трактуются и как специальные обязательства принимать участие в некотором предписанном количестве политических процедур — выборах, референдумах и т.д. Чаще всего это обязательства моральные, но иногда они закрепляются в соответствующем законодательстве, например в ряде стран существует так называемый обязательный вотум, который обязывает всех дееспособных граждан принимать участие в выборах под угрозой штрафных санкций. В этом случае моральный долг превращается в юридическую обязанность. Другая деятельность политических субъектов «по случаю», выходящая за пределы периодического волеизъявления в жестко определенных законом рамках, обычно либо не поощряется, либо относится не к политическим обязанностям, а к политическим правам. Однако если мы говорим о политике как сфере реализации субъектности, то должны признать, что в первую очередь эта деятельность целенаправленная, т.е. ориентированная на реализацию определенных (политических) целей, которые человек счел для себя настолько важными, что осуществил ради них самоидентификацию в качестве политического субъекта. А совершая столь сознательный и ответственный выбор, субъект неизбежно принимает на себя соответствующие обязательства.

Такая идентификация в качестве политического субъекта меняет его статус. В моральной сфере статус личности обычно связывается с наличием у нее определенных прав. Так, по мнению известного морального философа Т.Нагеля, о правах личности лучше всего говорить именно как о статусной составляющей того, что значит быть субъектом морального сообщества. По его словам, «моральный статус, как он дан посредством моральных прав, формально аналогичен правовому статусу, как он дан юридическими правами.

Это нормативное состояние, включающее то, что можно делать по отношению к людям, что дозволяется делать людям, какого рода обоснование требуется для того, чтобы помешать им делать то, что они хотят и т.д.» [7].

Думается, что то же самое верно и в отношении политического субъекта за тем исключением, что права здесь необходимо заменить на обязанности. И дело не только в том, что права и обязательства обычно используются как коррелятивные понятия: наличие прав у одних субъектов подразумевает наличие обязательств у других субъектов по обеспечению этих прав. И даже не в том, что политический субъект функционирует в системе политических отношений, которые не могут не включать отношений обязательственных. Дело прежде всего в субъективной стороне вопроса, в том, что именно идентификация себя в качестве политического субъекта предполагает осознание ответственности за такой выбор и принятие на себя определенных обязательств. При этом отличие политического субъекта от морального состоит в том, что в первом случае от этого самоидентификационного выбора в принципе можно уклониться. Поэтому если субъект такой выбор все же совершает, он, как представляется, налагает на себя дополнительную ответственность, точнее говоря — приобретает прежде всего обязательства, а не права. Если обоснованность замены прав на обязательства в вышеприведенной формулировке и может вызвать сомнения в отношении политических субъектов «по случаю», то в отношении профессиональных политических субъектов она кажется вполне очевидной.

С точки зрения философско-нормативного анализа политической субъектности важнее всего правильно понимать методологию, которая используется для приписывания субъекту наиболее существенных характеристик. Серьезная трудность состоит в том, что осмысление политической субъектности требует принятия решения о «локализации» такого субъекта — либо на индивидуальном, либо на коллективном уровне. Как представляется, политическая субъектность предполагает коллективный характер действия, целенаправленного и осознанного, когда индивиды совместно предпринимая усилия в политическом пространстве для реализации своих интересов, в том числе и для закрепления их на законодательном уровне. Однако в современной либеральной политической теории политический субъект чаще всего понимается именно как индивид. Индивидуализм представляется важной предпосылкой и основой формирования политической субъектности. Частично это можно объяснить тем, что качества, которые требуются от полноценного политического субъекта — рациональность, осознанность, свободный выбор, способность подчинять индивидуальный интерес коллективному и ограничивать политическое действие моральными рамками, требуют от человека свойств, которые неразрывно связаны именно с индивидуальной субъектностью — автономией, волей, ответственностью. Таким образом, не удивительно, что индивидуализм становится необходимым условием и инструментом понимания политической субъектности.

Однако еще важнее отметить то, что индивидуализм в современной политической философии — это не только и не столько онтологическая характеристика, а методологический прием, который используется для исследования как субъектности, так и политики, права и морали в целом. Инди-

видуализм часто порицают за то, что он ведет к замкнутости и изолированности людей, отрицает нашу социальную сущность, способствует эгоизму и, в конечном счете, аморализму. Все эти аргументы имеют вес только при условии, если индивидуализм понимать как позицию психологическую или онтологическую. В этом случае, говоря о субъекте, мы описываем то, что он чувствует или переживает, либо указываем на его действительное место в мире.

Наиболее интересен и важен другой вид индивидуализма, который и является полезным эвристическим и методологическим приемом для анализа политической субъектности. Это индивидуализм методологический. Считается, что сам термин был введен в научный оборот Дж.Шумпетером, учеником М.Вебера, а затем активно использовался самим М.Вебером, а также Ф.Хайеком, Л.Мизесом, К.Поппером и многими другими. Можно выделить два основных понимания методологического индивидуализма. Первое — такое, при котором методологический индивидуализм понимается как объяснительная схема, в рамках которой любые общественные явления могут быть объяснены как результат мотивации или действий отдельных индивидов. Более жесткое и последовательное распространение принципов методологического индивидуализма на сферу политики вообще вынуждает исключить из рассмотрения любые коллективы людей, в том числе и такие, как классы или политические партии. Примерами являются и механизм «невидимой руки», и объяснения происхождения государства в классических общественно-договорных теориях. В основе такого подхода при желании можно заметить идеологию утилитаризма с его акцентом на ценность интересов каждого индивида и известное утилитаристское исчисление. Именно Дж.С.Миллю принадлежит одно из наиболее ясных описаний этой версии методологического индивидуализма, которую условно можно назвать «социологической»: «Законы общественных явлений суть не что иное и не могут быть ничем иным, как только законами действий и страстей людей», т.е. «законами индивидуальной человеческой природы. Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое...» [8].

Второе понимание методологического индивидуализма — приоритет личных прав и интересов над интересами группы, коллектива или государства. Таким образом понимаемый методологический индивидуализм запрещает жертвовать индивидуальными правами или интересами в пользу прав или интересов коллективных. Эту версию методологического индивидуализма можно условно назвать «политической». Если понимать методологический индивидуализм как объяснительную социологическую схему, то его теоретической оппозицией будет холизм. Если же использовать методологический индивидуализм как тезис о приоритете индивидуальных прав, интересов (и шире — субъектов) над групповыми, то противоположностью такого индивидуализма будет уже коллективизм.

Примеров «политического» понимания методологического индивидуализма, когда он понимается не как схема для объяснения социальных явлений, а как принцип разрешения конфликтов прав и обязательств, можно найти немало. Примечательно, что этот прием может применяться даже для аргументации в пользу групповых прав, в частности прав национальных мень-

шинств в условиях либерализма. Так его использует известный канадский политический философ У.Кимлика. Он полагает, что одним из важнейших аргументов в пользу групповых прав может быть увеличение степени свободы каждого (индивидуального) субъекта, входящего в группу [9]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело одновременно как с коллективной, так и с индивидуальной политической субъектностью, при этом права и свободы индивидов (имея приоритет над групповыми правами и свободами), вполне органично сосуществуют с правами группы.

Конечно, есть истораживающие моменты, которые мешают безоговорочно принять методологический индивидуализм в качестве некоторой беспристрастной основы для анализа политической субъектности. Прежде всего бросается в глаза устойчивая связь между индивидуализмом методологическим и политическим — большинство методологических индивидуалистов являются в той или иной степени либералами [10]. Дж.С.Милль, М.Вебер, Ф.Хайек, Л.Мизес, К.Поппер — все эти методологические индивидуалисты оказывались в то же время и политическими либералами. Существует ли между этими позициями жесткая логическая связь, или же это лишь некоторое «семейное сходство» — предмет отдельного исследования.

Общий вывод заключается в том, что перспективность поисков утраченной политической субъектности зависит от того, насколько точно выстроены приоритеты исследования. Представляется, что необходимыми условиями такого проекта должны быть расширительное толкование сферы политического, правильное понимание индивидуализма как методологического приема, а не онтологической характеристики, а также преимущественное описание политического субъекта как носителя политических обязательств, а не прав.

Литература

1. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. С. 46–47.
2. Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // *Философские науки*. 2005. № 4. С. 15.
3. Рикер П. Справедливое. М.: Гнозис, Логос, 2005. С. 30–40.
4. Патнэм Х. Разум, истина, история. М.: Праксис, 2002. С. 14–19.
5. Раньсер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 197.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 652.
7. Nagel T. Personal Rights and Public Space // *Deliberative Democracy and Human Rights* / Ed. by Н.Н.Koh and R.C.Slye. Yale University Press, 1999. P. 35.
8. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд-во Лемана, 1914. С. 798.
9. Kymlicka W. Multicultural Citizenship — A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1996. Ch. 3.
10. Udehn L. Methodological Individualism: Background, History, and Meaning. Routledge, 2001. P. 338.

Филология. Искусствоведение

С.Н.Гуськов,
А.Ю.Балакин,
А.Г.Гродецкая*

Обломовская энциклопедия

Статья посвящена готовящейся в Пушкинском Доме «Обломовской энциклопедии». Представлен обзор структуры справочника, даны обоснование и краткая характеристика тематических разделов, изложено видение особенностей молодого литературоведческого жанра энциклопедии одного произведения, отмечены заслуги предшественников. В приложениях даны примеры энциклопедических статей.

Статья посвящена готовящейся в Пушкинском Доме «Обломовской энциклопедии». Представлен обзор структуры справочника, даны обоснование и краткая характеристика тематических разделов, изложено видение особенностей молодого литературоведческого жанра энциклопедии одного произведения, отмечены заслуги предшественников. В приложениях даны примеры энциклопедических статей.

Энциклопедия одного произведения — в отечественном литературоведении жанр относительно новый. По сути, к настоящему времени мы имеем лишь два образца изданий подобного рода, во многом друг от друга отличных. Это подготовленная в Пушкинском Доме и выдержанная — как стилистически, так и внешне — в академическом ключе «Энциклопедия «Слова о полку Игореве»» (Т. 1–5. СПб., 1995; Отв.

ред. О.В.Творогов) и ориентированная на свободное, научно-популярное изложение «Онегинская энциклопедия» (Т. 1–2. М., 1999–2004; Под ред. Н.И.Михайловой, В.А.Кошелева и М.В.Строганова), солидно изданная и снабженная большим количеством иллюстраций. Готовящаяся в Пушкинском Доме «Обломовская энциклопедия», думается, неизбежно будет сравниваться с последним изданием. Однако редакторы и составители «Обломовской энциклопедии» предполагают двигаться по несколько иному пути, стараясь совместить достоинства двух упомянутых энциклопедий, а также учесть многочисленные восторженные и критические оценки.

По нашему глубокому убеждению, такое издание должно быть прежде всего универсальным справочником, включающим обобщенный свод упорядоченных, концептуально организованных и апробированных сведений. Как и академический комментарий, энциклопедия фиксирует современный статус произведения в культуре. Главное достоинство любой энциклопедии — не в выдвигании спорных гипотез, не в полемике с устаревшими точками зрения, не в апробации новейших методов исследования и интерпретации

* Гуськов Сергей Николаевич — кандидат филологических наук, заместитель директора Института русской литературы (Пушкинского Дома), руководитель проекта «Подготовка энциклопедии одного произведения — романа И.А.Гончарова «Обломов»» (07-04-00269а).

Балакин Алексей Юрьевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома), исполнитель того же проекта.

Гродецкая Анна Глебовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома), исполнитель того же проекта.

материала, а в возможно более полном учете старого, утвердившегося, устоявшегося. Без подобной систематизации, без взвешенного осмысления накопленного предшествующими поколениями ученых двигаться вперед в изучении того или иного явления невозможно.

«Обломов» — пожалуй, один из самых известных русских романов, а его герой (в отличие от того же Онегина) давно стал литературным сверхтипом, подобным Гамлету или Дон-Кихоту. Обломов существует в массовом сознании обособленно и самоценно, поэтому рецепционные аспекты приобретают особую значимость. Без них невозможно правильно и полно оценить место произведения в культуре. Собственно, именно это и видится составителям «Обломовской энциклопедии» главной задачей будущей книги: от нее не стоит ждать открытий и откровений, мы не стремимся «приблизиться к новому постижению романа, выявить белые пятна в его изучении», как писали об энциклопедии онегинской, а прежде всего собрать и систематизировать по возможности весь корпус мнений о романе и его главном герое, все отражения его мотивов в смежных искусствах, проследить историю читательского восприятия.

Мы с уважением относимся к трудам наших предшественников в лице составителей «Онегинской энциклопедии», но менее всего стремимся к экспериментам и жанровым новациям. Например, такой оригинальный эксперимент, как использование в словнике только лексики из романа «Евгений Онегин», достаточно спорное и для онегинской энциклопедии [1], в случае с «обломовской» представляется совершенно неоправданным. При таком подходе за рамками энциклопедии остаются прототипы персонажей и мест, целые комплексы имен и понятий, относящихся к текстологии романа, к издателям произведения, к цензурной истории текста, к критическим откликам современников (а где тут у вас статья «Добролюбов»?)). Нам также кажется невозможным оставить за рамками словника исследователей и интерпретаторов «Обломова». Было бы странным отсутствие в нем переводчиков (а роман переведен на 47 языков), игнорирование многочисленных сценарных переделок и сценических воплощений, экранизаций, текстов, для которых «Обломов» послужил литературным источником, наконец торговых марок, порожденных фамилией главного героя романа [2]. Отсутствие всего перечисленного выглядит неоправданно в любой энциклопедии одного произведения, но в случае с «Обломовым» — особенно.

В энциклопедических статьях суммируются сведения об истории написания и публикации текста, его критической оценке, научном исследовании и рецепции. Наиболее сложными для формирования словника являются разделы, относящиеся собственно к тексту романа: поэтике, ключевым понятиям и мотивам. При составлении этой части словника мы стремились к учету всех зафиксированных в исследовательской литературе точек зрения, концепций и терминов.

Редакторы разделов «Обломовской энциклопедии», а это в основном сотрудники Пушкинского Дома, работающие над Академическим собранием сочинений И.А.Гончарова, рассматривают свой труд как логическое продолжение работы над комментарием к роману «Обломов». Академический комментарий, составивший отдельный том Полного собрания сочинений и писем

Гончарова, послужил содержательной и структурной основой будущей энциклопедии. Зависимость от него будущей энциклопедии мы не отрицаем, а декларируем, что отчасти облегчает самую сложную задачу авторов — составление словника. Тематические разделы (которые существуют, впрочем, только в рабочих бумагах редакторов — в книге материал будет расположен по алфавиту), очевидно, зависят от структуры комментария.

Так, самой значительной по объему и неотъемлемой частью материала «Энциклопедии» являются разного рода текстовые реалии, как устаревшие, забытые или утраченные, так и носящие специальный характер, а потому нуждающиеся в развернутом комментарии. Это относится к широкому слою исторических реалий — культурных, социальных, бытовых. В основе статейного материала в этих случаях лежит конкретный романский текст, на который прежде всего и ориентирована статья, опирающаяся на исторические источники, и (по мере возможности) на источники литературные, т.е. художественные тексты современников Гончарова. Каждая реалия дается как в «обломовском», так и в общем контексте гончаровского творчества.

Ряд реалий отражает автобиографический и реминисцентный состав текста романа, как, например, реалии волжские (напомним, что Гончаров — уроженец Симбирска), английские, «африканские», сибирские (отражение опыта автора романа, бывшего участником кругосветного плавания на фрегате «Паллада»). Все они также включены в «Энциклопедию» соответствующими статьями. «Обломов» как петербургский роман содержит и ряд городских реалий, относящихся к топографии, истории, быту Петербурга. Статьиный материал, поясняющий городские реалии, опирается на историко-литературные источники и вместе с тем нацелен на актуализацию «петербургского текста» в романе. В свою очередь, самостоятельной статьей рассматривается и «крымский текст» (четвертая часть) романа.

«Энциклопедия» включает также статьи лексикографического характера, комментирующие прежде всего архаическую лексику (например, «увраж», «флюгель»), кроме того, словоформы и словосочетания, повторяемые, устойчивые как в словаре романа, так и в гончаровском словаре в целом, а также и собственно идеологемы (например, «гуманитет», «комфорт», «барин/джентльмен»). Для последних в статье даются этимология, информация о той или иной степени распространенности и органичности слова или понятия для языка эпохи, его контекстуальное толкование и интерпретация идеолого-эстетического содержания.

Огромное значение для романа имеет его мифопоэтический план, связанный с жизнеустройством Обломовки и миропониманием обломовцев, с их традиционной культурой (обрядами, приметами, народной верой, суевериями, народным и церковным календарем и проч.). Энциклопедические статьи, поясняющие эти аспекты романа, опираются на широкую базу историко-этнографических исследований (И.П.Сахаров, А.Н.Афанасьев, М.Ю.Забялин, С.В.Максимов и др.) и современные работы фольклористов, мифологов, этнографов (В.Я.Пропп, Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский, А.В.Гура, Н.И.Толстой и др.). В том же объеме и с той же степенью проработки отражаются в статьях энциклопедии присутствующие

щие в романе в цитатах и реминисценциях библейская и античная история и мифология и, кроме того, «евангельский текст» романа.

Значительное внимание в энциклопедии будет уделено раскрытию литературного генезиса романа, цитат, аллюзий, реминисценций. Понимание этого смыслового уровня текста особо ценно и особо трудно для современного читателя, не имеющего возможности в полной мере оценить степень включенности романа в культурный контекст эпохи.

При написании статей о критиках и исследователях, переводчиках, авторах инсценировок и т.д. значительное место будет отведено не констатации биографических фактов (особенно в тех случаях, когда речь идет об известных фигурах), а только тому материалу, который имеет непосредственное отношение к роману.

В статьях, посвященных иллюстраторам романа, по возможности описаны все иллюстрированные отечественные и зарубежные издания. Уже собрана большая часть материала, для чего было просмотрено и оцифровано свыше 200 иллюстраций из более чем тридцати изданий, а также из фондов Литературного музея Пушкинского Дома. Подготовлены статьи о каждом из художников-иллюстраторов, среди которых были такие мастера графики, как Е.Лансере, С.Шор, Т.Шишмарева и др., а также большая обобщающая статья «Иллюстрации к роману». Некоторые статьи размещены на сайте ИРЛИ РАН для обсуждения.

В приложениях к энциклопедии планируется поместить полную библиографию изданий романа и литературы о нем.

Возможно, декларируемая редакторами «Энциклопедии» зависимость от уже опубликованного комментария к роману вызовет опасение, что это издание может стать его дублетом, простым повторением, переизданием уже существующего текста. Энциклопедия, безусловно, будет учитывать опыт академического комментария, более того — опираться на него, но, разумеется, им не ограничится. Во-первых, тот же материал, по-другому структурированный и расположенный, прирастает новыми смыслами, выявляет ранее невидимые причинно-следственные связи между на первый взгляд далекими явлениями и идеями, раздвигает их семантическое поле. Во-вторых, рамки энциклопедии значительно шире собственно комментария: этот жанр позволяет и требует более полного учета литературы, причем не только исследовательской, более полного и обстоятельного, чем в комментарии, раскрытия рецепции текста в культуре и массовом сознании. Энциклопедия также позволяет представить богатый иллюстративный материал, а в электронной версии (без которой сейчас никакая энциклопедия невозможна) и мультимедийный.

Авторы «Обломовской энциклопедии» питают надежду, что это издание станет не «книгой для чтения», не «новым типом комментария» (как позиционировали свой проект авторы «Онегинской энциклопедии»), а универсальным справочником, к которому могли бы обратиться и ученый-филолог, и студент — и найти там ответ почти на любой вопрос, могущий возникнуть как при чтении романа «Обломов», так и при изучении его влияния на культурную жизнь России и мира на протяжении более ста пятидесяти лет, прошедших с момента его первого издания.

Примеры энциклопедических статей даны в Приложении.

Примечания

1. См. об этом, к примеру: Сапожков С.В. Роман на фоне эпохи (к выходу двухтомной «Онегинской энциклопедии») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 32–38; ср.: Ларионова Е. Онегинская энциклопедия. Т. 1 [рец.] // Новая русская книга. 2000. № 3 (4). С. 82–83.

2. См. об этом: Schumann D. Markenzeichen Oblomov: Zum 'Marktwert' eines russischen Romans // Scholae et symposium: Festschrift für Hans Rothe zum 75. Geburtstag / Hg. von P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2003. S. 159–181.

Приложения

Артамов Петр (псевдоним; наст. имя и фам. — Владимир де ла Фит де Пельпор, граф; 1818–1870) — переводчик «Обломова» на французский язык, литератор, журналист. Принадлежал к древнему (известному с XIII в.) роду маркизов де ла Фит де Пельпор, его отец — французский офицер, плененный под Данцигом в 1813 г., остался в России, женился на немке и жил в имении Крюково Вяземского уезда Смоленской губернии. **А.** получил образование в Дерптском университете, жил в разных странах Европы. В конце 1850 г. **А.** публиковал статьи в заграничных русских изданиях: «Голоса из России» (Лондон, 1859) и «Русский заграничный сборник» (Париж, 1859. Ч. II, тетр. 4), в начале 1860-х гг. печатался в «Журнале Министерства народного просвещения» и «Православном обозрении». Во Франции в 1860-х гг. регулярно выходили его брошюры политического содержания. Автор книг: *Histoire d'un bouton*. Paris, 1862; *La menagerie litteraire*. Paris, 1863; *Les instruments de musique du diable*. Paris, 1864; *Histoire d'un conseiller municipal*. Paris, 1865; *La nuit de la Saint-Sylvestre*. Paris, s. a.; а также обширной иллюстрированной энциклопедии России: *La Russie historique monumentale et pittoresque par Piotr Artamof avec la collaboration de M. J.-G.-D. Armengaud*. Paris, 1862–1865. Т. 1–2.

А. в соавторстве с Шарлем **Деленом** в 1859–1860 гг. перевел первую часть «Обломова». Перевод впервые опубликован в 1872 г. под названием «Une journée de M. Oblomoff» (Один день г-на Обломова) в «Revue de France», переиздан в 1877 и 1886 гг. под названиями «Oblomoff: Scenes de la vie russe» и «Oblomoff» соответственно. **А.** был инициатором перевода, основным автором (Делен не знал русского языка) и виновником того, что перевод не был закончен. Причины появления неполного перевода, главная из которых — увлечение **А.** журналистикой, изложены в письме Делена Гончарову от 22 июня 1877 г. (*ИРЛИ*. Ф. 163 (Архив Е.А.Ляцкого). Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1). Гончаров был знаком с переводом **А.** и Делена по изданию 1877 г. и в переписке и воспоминаниях неоднократно высказывал недовольство тем, что переведена только первая часть. В публикации неполного «Обломова» Гончаров бесосновательно видел злой умысел И.С.Тургенева (*Необыкновенная история*, 214; письмо Гончарова И.И.Монахову от 10 июля 1877 г. Из переписки Гончарова: Гончаров — И.И.Монахов. 1871–1877 / Вступит. статья, публ. и коммент. И.Н.Сухих // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 557). В то же время в письме к Делену от 11 июля 1878 г. Гончаров

признавался, что у него «...нет ни одного замечания по поводу перевода как такового. Он безукоризнен и, если бы весь роман был переведен с таким же талантом и изяществом, то, по крайней мере, некоторый успех у французской публики был бы автору обеспечен» (*ИРЛИ*. Ф. 163 (Архив Е.А.Ляцкого). Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 4). Вплоть до 1926 г., когда вышел в свет перевод **Е.Извольской**, перевод **А.** и Делена оставался во Франции единственным и воспринимался иногда как перевод всего романа (см.: Студенческий дневник Р.Ролана // Иностранная литература. 1955. № 1 (Июль). С. 130). См. также: **Делен, Жеребцов, Цетнер.**

Литература: Une journée de M. Oblomoff / Trad. du russe de Gontcharoff, par P. Artamoff et Ch. Deulin // Revue de France. 1872. Т. 4. Déc. P. 558–586; 1873. Т. 5. Mars. P. 595–614; Т. 7. Juillet. P. 154–168; Т. 8. Oct. P. 165–176; *Gontcharoff I. Oblomoff: Scènes de la vie russe / Trad. de P. Artamoff, revue, corrigée et augmentée d'une étude sur l'auteur par Ch. Deulin. Paris: Didier, 1877; Gontcharoff I. Oblomoff / Trad. avec l'autorisation de l'auteur par P. Artamoff et Ch. Deulin. Paris: Perrin, 1886; Гончаров И.А. Необыкновенная история (Истинные события) / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н.Ф.Будановой // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 278–285; Гончаров И.А. ПСС. Т. 6. С. 462–472; Гуськов С.Н. Хрустальный башмачок Обломова // Русская литература. 2002. № 3. С. 44–52; Черных В.А. Вяземский мужичок Петр Артамов (граф де ла Фит де Пельпор) // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки. М., 1986. Сб. 9. С. 115–126.*

Архивы: Переписка И.А.Гончарова с Ш.Деленом и Дидье (на фр. яз.) — *ИРЛИ*. Ф. 163 (Архив Е.А.Ляцкого). Оп. 1. Ед. хр. 117.

С.Гуськов

Гороховая улица — одна из центральных улиц Петербурга (первонач. назв. — 2-я Адмиралтейская перспектива; Гороховой стала называться в 1756 г. по имени купца Горохова, поставившего здесь первый каменный дом). Берет начало у Адмиралтейства и пересекает четыре административные части города: 1-ю, 2-ю, 3-ю Адмиралтейские и Московскую. При этом 1-я и 2-я Адмиралтейские части, по свидетельству «Путеводителя» 1843 г., были «предназначены для жительства высшего класса общества, сановников, богатейших купеческих фамилий и иностранцев». «Присутственные места, канцелярии гражданского и военного управления, обширные магазины, лавки и лучшие кондитерские сосредоточены в двух Адмиралтейских частях, оттого и квартиры здесь гораздо дороже, чем в других частях». 3-я Адмиралтейская часть, включающая Никольский и Сенной рынки, «отличается большею населенностью и может назваться главным пунктом промышленной деятельности Петербурга <...>. Жители ее принадлежат к среднему и низшему классу общества...». Кварталы же Гороховой ул. в Московской части (от Фонтанки до Звенигородской ул.) «представляют будто отдельный мир гражданских чиновников, отставных военных, искателей мест, ходатаев по делам и мелочных спекулянтов. Квартиры здесь дешевле и просторнее, хозяйки менее бранчливы и добрее, чем в центре города, оттого-то бессемейные люди преимущественно стараются приискать себе здесь помещения на хлебах» (*Пушкарев*. С. 73–75).

На квартире Ильи Ильича «в Гороховой улице» начинается действие «Обломова». О месте жительства гончаровского героя Н.И.Соловьев писал: «Странно только, что автор поместил своего героя в Петербурге, да еще на самой многолюдной

улице, на Гороховой; самое настоящее место его — в Москве, на какой-нибудь Спиридоновке; все, что идет на покой, отправляется в Москву» («Обломов» в критике. С. 169). На Гороховой проживали и Зуровы, герои ранней повести Гончарова «Лихая болезнь» (1838) (см.: I, 37).

Гороховая ул. упоминается у Пушкина («Барышня-крестьянка»), Лермонтова («Княгиня Лиговская»), Гоголя («Невский проспект» и др.), Достоевского («Бедные люди», «Идиот»); выразительное описание одного из домов на Гороховой оставил А.И.Герцен (письмо к Ю.Ф.Курута от 11 июня 1840 г. — *Герцен*. Т. 22. С. 81). В 1840-х гг. И.С.Тургенев «задумал серию очерков о жизни «петербургских углов», о сумрачном городе, о пестром люде, населяющем его центральные улицы и отдаленные кварталы». Среди записанных им «сюжетов» под третьим номером значилось: «Один из больших домов на Гороховой и т.д.» (*Тургенев*. Соч. Т. 1. С. 415). На Гороховой же «поселил» Н.Г.Чернышевский героиню романа «Что делать?» Веру Павловну («в многоэтажном доме <...> между Садовой и Семеновским мостом»), сделав это, как предположил Ю.Лощиц, в полемических по отношению к гончаровскому роману целях: «Этой героине романа-утопии Чернышевского тоже будут сниться сны-мечты. Но обращенные не в прошлое, не к идиллической обстановке помещичьего быта, а в совершенно противоположную сторону...» (*Лощиц*. С. 190).

Литература: Обломов ЛП. С. 650.

А.Г.Гродецкая

«**Русский вестник**» (1856—1906), литературный и общественно-политический журнал, издававшийся в Москве под редакцией М.Н.Каткова (с конца 1857 по 1887 г.); поначалу выходил два раза в месяц, с 1861 г. — ежемесячно. Один из самых влиятельных и популярных русских журналов второй половины XIX века (тираж в 1862 г. — 5700 экз.), где в разное время публиковались Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев, Н.С.Лесков, А.Ф.Писемский, А.К.Толстой и многие другие выдающиеся писатели, ученые и общественные деятели.

Гончаров опубликовал в «Р. в.» очерки «От Кронштадта до мыса Лизарда (Из путевых записок)» (1856. Т. VI. Ноябрь. Кн. 1) и «Плавание в Атлантических тропиках. (Письмо к В.Г.Бенедиктову)» (1857. Т. IX. Май. Кн. 1), вошедшие затем в книгу «Фрегат “Паллада”» (1858); в 1860 г. он также предлагал Каткову фрагмент из будущего романа «Обрыв», но эта публикация по неизвестным причинам не состоялась (вероятно, это тот самый фрагмент, который позднее был напечатан под заглавием «Портрет. (Из романа “Эпизоды из жизни Райского”)» в журнале «*Отечественные записки*» — 1861. № 2); после выхода «Обрыва» в «Р. в.» была помещена статья о нем Г.А.Лароша (1869. № 7; за подписью: Л.Нелюбов). В 1879 г. редакция «Р. в.» обратилась к Гончарову с предложением напечатать его воспоминания о Белинском, но он ответил отказом (см.: *Материалы* 1998. С. 240—242). На смерть Гончарова «Р. в.» откликнулся некрологической статьей Ю.Н.Говорухи-Отрока (см.) (1892. № 1).

Еще до окончания «Обломова», в первый же год издания «Р. в.» Катков предложил Гончарову опубликовать роман в его журнале, и уже в январе 1857 г. в литературной среде начали распространяться опровергаемые самим писателем слухи, что он уже якобы передал законченный роман в «Р. в.» за огромный по тем временам гонорар — 300 рублей за авторский лист. На самом деле предло-

жение Каткова касалось только первой, уже законченной к тому времени части «Обломова», и то с условием, что «все написанное <...> было закруглено, как вещь конченная» (из письма Гончарова к Каткову от 21 апреля 1857 г. — *Материалы 1994. С. 250*), на что Гончаров не согласился. Спустя несколько месяцев Катков предложил опубликовать в «Р. в.» весь роман, когда он будет окончен, но ставил условием напечатать в свою пользу 600 экз. отдельных оттисков, на что Гончаров ответил отказом, а в письме ему от 5 июня 1857 г. сообщал: «С обоюдного согласия положим прежние условия несуществующими. Если у меня будет что-нибудь написано и если я с рукописью обращаюсь к Вам, будемте договариваться вновь. Это не обяывает Вас — к соблюдению прежних условий, меня к написанию романа и к помещению его у Вас. Вы выигрываете тем, что совершенно освобождаетесь от прежних условий, которые находите отягчительными, а я ничего не выигрываю, кроме свободы не писать и не помещать труда своего непременно в “Вестнике”, свободы, которая оставалась и прежде за мною» (*Материалы 1994. С. 253–254*; выделено Гончаровым). В конце того же года, когда «Обломов» в целом был уже завершен, Катков снова обратился к Гончарову с предложением опубликовать его в «Р. в.», причем писатель допускал такую возможность в случае, «если здешняя (т.е. петербургская. — *Ред.*) цензура <...> что-нибудь предложит значительно исключить или изменить...» (из письма Гончарова к Е.Ф.Коршу от 25 ноября 1857 г.), но в итоге передал роман в «Отечественные записки» (с.м.), найдя условия его редактора А.А.Краевского (с.м.) наиболее выгодными для себя.

После выхода отдельного издания «Обломова» в «Р. в.» была помещена статья о нем Н.Д.Ахшарумова (с.м.).

Литература: Гейро Л.С. История создания и публикации романа «Обломов» // ЛП «Обломов». С. 555–556; VI, 21–22, 79 (примеч. Т.И.Орнатской); И.А.Гончаров. Письма М.Н.Каткову / Предисл. и публ. Е.К.Демиховской; Текстология И.Б.Павловой // *Материалы 1994. С. 247–256*; Ванеян С.С. Катков // Рус. писатели. Т. 2. С. 508–511.

А.Ю.Балакин

*Е.Н.Кузьмина**

Эпическая традиция шорцев

В статье дан краткий обзор изучения, собрания и современного состояния шорской эпической традиции. Одним из наиболее известных современных шорских сказителей является В.Е.Таннагашев, имеющий самый обширный эпический репертуар, который записан с помощью современных технических средств. Этот кайчи является ярким представителем мрасской сказительской школы Горной Шории. В статье анализируется исполнительское творчество кайчи: используемые им художественно-поэтические средства, манера исполнения, мелодический фонд эпических напевов.

Из всех фольклорных жанров, в разнообразии представленных в устно-поэтическом творчестве народов Сибири, наиболее изученным оказался героический эпос. Внимание исследователей и издателей было приковано к нему по многим причинам. Привлекали сакральный характер произведений, монументальность изображаемых событий, идейная направленность, разработанный поэтический язык, стихотворная форма, синтез других фольклорных жанров. Кроме этого, удивительны стабильность и устойчивость эпической традиции, которые обусловили ее сохранность до наших дней у сибирских этносов. До сих пор можно еще услышать в Сибири и зафиксировать исполнение героических сказаний. На протяжении всего двадцатого века наблюдалось живое бытование эпоса у алтайцев, якутов, частично у хакасов, тувинцев, шорцев, эвенков.

У бурят героический эпос остался в записях, хранящихся в коллекциях Ц.Ж.Жамцарано, Б.Барадийна, А.К.Богданова, Г.Д.Санжеева, С.П.Балдаева, а также в отдельных фиксациях, которые были сделаны собирателями и любителями народной словесности. В основном, это вербальные записи, произведенные под диктовку. К сожалению, фонозаписей имеются единицы. Среди них можно назвать пять сказаний-улигеров, записанных в 1960 г. М.П.Хомоновым на магнитную пленку от сказителя Б.Барнакова. Хотя запись была сделана некачественно, на бытовом магнитофоне, с большими помехами, все же она уникальна тем, что дает представление о характере исполнения героического эпоса одним из последних знатоков западно-бурятской эпической традиции.

Несмотря на проявляемый интерес к эпосу, он изучался и публиковался в силу объективных причин крайне неравномерно. Отсутствие кадров, технических приборов для фиксации материала, транспортных средств, необходимых в условиях огромных пространств и бездорожья, зачастую непонимание важности фиксации и сохранения духовного наследия этносов — эти и другие факторы негативно сказались на состоянии изученности сибирского фольклора.

Сказанное в полной мере относится и к шорцам, принадлежащим к тюркоязычному этносу, живущему на юге Западной Сибири. В исследовании

* Кузьмина Евгения Николаевна — доктор филологических наук, заведующая сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, руководитель проектов «Исследование и подготовка к изданию тома «Мифы, легенды и предания хакасов»» (05-04-04172а), «Изучение эпического наследия современного шорского сказителя В.Е.Таннагашева» (09-04-00405а).

Д.А.Функа «Миры шаманов и сказителей» приводятся данные о численности шорцев по Всероссийской переписи 2002 г., по предварительным итогам которой их насчитывалось 13 975 чел. Из них 71% составляют городские жители [1, с. 14].

Детальный обзор истории изучения шорского героического эпоса, проведенный Д.А.Функом, позволил ему выделить три хронологических этапа, начиная с первых записей и наблюдений: на период с 1861 по 1915 г. приходится научная деятельность В.Радлова, В.И.Вербицкого, А.В.Адрианова, А.В.Анохина. Второй период, 1925–1950 гг., связан с именами Н.П.Дыренковой, С.С.Торбокова, Л.П.Потапова. Третий этап, 1960–2000 гг., отмечен возросшим интересом к героическому эпосу как самих исследователей — носителей шорского языка, так и ученых других смежных гуманитарных областей: этнографов и музыковедов. Заканчивая историографическую часть, Д.А.Функ констатирует, что «работа по массовой фиксации героического эпоса как не была ранее, так и до сих пор остается не налаженной. На всем протяжении XX столетия ни разу не была организована комплексная долговременная экспедиция, которая бы ставила перед собой цель обследовать все районы проживания шорцев и зафиксировать максимально полно эпический репертуар каждого из выявленных сказителей, равно как и длительное время, хотя бы в течение нескольких месяцев, работать с одним сказителем» [1, с. 240]. Последнее утверждение несколько категорично. Как показывает материал книги, сам автор и шорская исследовательница Л.Н.Арбачакова на протяжении многих лет тесно работали с одним и тем же кайчи В.Е.Таннагашевым. Но об этом чуть ниже.

В Приложении 2 «Шорские сказители XIX–XXI вв.», помещенном в названной книге, Д.А.Функ приводит 129 имен, из которых наиболее известными к началу XXI в. были Афанасий Васильевич Рыжкин (1924–2003), Анатолий Прокопьевич Напазаков (1935–2004) и Владимир Егорович Таннагашев (1932–2007) (фото). Очень ценным, но и трудно поддающимся установлению достоверности, на наш взгляд, является Приложение 3 «Репертуар шорских сказителей», в котором приводится перечень сказаний 42 исполнителей, составленный Д.А.Функом на основе собственных полевых материалов (в этом нам приходится полагаться на научную добросовестность автора). Как показывает этот перечень, эпический репертуар каждого из сказителей включал от одного до сорока двух произведений.

Самый обширный — у сказителя В.Е.Таннагашева, репертуар которого, как свидетельствуют комментарии автора, приводится им по состоянию на 2001–2004 гг. Из этого перечня семь сказаний В.Е.Таннагашева были записаны Д.А.Функом на минидисковый рекордер и видеокамеру, были получены от сказителя 8 его самозаписей, сделанных им в тетрадях (объем произведений разный, суммарно он составил 25 тетрадей), записано изложение сюжетов 4 сказаний. Последнее для фольклориста менее ценно, и представляет собой прошедший этап, когда фольклорные произведения записывались собирателем, незнакомым с языком исполнителя. Таким образом, как показывает приведенный перечень, Д.А.Функ не охватил весь репертуар сказителя.

Фото. Шорский сказитель В.Е.Таннагашев

Имеются записи сказаний этого кайчи и у Л.Н.Арбачаковой, фольклориста, носительницы шорского языка. В.Е.Таннагашева она «открыла» в 1996 г. На протяжении семи лет, до 2003 г., Л.Н.Арбачакова плотно работала со сказителем, ей удалось зафиксировать 27 сказаний в исполнении этого кайчи. В сотрудничестве с ней работали этномузыковеды Р.Б.Назаренко и Г.Б.Сыченко, которые также вели записи сказаний В.Е.Таннагашева на современной высокочувствительной аппаратуре.

Конечно, технические возможности фиксации исполнения эпоса появились поздно, фактически к полному угасанию традиции. Но и то, что удалось зафиксировать, является большой ценностью для исследования былой эпики и подтверждением живого бытования эпоса. Нигде в Сибири, в местах бытования героического эпоса не записано от одного исполнителя столько произведений на современную аппаратуру. Аудио- и видеозаписи сказаний В.Е.Таннагашева, сделанные Л.Н.Арбачаковой и Д.А.Функом, а также отдельные фиксации, выполненные другими собирателями (имеются повторные записи некоторых произведений), создают хорошие предпосылки для глубоких исследовательских работ, посвященных творчеству конкретного сказителя. В частности, интересно проследить по имеющимся записям текстов, насколько сказитель был свободен в своем творчестве, т.е. степень его импровизации и мастерства. Об этом можно судить по тем художественно-изобразитель-

ным средствам, к которым прибегал кайчи в ходе исполнения того или иного сказания. Устная природа эпоса, которая во многом обуславливала вариативность «общих мест», определяла и импровизационное начало. Несмотря на строгую ритуальность исполнения, соблюдение эпических канонов, кайчи был волен в выборе тех или иных устойчивых формул и выражений. Степень этой свободы определялась тем, насколько умело он владел всем фондом эпических средств (об этом подробно см. [13]).

Кроме этого, исследователю предоставляется прекрасная возможность сопоставить записанные тексты, для того чтобы проследить, как сказитель оперирует типическими местами, которые по своей природе могут быть общеэпическими или привязанными к конкретному сюжету, либо отражающими специфику местной локальной традиции. Эти наблюдения дадут ответы о традициях, новациях и будут интересны эпосоведам, занимающимся творчеством современных сибирских сказителей. Как свидетельствует «Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири», в сказаниях ряда сибирских тюркоязычных народов и монголоязычных бурят наблюдается поразительное сходство «общих мест» и эпических формул, объясняемое многими генетическими, историческими и географическими факторами [14]. Эта же общность прослеживается и в сказаниях В.Е.Таннагашева.

Проект «Изучение эпического наследия современного шорского сказителя В.Е.Таннагашева», исполнителями которого являются Л.Н.Арбачакова и Г.Б.Сыченко, нацелен на восполнение эдиционных лагун, образовавшихся в научно-издательской практике, а также на выявление общих и особенных закономерностей в исполнительском творчестве кайчи, изучение всего мелодического фонда, используемого им в эпосопении. В этом плане реализация данного проекта станет началом работы, специально посвященной комплексному исследованию и публикации произведений шорского сказителя, нашего современника.

Биография Владимира Егоровича Таннагашева складывалась, как и у многих советских людей того времени. По сведениям, предоставленным Л.Н.Арбачаковой, будущий сказитель родился в 1932 г. в Мысковском районе Кемеровской области, в селе Колдиге аал (ныне поселка нет), закончил 7 классов, после школы работал в Мрасской геологоразведочной экспедиции. В 1951 г. В.Е.Таннагашева призвали в армию, служил он до 1954 г. в войсках пограничного военного округа (близ Кишинева). Вернувшись домой, женился, у него родились шестеро детей. Работал он вальщиком леса, затем шахтером на шахте «Распадская» вплоть до пенсии. До последних своих дней жил в г. Мыски. Трагически погиб в 2007 г.

По воспоминаниям самого кайчи, раньше в его родном улусе не было сказителей, поэтому их приглашали из других деревень. Так, он с четырех лет слушал выступления известных в Горной Шории сказителей Морошка (Н.А.Напазаков), Акмета (А.И.Абакаев) и уже тогда твердо решил посвятить себя этому искусству. Впервые В.Е.Таннагашев попытался запеть горловым каем в 12 лет, смастерив себе из доски подобие комуса. В 14 лет он, наигрывая на балалайке, стал подражать молодому в то время кайчи — Прокопию Никаноровичу Амзорову. Память у В.Е.Таннагашева была хорошая, и он сразу же запоминал услышанное.

Примерно с 30 лет Владимир Егорович стал исполнять сказания наедине, пробруя свои силы, а потом начал понемногу петь для своих знакомых и на небольших праздниках. Иногда сказителя приглашали на похороны, где он должен был на протяжении всей ночи исполнять героическое сказание с трагическим финалом. Его публичное выступление перед широкой аудиторией состоялось только в 1987 г. во время национального праздника Пайрам в поселке Чувашка.

Эпические произведения, по словам самого Владимира Егоровича, он обычно «исполняет *чоокпа*» (букв. говором, речью), т.е. речитативом. Но он мог исполнять и *каем* (горловым пением), под аккомпанемент *комуса* — лютневого музыкального инструмента. Позже сказитель признался, что комус мешает ему сосредоточиться, поэтому он чаще сказывает без него [2, с. 86]. Если сказитель исполнял героическое сказание горловым пением и с комусом, он обычно прикрывал глаза. При исполнении же речитативом он живо пользовался мимикой и жестами: делал округленные глаза, подражал действиям героев, смеялся, энергично жестикулировал.

По словам кайчи, большинство сказаний он перенял от П.Н.Амзорова, которого считал своим учителем. Кроме этого, в его репертуаре были произведения, усвоенные от других прославленных кайчи: Павла Петровича Токмагашева, Павла Ивановича Кыдыякова, Опи́ма Патачакова по прозвищу «Опим-апший», Микалиша, Василия Матвеевича Карачакова и от самого знаменитого кайчи Акмета (А.И.Абакаев). Таким образом, можно считать, что в творчестве В.Е.Таннагашева отразилась эпическая традиция, бытовавшая в Горной Шории.

В.Е.Таннагашев исполнял сказания, не отступая от устоявшейся традиции. Как и все другие сказители, он «присутствует» в эпическом мире, сопровождая богатыря в его дороге. Об этой особенности шорской эпика — участии кайчи в эпическом повествовании, мысленного видения сказителем «пути» богатыря — писали А.И.Чудояков, И.А.Невская, Л.Н.Арбачакова, Д.А.Функ [1, 3–5]. Здесь надо заметить, что в понятие «путь/дорога богатыря» вкладывается «богатырская биография» героя, составляющая сюжет сказания. Как и у всех других тюрко- и монголоязычных народов, в исполнительской обрядности шорцев существует запрет для сказителей бросать своего героя в дороге, т.е. начав сказание, нужно довести его до логического завершения, не упуская ни малейшей детали. Этому следовал и В.Е.Таннагашев, соблюдая традицию.

«За время записи героических сказаний можно было наблюдать творческий процесс уже по тому, как сказитель давал названия исполняемым им произведениям, — пишет Л.Н.Арбачакова. — У кайчи шла постоянная работа по уточнению и исправлению случайных оговорок или повторов, возникающих в момент сказа. С первых минут записи того или иного сказания начиналось уточнение названия исполняемого текста» [6].

При исполнении сказания «Воплотивший в себе жизненную силу десяти богатырей Кан Кичей» («Он алыпты? майыны? пир кестепкел чайал?ан Каан Кичей»), как заметила Л.Н.Арбачакова, кайчи ни разу не назвал имя богатыря полностью, хотя сокращенное имя Кан Кичей было произнесено более 60 раз. По-видимому, такое происходит не случайно, а обусловлено ритмикой сказания, которая задает темп и размер повествованию [Там же].

В сказаниях В.Е.Таннагашева главные герои традиционно наделяются эпитетами, способствующими созданию идеального образа богатыря. Чтобы более выразительно характеризовать альпа, сказитель дает ему разнообразные характеристики. Например, для указания возраста он обычно использует сложное определение «доживший до третьего поколения...», а для подчеркивания его избранности дает развернутый оборот «белый свет рождением своим заполонивший...», чтобы указать на бессмертие альпа, кайчи применяет устойчивое выражение «не умирающий — не погибающий».

Таким образом, творческий процесс сказывания начинался уже с названий текстов. В ходе полевой работы Л.Н.Арбачакова не раз отмечала, как сказитель уточнял, проговаривал названия, чтобы они шли согласно эпическим канонам и метрическому размеру героического сказания, отражали высокий дух и пафос богатырского повествования [Там же].

В анализе героического эпоса очень важно рассмотрение комплекса «слово—музыка» в совокупности. Здесь уже сложился опыт и заданы определенные подходы, реализованные в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в публикации шорского сказания «Кан Перген». Впервые в эдиционной практике героического эпоса сказание было полностью нотировано. Опираясь на этот опыт и на ранее проведенные исследования шорской эпической традиции [7–11], в разрабатываемом проекте этномузыковед Г.Б.Сыченко углубила и расширила анализ, избрав в качестве нового аспекта изучения сравнение мелодико-композиционной структуры нескольких масштабных эпических сказаний, записанных от одного и того же сказителя. Предварительное прослушивание фонозаписей показало, что сказания значительно различаются между собой набором, последовательностью и удельным весом используемых напевов.

Впервые полная нотная расшифровка и анализ музыкальной структуры сказания в исполнении В.Е.Таннагашева были предприняты при подготовке тома «Фольклор шорцев» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [12].

На примере сказания «Ак Кан» Г.Б.Сыченко выявила 11 эпических напевов, которые образуют композицию сказания, состоящую из чередующихся пропеваемых и речевых (сказываемых) эпизодов (всего их было 27) и предваряющей все сказание инструментальной прелюдии. Подобная структура эпического произведения типична для шорской традиции и была многократно описана в научной литературе [см. 7–11].

В ходе анализа трех новых сказаний («Ак Плек», «Кюн Кюк», «Свет Оолак») Г.Б.Сыченко обнаружила несколько напевов, которые не встретились в «Ак Кане». Так, в сказании «Ак Плек» появился новый яркий напев, который был отождествлен с напевом, встречавшимся ранее в творчестве других сказителей мрасской школы — П.И.Кыдыякова и М.К.Каучакова. Последний называл его «мотивом скачки». Этот мотив встретился дважды в сказании «Кюн Кюк». Общий фонд напевов расширился с одиннадцати до семнадцати. Некоторые из них являются абсолютно самостоятельными, другие же возникли, вероятно, в результате творческого варьирования исполнителем напевов, используемых ранее. Изучение данного процесса представ-

ляется перспективной научной задачей (по завершении данного проекта будет представлена музыковедческая статья с таблицей основных композиционных функций напевов).

Таким образом, хотя обязательного порядка чередования напевов или их строгой последовательности пока не выявлено, определенные закономерности в использовании В.Е.Таннагашевым мелодического фонда эпических напевов просматриваются достаточно ясно. Как пишет этномузыковед Г.Б.Сыченко, полученные на данном, первоначальном этапе исследования музыкально-эпического репертуара В.Е.Таннагашева результаты можно дополнить указанием на роль инструментального вступления к сказанию. Эпос может начинаться самостоятельным и довольно развитым инструментальным вступлением («Ак Кан»), но может и обходиться без него. В сказании «Кюн Кюк» такого рода инструментальная прелюдия появлялась между крупными разделами, предвзявая один из них. Во время музицирования на комусе осуществлялась настройка инструмента, на фоне которой происходила беседа-диалог с собирателем и, по-видимому, психологическая настройка самого исполнителя. Судя по всему, вступление не является обязательным элементом композиции сказаний В.Е.Таннагашева, но выполняет важную функцию психологической подготовки перед сказыванием.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что исполнительская манера В.Е.Таннагашева характеризуется творческим отношением к музыкальной стороне эпической традиции, хорошим владением мрасской исполнительской манерой и подлинным мастерством эпического певца-импровизатора. Кроме того, выводы, полученные ранее на материале одного сказания, при увеличении объема привлекаемого материала в значительной степени уточнились, стали более надежными и достоверными.

Литература

1. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005.
2. Арбачакова Л.Н. Из опыта расшифровки шорских героических сказаний в исполнении В.Е.Таннагашева // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 86–89.
3. Чудояков А.И. Шаман и сказитель (камма и кайчи) // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции: Тезисы докладов Международной научной конференции (15–22 августа 1992 г.). Якутск, 1992. С. 28.
4. Арбачакова Л.Н. Ролевые функции кайчи в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 92–95.
5. Невская И.А. Не успело произнесенное слово прозвучать: выражение мгновенного следования событий в шорском языке // Новая парадигма образования и пути ее реализации: Материалы научно-практической конференции. Новокузнецк, 1999. С. 24–30.
6. Арбачакова Л.Н. Исполнительские особенности современного сказителя В.Е.Таннагашева // Материалы XVIII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2009. С. 122–125.

7. Назаренко Р.Б. О средствах музыкальной выразительности в шорском героическом эпосе «Кан Перген» // Шорские героические сказания. «Кан Перген». «Алтын Сырык». М.; Новосибирск: Наука, 1998. С. 34–45.
8. Назаренко Р.Б. Типы мелодических формул в шорском эпосе // Народная культура Сибири: Материалы V Всероссийского научно-практического семинара по фольклору. Омск, 1997. С. 54–58.
9. Назаренко Р.Б. Музыка шорского эпоса: структурная организация, нотация, эдичия: Автореф. дисс... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1998.
10. Сыченко Г.Б. Проблемы подготовки музыковедческих разделов тома «Фольклор шорцев» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы сибирской фольклористики». Новосибирск, 2008. С. 152–163.
11. Травина И.К. Шорские народные сказания, песни и наигрыши. М.: Композитор, 1995.
12. Фольклор шорцев / Сост. Л.Н.Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).
13. Лорд А.Б. Сказитель. М.: Восточная литература, 1994.
14. Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

*Н.Б.Карабущенко,
А.В.Иващенко**

Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности

В статье раскрывается психологическая сущность феномена «элиты» и природы элитности. Представлена теоретическая модель психологии элит, включающая социально-критериальные, структурно-функциональные, процессуально-формирующие составляющие. Описаны психологические особенности современных российских элит.

Термин «элита» прочно вошел в нашу жизнь. Элитным стало обозначаться буквально все. Это повлекло за собой появление в общественном сознании предвзятого отношения к данному понятию. Что же на самом деле есть «элита»?

Сущность феномена «элита»

Термин «элита» происходит от французского слова «*elite*» и означает:
1) лучшие отборные семена, растения или животные, полученные в результате селекции и предназначенные для дальнейшего размножения или разведения;
2) наиболее видные представители какой-либо части общества, группировки.

Социально-философский анализ предполагает выделение двух подходов к рассмотрению феномена «элита»: *типологического и стратификационного*. С позиций типологического подхода, элита — это избранное меньшинство. Факторы превосходства — критерии типологии элит. С позиций стратификационного подхода, «любое общество понимается как организованное и функционирующее в форме стратификационного порядка: элита — масса. Данный порядок является основой и главной формой существования любой организации. Элита — это правящее меньшинство (правящая элита) общества, одна из двух главных структурных частей общества» [2, с. 10–11].

«Элита — это сложный необходимый социальный слой общества, занимающий высшие уровни его иерархии, благодаря либо происхождению, либо профессиональной деятельности, либо таланту; обладающие особыми психологическими качествами; имеющие власть, богатство, знания, профессиональные умения, статус, престиж, которые позволяют ей управлять, влиять, оказывать

* **Карабущенко Наталья Борисовна** — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики Российского университета дружбы народов, руководитель проекта «Психологическая концепция элит (история и современность)» (09-06-00145а).

Иващенко Александр Васильевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов, исполнитель того же проекта.

воздействие на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе; участвовать в формировании и нести ответственность за дальнейшую судьбу различных реформ, провозглашенных идеалов, направлений развития; одновременно обладающая гораздо большим, чем другие слои, закрытостью своего материального быта, духовной жизни, а также суверенитетом в формировании собственных групповых позиций по общественным проблемам, на которые ориентируются все другие слои и члены общества» [3, с. 19].

Комплексное изучения понятия «элита» дало возможность выявить его феноменологическую сущность. Таким образом, феномен «элита» мы рассматриваем с позиции выделения его важнейших признаков, к которым относятся следующие:

— **социально-психологический**, отражающий высокий социальный статус личности, характер ее влияния, авторитетность, востребованность социумом, уровень достижений, степень обладания властными полномочиями;

— **управленческий**, раскрывающий готовность личности принимать важнейшие стратегические и тактические решения, успешно выполнять социально значимые функции для эффективности деятельности в конкретной сфере;

— **профессиональный**, выявляющий достаточно высокий уровень образования, профессионального знания и опыта;

— **мировозренческий**, включающий знания человеком религиозных, расовых, национальных, культурных особенностей;

— **лично-действенный**, отражающий мотивированность личности на элито-ориентированную деятельность и успешность ее самореализации в определенных сферах жизнедеятельности общества;

— **аксиологический**, характеризующий ценностно-ориентационную направленность личности в конкретной сфере деятельности;

— **нравственно-волевой**, раскрывающий сформированность нравственно-волевых качеств и специфичных элитных качеств, характерных для представителей определенного типа элиты.

Раскрытие сущностной основы феномена «элита» требует более системного и глубокого осмысления. Для этого мы провели исследование, выявляющее важнейшие качества, которые должны характеризовать представителей элиты, причем безотносительно к какому-либо типу элиты.

В исследовании приняли участие 3 группы респондентов: в 1-ю группу вошли представители научно-педагогической элиты (всего 20 человек), во 2-ю — преподаватели вузов (19 человек) и в 3-ю группу — студенты вузов (40 человек). Исследование проводилось на базе трех университетов: Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Российском университете дружбы народов, Московском гуманитарном университете.

Следует отметить, что важнейшими критериями отбора в группу «научно-педагогической элиты» являлись: наличие ученой степени (доктора наук), ученого звания (профессор), количество опубликованных работ в отечественных и зарубежных изданиях, авторитетность среди коллег и студентов (рейтинг), индекс цитирования, стаж работы в университете (не менее 10 лет).

Респондентам в свободной форме предлагалось перечислить качества, которыми в той или иной степени должны обладать представители элиты без конкретизации ее типа.

В результате качественного анализа ответов мы построили трехслойную модель важнейших признаков элитности, которая включает следующие составляющие:

1. Социально-профессиональную, отражающую общественно ориентированную направленность в предназначении элиты. В нее вошли такие качества, как профессионализм, служение обществу, власть/влиятельность.

2. Интеллектуально-образовательную и воспитательную — ориентация на процесс усвоения новых знаний, умений и навыков, расширение кругозора, развитие интеллекта и креативности, раскрытие культуры личности, интегрированной в различные сферы общества. В нее включены такие качества, как образованность, высокий уровень IQ, воспитанность и т.п.

3. Индивидуально-личностную, отражающую ориентацию личности на раскрытие собственного арсенала возможностей (коммуникабельность, хитрость, трудолюбие, дружелюбие, справедливость и т.п.) с целью самореализации, достижения общественного признания и элитизации.

Результаты эмпирического исследования убедительно доказывают, что в зависимости от ведущей направленности у представителей трех групп составляющие модели иерархически выстраиваются по-разному (рис. 1).

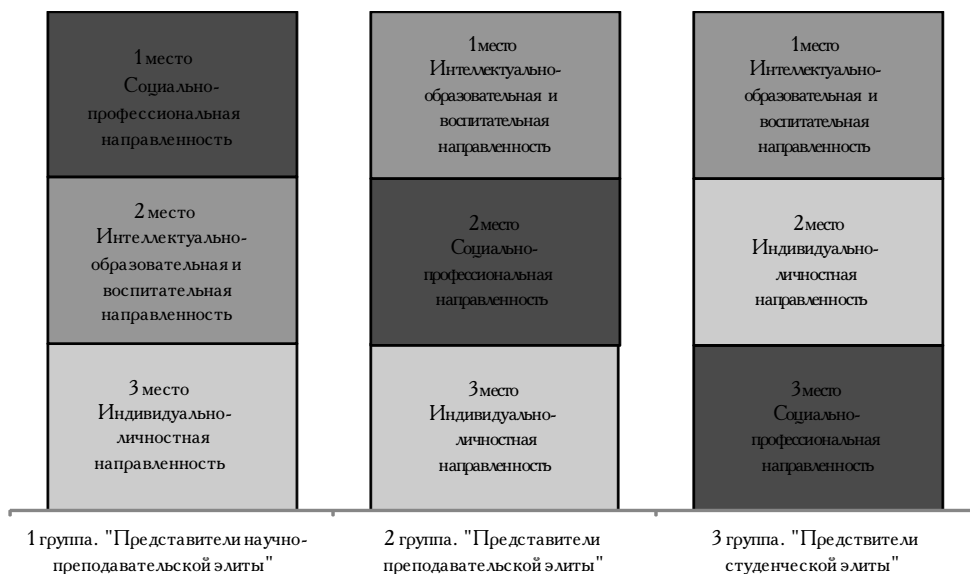

Рис. 1. Иерархия составляющих модели элитности

1-я группа. «Представители научно-педагогической элиты»

На 1-м месте — социально-профессиональная составляющая. Научно-педагогическая элита направлена на реализацию своих профессиональных возможностей, ориентирована на социально-политические, общественные интересы. Обладая властью и влиянием, человек должен служить обществу, используя накопленный опыт, знания и авторитет, быть открытым ко всему

прогрессивному, новому, способствуя тем самым цивилизационному прогрессу (рис. 2).

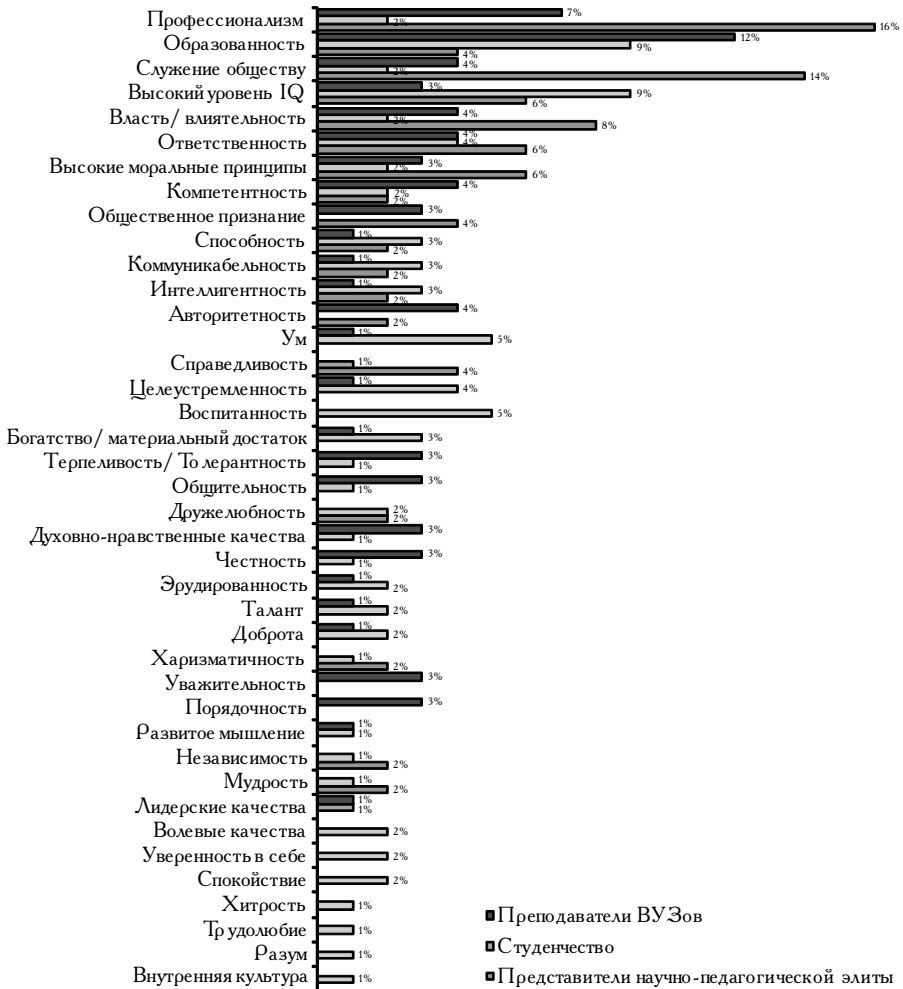

Рис. 2. Критерии представителей элиты

На 2-м месте располагается блок критериев, описываемых нами как интеллектуально-образовательная и воспитательная составляющая. Группа «представителей научно-педагогической элиты» состоит в основном из профессоров и академиков, которые в меньшей степени занимаются образовательной деятельностью. Вместе с тем образованность и высокий уровень IQ играют для них немалую роль в описании элиты.

И, наконец, на 3-м месте — индивидуально-личностная составляющая, включающая индивидуальные особенности личности, такие как ответственность, справедливость, дружелюбие, коммуникабельность, харизматичность и др., т.е. качества, которые в большей степени способствуют социально-профессиональной успешности личности и ее интеграции в определенные элитные слои.

2-я группа. «Преподаватели вузов»

На 1-м месте находится блок критериев, которые мы назвали интеллектуально-образовательной и воспитательной направленностью в предназначении элиты. Критерий «образованность» набрал наибольшее число голосов (12%), и это далеко не случайно (см. рис. 2). В ходе беседы с представителями педагогической среды нам удалось выяснить, что респонденты являются не только специалистами с учеными степенями, но и занимают общественно важные посты в своих университетах (заместители заведующих кафедр и деканов), проводят воспитательную работу среди студентов, организуют учебный процесс. Следовательно, степень значимости образования как движущей силы личностного и социального роста остается неизменно высокой. Как утверждали некоторые преподаватели, чем выше интеллектуальный уровень студента, тем больше у него шансов стать социально успешным. На наш взгляд, данная позиция является спорной и неоднозначной, но при этом она имеет место, и следовательно, не может быть нами проигнорирована.

На 2-м месте находится блок критериев, названных нами социально-профессиональной направленностью в предназначении элиты. Профессионализм, служение обществу, обладание властными полномочиями определяют принадлежность человека к элите. По сути противовесом власти является служение, т.е. готовность социума предоставить полномочия субъекту элиты в обмен на социальную ответственность и профессионализм своего избранника.

И, наконец, 3-ю ступень заняла индивидуально-личностная составляющая, отражающая такие социально значимые качества, как ответственность, общительность, авторитетность, толерантность и др. Эти критерии являются своего рода сущностным наполнением социально-профессиональных качеств, и их нужно рассматривать в единстве.

Данная группа респондентов в описании представителя элиты ориентируется на необходимость проявления им социальной активности, что несколько сужает представление о природе понятия «элита», так как субъект элиты может быть более успешным в системе «человек—техника» (т.е. быть замкнутым, закрытым) нежели в системе «человек—человек», но при этом быть видным представителем элиты.

3-я группа. «Студенты»

Для студенчества остаются неизменно актуальными образованность, развитый интеллект, глубокий ум и воспитанность (см. рис. 2). Именно эти критерии, по мнению будущих профессионалов, обеспечивают вхождение субъекта в элиту. В эпоху информационного общества, когда инновационные технологии стремительно проникают во все сферы человеческой деятельности, индивид должен быть готов осваивать все новые и новые знания. Все это так, но «за фасадом» высоких технологий очень сложно разглядеть гуманистическую составляющую, ценность духовно-нравственного начала существенно снижена. Таким образом, современная студенческая молодежь отдает предпочтение элите «знания», а не элите «достоинства». Впрочем, и в этом

есть своя культурно-историческая закономерность: каждая эпоха предъявляет новые требования к тем, кто находится в авангарде своего народа.

Интеллигентность, коммуникабельность, ответственность, целеустремленность, входящие в индивидуально-личностный блок критериев элитности, занимают вторую позицию по значимости, что свидетельствует о важности проявления, с позиции студентов, личностных особенностей представителей различных типов элит. Яркая индивидуальность, выразительный имидж — «визитная карточка» современных политических деятелей — это во многом привлекает внимание молодежи. Видимо, еще и поэтому такие критерии, как служение обществу, профессионализм, моральные принципы, власть авторитета, уходят на последний план. Такая позиция современной студенческой молодежи не может не настораживать. По крайней мере, этот факт нельзя игнорировать: патриотизм и служение своему народу необходимо воспитывать со студенческой скамьи, а теоретические знания «привязывать» к реальной практике, тем самым создавая условия для становления профессионала.

Как и следовало ожидать, у представителей разных исследовательских групп различные ценностные ориентации. В результате чего они ранжируют характеристики, которые должны быть присущи элите, в соответствии со своими профессионально-личностными предпочтениями. Так, для научной элиты важнейшими критериями являются «социально-профессиональные», для представителей преподавателей вузов и студенчества — «интеллектуально-образовательные и воспитательные». Вместе с тем стоит обратить внимание на тот факт, что если для преподавателей интеллектуально-образовательная и воспитательная составляющие психологии элиты являются основой их профессиональной деятельности, то для студенчества этот блок критериев обусловлен их учебной деятельностью, а следовательно, не может определяться как стабильный и неизменный.

Теоретическая модель психологии элит

Историко-психологический анализ различных источников позволил нам построить идеальную (теоретическую) модель психологии элит, которая может служить неким измерительным инструментом на соответствие элитным качествам представителей элиты. Модель включает следующие составляющие: содержательно-критериальные, структурно-функциональные и процессуально формирующие.

Содержательно-критериальные составляющие:

— социально-психологическая зрелость — включенность личности во взаимодействие с окружающей социальной средой, социальная представленность, социальный статус, степень влияния и авторитетности, уровень достижений, социальная ответственность, активная социальная позиция;

— потребностно-мотивационная зрелость, раскрывающая сущность мотивированности личности на достижение элитных качеств, на эффективное выполнение ею поставленных задач и на профессиональный подход к осуществлению деятельности, выявляющая уровень притязаний представителя элиты на признание;

— эмоционально-волевая зрелость, отражающая сущность переживаний личности в связи со степенью удовлетворенности собственными достижениями, несоответствия «элитному идеалу» и дистантностью между элитными и неэлитными состояниями; отражающая уровень целеустремленности и работоспособности человека;

— интеллектуально-креативная зрелость, обеспечивающая устойчивую потребность личности в самообразовании и самосовершенствовании через раскрытие и развитие творческих способностей, организацию познавательной активности, накопление и преобразование знаний, создание чего-то качественно нового.

Структурно-функциональные составляющие:

— образовательно-развивающая, отражающая необходимость постоянного совершенствования системы элитного образования, доминирование творческого подхода в процессе выполняемой деятельности, постоянный поиск исследовательских решений в конкретных ситуациях, преобладание «развивающей функции», стимулирование навыков исследовательского поведения, приоритетность принципа «многообразия знаний и опыта», актуализацию лидерских и коммуникативных способностей;

— созидательно-преобразовательная, выявляющая поисково-преобразовательную потребность личности, выражающуюся в преодолении стереотипного поведения и мышления благодаря созданию новых знаний, образов, предметов и объектов реальности, а также раскрывающая внутреннюю мотивированность и творческую направленность личности, способной достичь высшего уровня выполнения деятельности;

— духовно-нравственная, раскрывающая высокий уровень развития мировоззренческого и духовно-нравственного аспектов Я-концепции личности; ценностно-смысловую, идеально представленную, нормативную, гуманистическую сущность элитности; специфику культивирования, обобщения и транслирования мировых (национальных) культурных ценностей и нравственных идеалов; необходимость социального «конструирования трансцендентного субъекта»;

— культурно-этическая, отражающая сущность возникновения, развития и характер воздействия художественных и культурных ценностей на общественное сознание, культурный климат, мировоззрение личности; предназначения искусства (философско-эстетические и духовные основы воспитания личности, трансцендентность — выход за рамки своего времени в «человеческую вечность», способствует обретению жизненного смысла, воздействует на эмоционально-волевую, потребностно-мотивационную и познавательную сферы личности и проч.); формирования внутреннего мира человека (ценности, проблемы, переживания, психодинамика); нахождения субъекта в «ситуации эксперта» по отношению к различным произведениям искусства, культурному наследию, научным достижениям;

— управленческая, раскрывающаяся в потребности личности преобразовывать окружающий мир, в способности развития и совершенствования лидерских качеств, в приобретенном годами авторитете, в способности влиять на общественные процессы и исторические события, в направленности на созидание и уважение всего живого на земле;

— социально-экономическая, отражающая такие признаки психологии элит, как «богатство» (накопление материальных благ, расширение простран-

ства влияния личности), «власть» (высокий социальный статус, отнесенность к определенному элитарному сообществу), «престиж» (авторитетность, влияние, популярность, сила личности), «достоинство» (уважение и самоуважение, профессионализм, признание и проч.); а также сущность экономического сознания и поведения субъекта элиты.

Процессуально-формирующие составляющие отражают сущность процесса элитизации личности.

Элитизация — это процесс, в результате которого возникает элитность, т.е. качественная составляющая психологии элиты. Стадии данного процесса: 1) стадия интеграции знаний, умений и навыков, полученных в процессе воспитания и обучения; 2) стадия самообразования, отличающаяся ярко выраженной поисково-познавательной потребностью личности, раскрытием индивидуальности субъекта деятельности, стремящегося к самовыражению, к самопрезентации; 3) стадия продуктивного творчества, характеризующаяся потребностью личности в созидательном труде, изобретательстве, генерировании новых идей, принятии нестандартных решений; 4) стадия самосовершенствования личности, способствующая формированию оригинальной мировоззренческой позиции, духовно-нравственных ценностей и ориентации на созидательно-преобразующую деятельность; 5) стадия профессионализма, включающая творческую активность личности, освоение новых знаний, профессиональный авторитет, качество и культуру труда, эффективность деятельности и компетентность, характеризуется способностью человека к самоактуализации; 6) стадия персонализации, отражающая стремление личности быть идеально представленной в других людях, предполагающая поиск средств продолжения себя в другом.

Реальные модели элиты

«Любое сообщество людей имеет свою элиту, определяемую как совокупность наиболее активных, энергичных, пассионарных, одаренных, творческих членов общества. Они не обязательно объединены организационно, профессионально или связаны личными отношениями, но родственны по духу, по интересам, по мировоззрению» [1, с. 31–32].

В выделении типов элит мы придерживаемся функционального подхода, выявляющего различные типы элит по функциональному признаку.

Современные российские элиты (политическая, бизнес- и культурно-интеллектуальная) имеют *общие и специфичные* особенности (табл. 1–3), соответствующие базовым составляющим теоретической модели психологии элит.

1. Общие содержательно-критериальные особенности:

— профессионализм, включающий такие важнейшие признаки, как образование и опыт работы, определяющий прочность пребывания руководителей в высших эшелонах власти; исполнительский профессионализм;

— компетентность, энтузиазм, настойчивость, работоспособность, организаторские способности;

— высокий социальный статус и престиж;

— способность элиты влиять на общественное сознание, политическую культуру, формировать модели поведения образованной части населения.

Таблица 1

Специфичные содержательно-критериальные психологические особенности современных российских элит

Психологические особенности	Типы современных российских элит		
	политическая	бизнес-элиты	культурно-интеллектуальная
Содержательно-критериальные	<p>— интеллектуально-креативная зрелость отражает недостаток знаний и умений, отсутствие нового мышления в новых условиях, исполнительность представителей элиты (В.Г.Игнатов, А.В.Понеделков);</p> <p>— социально-психологическая, выявляющая степень обладания властью и капиталом (Ю.И. Дроздов, С.И.Илларионов);</p> <p>— потребностно-мотивационная, отражающая характер доминирования кланово-эгоистических ориентаций, определяющих стратегию удержания власти и сохранения политического статуса-кво в ущерб ценностям развития и созидания (Е.В.Бондаренко, О.В.Крыштановская), а также преобладание частных мотивов над гражданскими (Г.А.Урбан)</p>	<p>— эмоционально-волевая, отражающая готовность представителей бизнес-элиты к риску, их способность к саморегуляции, агрессивность (И.Ф.Денисенко, С.А.Кислицин);</p> <p>— потребностно-мотивационная, раскрывающая узко-групповые и частные интересы бизнес-элиты (З.Д.Михайлова);</p> <p>— социально-психологическая, выявляющая потребность представителей бизнес-элиты в доминировании посредством экономической власти, повышенный собственнический интерес к индивидуальной свободе и лидерству (А.М.Старостин, В.В.Черноус);</p> <p>— интеллектуально-креативная, раскрывающая способность быстро принимать неожиданные решения (А.А.Мордасов)</p>	<p>— социально-психологическая, отражающая слабость влияния представителей данного типа элиты на социальные процессы и на национальное самосознание (Г.К.Ашин);</p> <p>— интеллектуально-креативная, раскрывающая склонность представителей данного типа элиты к рассуждениям, глубокому осмыслению жизненных явлений, их сопоставлению и логически вытекающим выводам (А.В.Шемшурина);</p> <p>оригинальность, независимость мышления, воображение, интуиция, способность к концентрации внимания, абстрагированию (А.Д.Савельев), любопытство и любознательность, интерес к новому (Н.Н.Суворов);</p> <p>— эмоционально-волевая, включающая чувство справедливости, совестливости и честности, смелость (В.И.Добрынина, Т.Н.Кухтевич)</p>

Специфические структурно-функциональные психологические особенности современных российских элит

Психологические особенности	Типы современных российских элит		
	политическая	бизнес-элита	культурно-интеллектуальная
Структурно-функциональные	<p>— культурно-этическая, отражающая низкий уровень политической и правовой культуры демократического типа (Е.В.Бондаренко, А.В.Осипов);</p> <p>— социально-экономическая, раскрывающая приверженность политических элит программно-целевым методам, ориентированным на ближнюю и среднюю перспективу, опору на административные методы и ресурсы (сближается с номенклатурными элитами) (В.М.Константинов)</p>	<p>— социально-экономическая, отражающая низкий уровень предпринимательского этиоса и чувства социальной ответственности (В.Г.Игнатов, И.Ф.Денисенко, А.М.Старостин);</p> <p>— созидательно-преобразовательная, характеризующаяся ориентированностью бизнеса на быстрый успех, на посредническо-перераспределительные, а не производяще-созидательные формы экономической деятельности (В.Г.Игнатов, И.Ф.Денисенко, С.А.Кислицин, Э.Д.Михайлова, А.В.Понеделков);</p> <p>— культурно-этическая, раскрывающая несформированность корпоративной этики, пренебрежение к общественным нормам поведения, к закону, особенности нецивилизованной формы ведения бизнеса (С.А.Кислицин, Э.Д.Михайлова)</p>	<p>— культурно-этическая, отражающая способность элиты обеспечить баланс культурных традиций и новаций; персонифицировать и формировать ценностно-нормативные, смыслообразующие и идеально-ориентированные составляющие сознания совокупного субъекта культуры (С.С.Комиссаренко);</p> <p>— духовно-нравственная, выявляющая особенности выработки нормативно-ценностных основ социальной солидарности и обеспечения личной безопасности личности и общества (И.Ф.Денисенко, С.С.Комиссаренко);</p> <p>создания и воспроизводства нравственных регуляторов (нравственные принципы, смыслы, ценности, идеалы, нормы, правила) жизнедеятельности человека в обществе (А.Л.Журавлев, А.Б.Купрейченко)</p>

Общие структурно-функциональные особенности, включающие образовательно-развивающую составляющую, которая отражает уровень образования и самообразования представителей элиты, а также функции: стабилизирующую, раскрывающую способность элиты находить компромиссные решения в конфликтных ситуациях, контролировать и стабилизировать процессы соци-

Специфичные процессуально-формирующие психологические особенности современных российских элит

Психологические особенности	Типы современных российских элит		
	политическая	бизнес-элиты	культурно-интеллектуальная
Процессуально-формирующие	<p>— вхождение в элиту за счет протекционизма и трайбализма («тейпизма») (В.Г.Игнатов, А.В.Понеделков, Н.Г.Ревягина, А.М.Старостин, Л.Г.Швец);</p> <p>— формирование политической элиты осуществляется за счет возможности конверсии и реконверсии различных видов капитала (Г.Я.Гузельбаева)</p>	<p>— необходимость получения престижного высшего образования, повышения квалификации (З.Д.Михайлова, А.А.Мордасов)</p>	<p>— потребность представителей данного типа элит в самоактуализации (С.С. Комиссаренко), в расширении интеллектуальной и информационной базы (Ю.Б.Нектаревская, А.Г.Стариков); в стремлении к нравственному идеалу (А.Л.Журавлев, А.Б.Купрейченко)</p>

альных, политических, экономических, культурных изменений, стремиться к сбалансированному характеру общественных отношений; координирующую, отражающую способность элиты четко распределять обязанности, функции и роли, осуществлять контроль за качеством выполнения работы и давать адекватную оценку полученного результата; интеграции и субординации, способствующие выявлению интересов различных социальных групп, созданию механизма реализации политических замыслов, сплочению всех общественных сил и их эффективного взаимодействия с целью оптимизации социальных, политических, экономических и культурных процессов; межгрупповой и межэтнической коммуникации, социализации в режиме реального времени.

Общие процессуально-формирующие особенности:

— профессионализм — это высшая степень совершенства в определенном виде деятельности, самый высокий уровень мастерства, соединенный с социальной (гражданской) и нравственной зрелостью, с общей культурой того или иного социального слоя или индивида;

— стремление к получению престижного высшего образования, повышению квалификации, получению дополнительного высшего образования, повышению профессионального уровня, самообразованию.

Перспективы дальнейших исследований в первую очередь связаны с развитием элитологической психологии как нового направления психологической мысли. Исследования должны проводиться сразу в нескольких направлениях, включающих разработку теоретико-методологических основ психологии элит; категориально-понятийного аппарата, отражающего специфику психологии элит; исторической базы элитологической психологии; психологии элитной личности, обращенной к комплексному изучению проблем психологии субъекта элиты; социальной элитопсихологии, обращенной к системному исследованию психологических особенностей различных сообществ (групп, типов) элит; практической и прикладной областей элитологической психологии.

Литература

1. Вечтомов Е. Интеллектуальная элита и гуманитарное образование // Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция: Материалы межрегиональной научной конференции / Редкол.: Н.И.Поспелова (отв. ред.) и др. Киров: Вят. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 31–37.
2. Иванюк Ф.М. Методологические проблемы исследований элит: социально-философский анализ: Дис... канд. филос. наук. СПб., 2005.
3. Кошелева А.В. Российская элита: генезис, структура, особенности (социокультурный анализ). М.: Компания Спутник+, 2005.

*Н.А.Евлешина,
Н.Н.Никитина,
И.Т.Сулейманов,
В.Р.Ясницкая**

Поликультурный подход в социальном воспитании

На современном этапе социально-экономического развития одной из основных становится задача позитивного становления личности в условиях глобализации и поликультурного общества. В статье рассматривается становление толерантной и одновременно самобытной личности на основе ее приобщения к пространственно-временной многомерности культуры, специфика поликультурного подхода в социальном воспитании.

В условиях глобализации и поликультурного общества существует противоречие между растущей потребностью в становлении толерантной и одно-

временно самобытной личности на основе ее приобщения к пространственно-временной многомерности культуры и недостаточной разработанностью данной проблемы в социально-педагогическом аспекте. В большинстве современных исследований поликультурный подход рассматривается лишь в аспекте взаимодействия различных национальных, этнических культур. В проведенном нами исследовании впервые изучена специфика поликультурного подхода в контексте социального воспитания:

— рассматривается поликультурная среда воспитательной организации (школы, детского общественного объединения) как объективно существующее многообразие субкультур (в том числе этнокультур);

— изучается воспитательный потенциал данных культур;

— определяется реальный уровень и условия развития толерантности педагогов по отношению к многообразию субкультур, представленных в воспитательной организации;

— выявляются условия становления социокультурной толерантности и идентичности личности школьника в поликультурной реальности, возможности билингвального образования в позитивной социализации личности;

* **Евлешина Нина Александровна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Ульяновского государственного педагогического университета (УлГПУ) им. И.Н.Ульянова, руководитель проекта «Поликультурный подход в социальном воспитании» (08-06-00552а).

Никитина Наталья Николаевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики УлГПУ им. И.Н.Ульянова, исполнитель того же проекта.

Сулейманов Ирек Тавфикович — аспирант УлГПУ им. И.Н.Ульянова, исполнитель того же проекта.

Ясницкая Вероника Романовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики УлГПУ им. И.Н.Ульянова, исполнитель того же проекта.

— представлена культура воспитательной организации как поле взаимопроникновения компонентов поликультурной среды, обеспечивающее актуализацию и обогащение их воспитательного потенциала.

Системообразующим подходом исследования явился *культурологический* подход, интегрирующий концепции В.С.Библера, С.И.Гессена, М.Мид, Н.Б.Крыловой и др. Методологическую основу исследования составляют также *философские* концепции М.Бубера, М.С.Кагана, М.Шелера, Ч.Тейлора, Г.Швайцера; *психологические* теории Э.Эриксона, Т.Шибутани, А.В.Петровского, А.С.Обухова, А.Г.Асмолова, И.С.Кона; *социологические* подходы к изучению культуры М.Роббера, О.Г.Филатовой, Л.Г.Ионина, Т.Парсонса, Дж.Мердока и др.

Педагогический базис исследования включает концепцию социализации в контексте социального воспитания А.В.Мудрика, теории поликультурного образования и воспитания (А.Н.Джуринский, Г.Д.Дмитриев, В.Нике, Г.Ауэрнхаймер и др.), теорию воспитательного пространства (Л.И.Новикова, Н.Л.Селиванова, Д.В.Григорьев), социально-педагогическую концепцию становления социокультурной идентичности личности М.В.Шакуровой.

На основании анализа философской, социологической, психологической, педагогической литературы и пилотажной диагностики состояния социального воспитания в ряде воспитательных организаций разработана теоретическая **модель поликультурного подхода в социальном воспитании**. Данная модель опирается на понимание социального воспитания как особого вида относительно контролируемой социализации в рамках воспитательных организаций. Результатом поликультурного воспитания является оптимальное сочетание культурной толерантности и идентичности личности, обозначаемое нами термином «*поликультурность*». Это качество личности выступает как один из важнейших аспектов ее социализированности и проявляется в когнитивном, эмотивном и конативном аспектах. В условиях воспитательной организации поликультурность личности формируется в процессе *со-бытия* различных контактных субкультур: этнических, гендерных, коллективных, возрастных и др.

Разработаны диагностический комплекс и алгоритм изучения данных субкультур, выявления общих и специфических проблем реализации поликультурного подхода в различных типах воспитательных организаций (городская и сельская малочисленная школа, ДОО и УДОД).

Теоретическая модель, разработанная нами, опирается на концепции, идеи и базисные категории поликультурности, а также на концепцию социализации в контексте социального воспитания А.В.Мудрика, которое определяется им как *вращивание человека в ходе планомерного создания условий для его относительно целенаправленного позитивного развития и духовно-ценностной ориентации* [4].

Социальное воспитание как педагогический феномен отвечает следующим признакам:

— относительная целенаправленность (слово «относительная» напоминает о том, что любой вид воспитания нельзя отделить от сопутствующей стихийной социализации);

— принадлежность к специально создаваемым воспитательным организациям;

- осуществление воспитания профессиональными педагогами;
- относительная управляемость процессом воспитания;
- позитивный, созидающий характер воспитания относительно личности воспитанника.

Выделяя эти признаки и соотнося их с *поликультурным подходом*, мы конкретизируем их следующим образом:

- одной из ведущих целей социального воспитания мы считаем становление поликультурности личности;

- главным, интегративным средством социального воспитания является культура воспитательной организации (или организационная культура — ОК);

- управляемость социальным воспитанием говорит о принципиальной возможности соотнесения и взаимообогащения субкультур, пересекающихся в воспитательной организации;

- педагог может являться ведущим агентом социализации в рамках воспитательной организации в случае обладания богатой и позитивной профессионально-личностной культурой;

- в условиях нестабильной социокультурной ситуации и снижения воспитательного потенциала значимых для ребенка факторов социализации именно воспитательная организация призвана выполнять ведущую роль в позитивном развитии его личности и, в частности, его поликультурности.

С точки зрения субъект-субъектного подхода, отвечающего законам диалектики, социализация представляет собой интеграцию двух процессов, находящихся в отношениях взаимодополнительности и амбивалентности: это процессы социальной адаптации (приспособления) и индивидуализации (обособления).

В соответствии с этой характеристикой социализированность в качестве личностной черты человека можно определить как результат процесса социализации в виде того или иного соотношения его потребностей и способностей к приспособлению и обособлению в социуме.

Переводя эти общие социально-педагогические положения в русло нашего исследования, мы делаем следующие выводы.

Одной из важнейших составляющих социализированности воспитанника является его поликультурность в принятом нами понимании этого термина. Являясь компонентом социализированности, поликультурность человека характеризуется через два диалектически связанных ее аспекта. Первый, соответствующий социальной адаптированности, представлен толерантностью личности по отношению к многообразию взаимодействующих с ней (контактных) культур. Второй аспект, соответствующий социальному обособлению, представлен социокультурной идентичностью человека, являющейся собой своеобразный и неповторимый сплав интериоризированных культур и продуцируемые им самим культурные ценности. Толерантность и идентичность личности, рассматриваемые как взаимодополнительные и взаимодетерминированные составляющие поликультурности, выступают как цели-результаты социального воспитания.

К данным выводам мы считаем необходимым добавить ряд немаловажных моментов. Для более детального изучения сущности и условий успеш-

ного формирования рассмотренных компонентов поликультурности целесообразен анализ трех уровней, присутствующих и в толерантности, и в идентичности: когнитивного, эмотивного и поведенческого. В самом общем виде данные уровни представлены в таблице.

Таблица

Уровни поликультурной толерантности и социокультурной идентичности воспитанника

Уровни	Компоненты	
	Поликультурная толерантность	Социокультурная идентичность
К	информированность и понимание многообразия и особенностей контактных субкультур	осознание позитивных и негативных аспектов контактных субкультур и собственной культуры
Э	позитивное эмоциональное отношение (принятие) иных культур (за исключением контркультур)	эмоциональная идентификация с референтными культурами, дифференциация эмоционального восприятия позитивных и негативных аспектов собственной культуры
П	умение адекватно выразить свое отношение к иным культурам через действия и поступки	умение самоопределяться в многообразии культур, адекватно выражать и развивать свою социокультурную идентичность

Следует пояснить, что термин «уровни» принят нами в данном контексте не случайно. Когнитивный, эмотивный и поведенческий аспекты социокультурной толерантности и идентичности действительно отражают *последовательность* формирования поликультурности личности. Знание конкретных субкультур (т.е. тех, с которыми воспитанник взаимодействует реально или виртуально) лежит в основе его эмоционального отношения к ним (иначе это отношение может оказаться неадекватным), которое, в свою очередь, служит стимулом к конкретным действиям и поступкам. Отсюда мы делаем следующий вывод: неадекватность поведения человека в поликультурной ситуации является, как правило, следствием его непонимания (незнания) контактных субкультур и неадекватного к ним эмоционального отношения.

Данный вывод определяет последовательность педагогических действий в рамках поликультурного социального воспитания:

- 1) обеспечение знания воспитанником контактных субкультур и особенностей собственной культуры;
- 2) создание условий для проживания и эмоционального переживания поликультурных ситуаций;
- 3) формирование адекватного поведения, отражающего социокультурную толерантность и идентичность воспитанника на основе рефлексии собственных знаний и чувств.

Следующим необходимым для осуществления поликультурного социального воспитания моментом, с нашей точки зрения, является разграничение понятий «*воспитательная организация*», «*социокультурная среда*» и «*воспитательное пространство*».

В широком смысле слова **организация** — это общественное объединение или государственное учреждение, созданное для решения определенных задач. Следовательно, воспитательная организация — это объединение людей (педагогов и воспитанников), созданное на общественной или государственной основе для решения воспитательных задач.

Существуют различные типы воспитательных организаций (от детских дошкольных учреждений до вузов), среди которых в свое исследование мы включаем городские и малочисленные сельские школы (последние выделяются нами в силу их выраженной социально-педагогической специфики), учреждения дополнительного образования детей (УДОД) и детско-юношеские общественные объединения (ДОО).

Социокультурная среда, являющаяся объектом исследований в рамках *средового подхода* в теории воспитания (Ю.С.Мануйлов), представляет собой совокупность общественных, социальных и духовных условий, окружающих человека, взаимодействующих с ним и определяющих процесс его социализации [3].

В отличие от социокультурной среды, существующей объективно, **воспитательное пространство** охватывает не только педагогически освоенную ее часть, но и специально и целенаправленно создаваемую (корректируемую, обогащаемую *со-бытием* субъектов воспитания) «педагогизированную» сферу социальной среды (Л.И.Новикова, Н.Л.Селиванова, Д.В.Григорьев) [6].

С нашей точки зрения, воспитательное пространство, ядром которого может быть любая воспитательная организация, представляет собой поле пересечения различных культур, встречу этих культур, т.е. их взаимопредъявление, взаимооткрытие и взаимообогащение, что и обозначается термином «*со-бытие*».

Наконец, третий момент, на котором стоит остановиться в контексте нашего исследования, — это определение **многообразия субкультур**, образующих внутреннее социокультурное пространство любой воспитательной организации, независимо от ее типа. К таковым субкультурам, с нашей точки зрения, относятся:

Этнические субкультуры. Учитывая, что наше общество (равно как и практически каждый тип поселения) не может быть названо строго мононациональным, любая воспитательная организация в той или иной степени является многонациональной (или, по крайней мере, двунациональной). Даже если носителями иных этнических культур являются только отдельные педагоги и воспитанники, их культуры должны быть равно представлены в воспитательном пространстве организации.

Гендерные субкультуры. Большинство воспитательных организаций являются гетерогенными по половому признаку. При этом, как отмечают сами воспитанники, проблема взаимоотношений мальчиков и девочек остается одной из самых актуальных для них. Решение этой проблемы невозможно без целенаправленной работы в рамках социального воспитания по форми-

рованию гендерной толерантности и идентичности. Только в этом случае объективное длительное сосуществование полов в рамках воспитательной организации становится их культурным со-бытием, во многом определяющим дальнейшую личную жизнь воспитанников. Отметим, что и в гомогенных по половому признаку воспитательных организациях (суворовских училищах, кадетских классах, некоторых типах общественных объединений и т.п.) социальное воспитание должно включать коррекцию гендерной субкультуры, направленную на формирование соответствующих норм поведения и культуры взаимодействия с противоположным полом.

Коллективные субкультуры. Воспитательная организация, как правило, состоит из ряда первичных коллективов — школьных классов, кружков, секций, отрядов и т.п. Каждый из этих коллективов обладает неповторимой культурой, интегрирующей в себе формируемую педагогами организационную культуру и вполне независимую от педагогических устремлений неформальную субкультуру. Коллективной субкультурой мы называем совокупность этих двух культур, находящихся в той или иной степени выраженном противоречии. Такая амбивалентность объясняется тем, что школьный класс (равно как и другие первичные воспитательные коллективы) является одновременно и вполне самостоятельной воспитательной мини-организацией, и автономной социально-психологической группой.

В связи с этим возникают новые проблемы в поликультурном подходе: это организация со-бытия первичных субкультур в рамках воспитательной организации и целенаправленное разрешение противоречия между формализованной и неформальной составляющими культуры первичного коллектива и культуры воспитательной организации в целом.

Профессиональные субкультуры. В контексте социального воспитания данный вид субкультур имеет выраженную специфику, проявляющуюся в принадлежности только к одной профессии — педагогической, и только к одному субъекту социального воспитания — педколлективу. В связи с этим со-бытие профессиональных субкультур в воспитательной организации разворачивается в процессе разрешения межгрупповых (имеются в виду группы учителей предметников, педагогов-единомышленников и проч.) и межличностных профессионально-культурных противоречий. Этот вывод отнюдь не умаляет ценности групповых и межличностных профессиональных культур, он лишь подчеркивает необходимость приведения их к определенному общему базису — принятым в данном социуме и данной организации профессиональным нормам и ценностям.

Возрастные субкультуры. В рамках воспитательных организаций возрастные субкультуры чаще всего представлены группами воспитанников, находящихся на разных стадиях и этапах социализации (от младшего школьного до раннего юношеского возраста), а также группами педагогов, находящихся на стадии молодости (23–30 лет), зрелости (ранняя зрелость — 30–40 лет, поздняя зрелость — 40–55 лет) и пожилого возраста (55–65 лет). В более обобщенном виде возрастные субкультуры воспитательных организаций можно подразделить на детскую, подростковую, юношескую и взрослую. В еще более обобщенном — на детскую и взрослую, условно объединяя всех воспитанников общим «пространством детства» (И.Д.Демакова),

а педагогов — общими стереотипами, установками. Обеспечение взаимопознания, взаимоприятия и взаимообогащения детской и взрослой субкультур в процессе социального воспитания по своей значимости и сложности подобно поиску общего языка для разноязычных народов. Данную проблему нередко усугубляет и тот факт, что в социальном воспитании принимают косвенное и непосредственное участие и родители, усиливающие одностороннее доминирование взрослой субкультуры. В свою очередь, школа (равно как и другие воспитательные организации) далеко не всегда способствует укреплению взаимной толерантности детей и родителей.

Семейные субкультуры. Каждый человек, и в особенности ребенок, является в первую очередь носителем субкультуры своей семьи. В той или иной степени (в зависимости от экстравертированности—интровертированности воспитанника) он транслирует семейную субкультуру во взаимодействии с педагогами и сверстниками в воспитательной организации. Очевидно, что такая трансляция может иметь как негативный, так и позитивный характер, что не может не сказываться на протекании социального воспитания.

Конфессиональные субкультуры. Проблема формирования конфессиональной толерантности и идентичности традиционно соотносится с культурой семьи. Тем более, что законодательно церковь по-прежнему отделена от государственной системы образования. Однако в современной социальной ситуации наблюдается явная тенденция конфессионализации общества, что не позволяет исключать данную проблему из рамок социального воспитания. Во-первых, растет число негосударственных конфессиональных воспитательных организаций: православных гимназий, медресе, детских объединений при культурных учреждениях и т.п. Во-вторых, растет и число верующих (или соблюдающих религиозные отправления) детей, посещающих государственные воспитательные организации. И если в первом случае реальна опасность формирования интолерантной моноконфессиональной культуры, проявляющейся вне организации, то во втором — не менее реальна опасность внутренних межличностных конфликтов на почве иноконфессиональности. Решение данной проблемы представляется нам на сегодняшний день наиболее сложным, однако ее игнорирование может создать гораздо большие сложности уже в обозримом будущем.

Конечно, поликультурность любой воспитательной организации не ограничивается наличием описанных субкультур: мы остановились лишь на наиболее типичных примерах.

Сделаем выводы, отражающие наше понимание сущности поликультурного подхода в социальном воспитании. Данная сущность заключается в следующем:

- признание и принятие многообразия культур, включенных (или пересекающихся) в процесс социального воспитания, и максимально возможное изучение их воспитательного потенциала;
- развитие толерантности педагогов и воспитанников по отношению к многообразию и разнообразию субкультур, представленных в воспитательной организации;
- поддержка социокультурной идентичности субъектов социального воспитания;

— увеличение воспитательного потенциала организационной культуры воспитательной организации в процессе ее продвижения к культуре взаимодействия, создающей наиболее благоприятные условия для совместного бытия (со-бытия) субкультур и субъектов воспитания и культурной идентификации каждого из них.

Мы рассматриваем полифоничность культуры по двум направлениям: временной и пространственной осям. Первая ось (*вертикальная*) включает в себя культуры сменяющих друг друга исторических эпох и этапов; вторая (*горизонтальная*) включает относительно одновременно существующие субкультуры. Эта наша идея соотносится с точкой зрения исследователя психологии личности в контексте традиционной культуры А.С.Обухова, считающего, что любую проблему или явление следует рассматривать в пространстве и во времени, поэтому исследование важно выстраивать в двух направлениях: временном и пространственном [5].

Мы сосредоточиваем свои усилия на изучении «горизонтальной» (пространственной) составляющей поликультурности современной воспитательной организации, что предполагает анализ следующих (общих для всех типов воспитательных организаций и контактных субкультур) компонентов реализации поликультурного подхода:

1. Выявление проблем (общих и типичных), связанных с поликультурностью социального воспитания.
2. Анализ условий (материальных, социальных, психологических и педагогических) успешной реализации поликультурного подхода.
3. Определение содержания поликультурного социального воспитания и соотнесение его с реальным состоянием дел.
4. Выявление и апробация способов, наиболее эффективных и результативных в осуществлении поликультурного подхода.
5. Анализ результатов поликультурного подхода в социальном воспитании.

При этом под проблемами поликультурного подхода в социальном воспитании мы понимаем противоречия между:

— объективным наличием разнообразных субкультур в рамках любой воспитательной организации и недостаточной адаптацией субъектов воспитания (на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях) к этому многообразию;

— необходимостью поликультурного подхода в социальном воспитании и недостаточным уровнем готовности (психологической, теоретической и методической) педагогов к реализации данного подхода;

— субкультурами педагогов и воспитанников;

— компонентами различных субкультур (от артефактов до ценностных ориентаций), входящих в те или иные воспитательные организации.

Среди условий реализации поликультурного подхода главный акцент мы делаем на педагогических (учитывая при этом и материальные, и социальные, и психологические), к числу которых в первую очередь относим:

- 1) уровень толерантности и социокультурной идентичности педагогов той или иной воспитательной организации;
- 2) осознание педагогами проблем, связанных с поликультурностью воспитания как объективной реальности современной социально-педагогической ситуации;

3) включение педагогической работы с данными проблемами в содержание социального воспитания;

4) владение педагогами эффективными способами реализации поликультурного подхода и системность их применения.

На основании приведенных теоретических основ мы разработали технологию исследования, провели констатирующий эксперимент в 14 воспитательных организациях Ульяновска и Ульяновской области (городских школах, сельских малочисленных школах, детских общественных объединениях и учреждениях дополнительного образования детей).

Наиболее актуальными и общими проблемами для всех типов изученных воспитательных организаций мы считаем недостаточную толерантность педагогов по отношению к контактным субкультурам, а также низкий уровень их компетентности в реализации поликультурного подхода. Производными от данных проблем являются недостаточная поддержка социокультурной идентичности воспитанников и слабое пересечение субкультур в рамках воспитательных организаций.

Выявленные проблемы подтверждают приоритетность субъективных (педагогических) условий в ряду общих предпосылок и ресурсов поликультурного подхода. Вместе с тем выраженные социальные (объективные) предпосылки и преобладание позитивных результатов констатирующего эксперимента говорят о достаточном потенциале социального воспитания для реализации поликультурного подхода.

В процессе исследования были выявлены специфические проблемы поликультурного подхода для каждого типа изученных воспитательных организаций; в результате их сравнительного анализа к основным общим проблемам поликультурности социального воспитания мы отнесли:

— преобладание невысокого уровня толерантности педагогов по отношению к большинству изученных контактных субкультур;

— недостаточность педагогической поддержки социокультурной идентичности воспитанников;

— слабую информированность педагогов относительно неформальных субкультур и их воспитательного потенциала;

— низкий поведенческий уровень поликультурной толерантности и идентичности педагогов и воспитанников (при относительной устойчивости и позитивности когнитивного и эмотивного уровней);

— недостаточность пересечения субкультур, представленных в изученных типах воспитательных организаций;

— значительное расхождение показателей поликультурной толерантности и идентичности учителей и школьников;

— необходимость выстраивания диалога конфессиональных и светских субкультур в рамках социального воспитания;

— недостаточность взаимодействия этнических субкультур в воспитательных организациях изученных типов;

— зависимость возможностей поликультурного воспитания от типа организационной культуры воспитательной организации.

Условия успешности реализации поликультурного подхода в социальном воспитании мы классифицировали на объективные (социальные, материаль-

ные и др., не зависящие от педагогической деятельности) и субъективные — собственно педагогические. В совокупности обе эти группы названы нами условиями-ресурсами поликультурного подхода. Выявлена недостаточность следующих ресурсов:

— готовности педагогов (когнитивной, эмотивной и операциональной) к осуществлению поликультурного подхода;

— наличия в воспитательных организациях реальных условий для конструктивного диалога представленных в них субкультур.

Очевидно, что эти ресурсы (равно как и другие, с ними взаимосвязанные) относятся к группе педагогических условий. Вместе с тем объективные предпосылки (рост числа неформальных молодежных течений, усиление полиэтничности и конфессионализации общества и др.) еще раз доказывают актуальность поликультурного подхода в социальном воспитании и его роль в успешной социализации воспитанника.

В целом преобладание позитивных результатов констатирующего эксперимента указывает на наличие достаточного потенциала социального воспитания для реализации поликультурного подхода. Однако максимальное использование данного потенциала невозможно без целенаправленного решения выявленных нами проблем социокультурной толерантности и идентичности субъектов социального воспитания.

Литература

1. Джурицкий А.Н. Воспитание в многонациональной школе: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 2007.
2. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999.
3. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании. М.; Н.Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. службы, 2002.
4. Мудрик А.В. Социализация человека. М.: Академия, 2004.
5. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Прометей, 2005.
6. Управление воспитательной системой школы: проблемы и решения / Под ред. В.А.Караковского, Л.И.Новиковой, Н.Л.Селивановой, Е.И.Соколовой. М.: Педагогическое общество России, 1999.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*В.Л.Янин, Е.А.Рыбина, А.Н.Сорокин, А.М.Степанов,
Л.В.Покровская, В.К.Сингх**

Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг.

С 1973 г. базовым объектом археологических исследований Новгорода является участок средневекового Людина конца, расположенный к югу от Кремля вблизи сохранившейся церкви св. Троицы, давшей название заложенному здесь раскопу. К концу прошлого века была исследована площадь в 6348 кв. м (Троицкий раскоп I–XII) с мощностью культурного слоя до 5 м. В 1999 г. в «Вестнике РГНФ» была опубликована обзорная статья о результатах раскопок Людина конца [1].

После завершения в 2000 г. Троицкого раскопа XII на соседнем участке в 2001 г. были заложены вплотную друг к другу два новых раскопа: Троицкий-XIII площадью 408 кв. м (руководители: А.Н.Сорокин, с 2009 г. — В.К.Сингх) и Троицкий-XIV площадью 432 кв. м (руководитель А.М.Степанов).

Эти раскопы объединили в единый массив уже изученные в 1983–1987 гг. (Троицкий-VII) и в 1995–2000 гг. (Троицкий-XII) участки Людина конца. В древности здесь находился квартал городских усадеб, заключенный между средневековыми улицами: Пробойной на востоке, Черницыной на севере и Редятиной на юге. В границы новых раскопов попало сразу несколько средневековых усадеб. С севера — усадьба «Ж» (ранее частично изученная на раскопе VII и IX), часть усадьбы «Е» (основная часть усадьбы изучена на раскопе XII). Центральную часть раскопа занимала усадьба «У», ограничивающаяся на юге безымянным переулком. К югу от него прослежена часть усадьбы «Т». Кроме того, вдоль восточной границы раскопа исследована небольшая часть усадьбы «С» (ранее частично вскрыта на XII раскопе). В 2008 г. к основной площади Троицкого раскопа XIII (участки А-В) с северо-западной стороны была сделана прирезка площадью 92 кв. м (участок Г), на которой находилась усадьба «Ж». Работы на этом участке начались в 2009 г.

Краткие отчеты о раскопках в Людином конце в 2001–2009 гг. ежегодно публиковались в сборниках «Новгород и Новгородская земля. История и археология», а также в «Археологических открытиях» [2]. Большой ин-

* **Янин Валентин Лаврентьевич** — академик, советник Президиума РАН, руководитель проектов «Археологические исследования Людина конца Древнего Новгорода (Троицкие XIII–XIV раскопы)» (05-01-18091е, 06-01-18003е, 08-01-18093е и 09-01-18029е).

Рыбина Елена Александровна — доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова.
Сорокин Александр Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник МГУ им. М.В.Ломоносова.

Степанов Андрей Михайлович — научный сотрудник Центра по организации и обеспечению археологических исследований при Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике.
Покровская Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник МГУ им. М.В.Ломоносова.

Сингх Виктор Кашмирович — научный сотрудник МГУ им. М.В.Ломоносова.

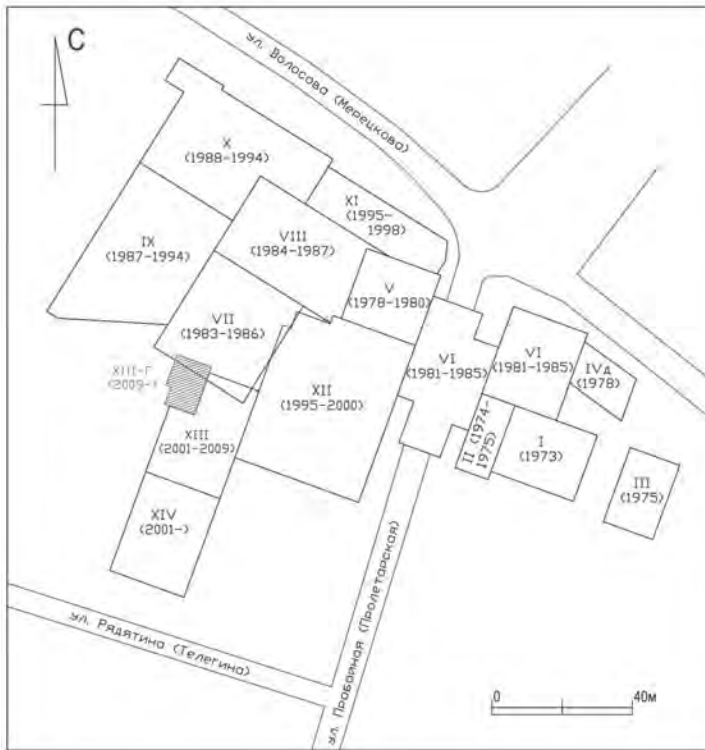

Рис. План Троицкого раскопа

терес к проводимым в Новгороде раскопкам и реставрационным работам проявил Премьер-министр РФ В.В.Путин, который 26 июля 2010 г. посетил город, осмотрел его древний кремль и раскопы (фото).

Комплексное изучение названных усадеб с подробным анализом находящихся на них сооружений, берестяных грамот и находок еще предстоит провести. В данной статье ограничимся общим обзором всех древностей, обнаруженных на рассматриваемом участке Людина конца. Финансирование раскопок в течение всех десяти лет обеспечивалось главным образом грантами РГНФ и частично бюджетными средствами РАН и МГУ им. М.В.Ломоносова. Полевые работы осуществлялись Новгородской археологической экспедицией (научный руководитель — В.Л.Янин) при содействии Центра по организации и обеспечению археологических исследований (руководители: А.С.Хорошев, с 2008 г. — С.В.Трояновский).

Культурный слой. Верхний переотложенный культурный слой («балласт») состоял из рыхлого грунта серого цвета, насыщенного битым бутылочным стеклом, обломками кирпичей, фрагментами керамики различных хронологических периодов, а также многочисленными обломками фарфоровой посуды, стеклянных аптечных и парфюмерных пузырьков, помадных банок и т.п. Здесь же были обнаружены монеты XVIII–XX вв. В этом слое практически не сохраняется органика, за исключением костей, а деревянные конструкции представлены поздними впускными сооружениями и столбами.

Фото. Премьер-министр РФ В.В.Путин в Новгороде. 26 июля 2010 г.

Слой XV в. были вскрыты только по южному краю Троицкого XIV раскопа, на основной же части обоих раскопов средневековый культурный слой начинался со второй половины XIV в. К сожалению, он в значительной степени был нарушен впускными сооружениями XVIII–XX вв. Особого внимания заслуживает характеристика культурного слоя в центральной части участка на стыке двух раскопов. Здесь преобладал глинистый слой серого цвета, в котором встречались керамика и вещи раннего периода — XI–XII вв. По своим характеристикам (состав, цвет) данные отложения напоминают предматериковые слои или садово-огородную почву. Очевидно, этот глинистый слой попал на усадьбы Людина конца в результате строительства в XVI в. укреплений Малого Земляного города. Грунт, образованный при рытье рва оборонительных фортификаций, видимо, разносили по близлежащим дворам. Средневековые напластования X–XIV вв. представляли собой характерный для Новгорода влажный темно-коричневый слой, пронизанный многочисленными и разнообразными пятнами и прослойками и содержащий включения щепы, навоза, углей, глины.

Сооружения. За 10 лет исследований данного участка было вскрыто и изучено свыше 180 разновременных, сменяющих друг друга жилых и хозяйственных сооружений, многочисленные дворовые вымостки, межусадебные частоколы. Кроме того, зафиксировано двадцать ярусов мостовой безымянного переулка. Все эти сооружения распределяются по нескольким строительным периодам.

Среди многочисленных впускных деревянных сооружений, датируемых XIX–XX вв., обнаружены фундаменты двух каменных зданий, погреба и колодцы срубной и столбовой конструкции, дренажные системы. В большин-

стве случаев первоначальное назначение поздних построек установить практически невозможно; очевидно лишь, что в новейшее время их использовали в качестве мусорных свалок. На это указывает характерное заполнение. Возможно, углубленные постройки с деревянными полами являлись погребями, а сооружения, у которых низ был забит камнями, — колодцами. Назначение нескольких сооружений более определено. Это остатки дренажных систем — деревянные цилиндрические долбленые трубы, пересекавшие раскоп с запада на восток в сторону Волхова.

Постройки средневекового времени в верхних напластованиях немногочисленны и, как правило, сохранились фрагментарно. Это были небольшие постройки квадратной формы, размером около 9 кв. м. Основная часть этих построек концентрировалась в северной части Троицкого XIII и южной части Троицкого XIV раскопов, т.е. тяготели к Черницыной улице (на севере) и безымянному переулку (на юге). В то же время задворки изучаемых усадеб были свободны от сооружений. Возможно, это пространство использовалось под сады и огороды.

В напластованиях конца XIII — середины XIV в. также вскрыты остатки деревянных сооружений — срубы, вымостки, частоколы, долбленые бочки, вкопанные в землю. На некоторых конструкциях имеются следы пожара.

В начале XIII в. планиграфия исследованного участка существенно изменилась. Межусадебный частокол исчез, а на его месте появился сруб-пятистенник. Скорее всего речь идет о смещении усадебной границы в восточном направлении (подобная ситуация была зафиксирована на Троицком VII раскопе, где исследовались те же усадьбы).

В южной зоне раскопа открыта часть жилой застройки усадьбы, которая тяготеет к Редятиной улице. На ее территории также происходят изменения в застройке. На смену большим срубам, занимавшим срединную часть усадьбы, приходят небольшие по размерам постройки, расположенные по две-три в ряд вдоль северной границы усадьбы. Выявленное пустое пространство между усадьбами Черницыной улицы и безымянного переулка исчезает. На этом месте появилась замкнутая со всех сторон усадьба, имеющая выход в безымянный проулок, который соединялся, скорее всего, с Пробойной улицей. Одновременно этот проулок отделял усадьбу от соседней усадьбы, ориентированной на Редятину улицу.

На протяжении всего XII в. застройка на усадьбах стабильна и практически не претерпевает перепланировок. В это время преобладают сруб-пятистенники, но также встречаются и квадратные в плане постройки. Как правило, все они сохранились на высоту одного-двух нижних венцов. В качестве фундаментов под срубы использовались подкладки, уложенные под углы и стены построек. В углах некоторых жилых помещений сохранились остатки печей в виде характерных столбовых деревянных конструкций. В ряде построек сохранились полы, детали интерьера, различные по устройству крылечки. Одно крыльцо имело столбовую конструкцию и несохранившийся лестничный пролет, верхняя часть которого опиралась на два столба, а нижняя — на укрепленное вертикальными колышками массивное бревно с двумя вырубками. Очевидно, что постройка с таким крыльцом была

двухэтажной. Другой тип крыльца представлял собой площадку с навесом на столбах. Ее основу составляли две параллельные лаги, выбранные в четверть. На образованные таким образом уступы опирался настил из плах, уложенных попеременно выпуклой и плоской стороной вверх. Такая конструкция крыльца характерна для одноэтажных построек.

В слое XI в. была выявлена редкая в новгородском домостроительстве постройка, устроенная «на платформе». Впервые подобные конструкции были отмечены П.И.Засурцевым еще на Неревском раскопе. Впоследствии они изредка встречались и на других раскопах Новгорода. Во всех случаях такие постройки были открыты только в слоях XI в. и позднее не встречались. Суть постройки «на платформе» состоит в том, что на древней поверхности возводился каркас-опалубка прямоугольной формы, углы которого соединялись при помощи прямоугольных вырубков. Внутренняя часть каркаса заполнялась землей, и только после этого на такой своеобразной платформе возводили сруб. Особенностью данного сруба является то, что вокруг него на каркас платформы была уложена завалинка для дополнительного утепления дома. Кроме того, она могла использоваться в качестве скамьи.

В предматериковых напластованиях второй половины X — начала XI в. были исследованы срубы-пятистенки, а также ряд столбовых конструкций, вероятно, хозяйственного назначения. Что касается срубов-пятистенок, то их характерной особенностью являются значительные размеры, а также особое устройство сеней. Если в более позднее время срубы данного типа представляли собой единую конструкцию, то в раннее время сени приставлялись отдельно непосредственно к жилой части дома.

В 2009 г. на Троицком XIII раскопе была исследована древняя материковая поверхность, выявлены остатки самых первых усадебных границ в этой части Людина конца, исследованы заглубленные в материк хозяйственные и помойные ямы. Одна из ям, видимо, имела ритуальный характер. Она представляла собой небольшое круглое углубление в материке, в которое был помещен лубяной короб; в нем находились обожженные камни с песком, а также череп лисы и кости других животных. По мнению Е.А.Тяниной, данный обряд является очистительным жертвоприношением первых новгородцев, поселившихся на этой территории в X в. На Троицком раскопе XIV осталось исследовать предматериковые слои с остатками сооружений; эти работы будут завершены в 2011 г.

Что касается заложенного в 2008 г. участка «Г» Троицкого раскопа XIII, то в течение 2009–2010 гг. здесь был исследован культурный слой мощностью 240 см, в котором зафиксировано 13 разновременных строительных ярусов, датируемых серединой XII — началом XIV в. В начале XIII в. планировка этого участка претерпевает существенные изменения, как и на основной части Троицкого раскопа. В отличие от построек середины — второй половины XIII в., представляющих собой небольшие четырехстенные срубы, в нижележащих напластованиях находились массивные, сложные по конструкции срубы-пятистенки, толщина бревен которых достигала 30–35 см. Данные срубы располагались в южной части участка и сохранились на два-три венца. Перед сенями дома была устроена галерея на мощных столбах, на которую вела массивная лестница. Перед самим домом был

устроен настил из плах длиной 6 м. Работы на участке «Г» были приостановлены на уровне 10-го пласта (середина XII в.) и будут продолжены в следующем году.

Берестяные грамоты. За последнее десятилетие на исследуемом участке Людина конца (Троицкий XIII и XIV раскопы) были найдены 72 грамоты, из которых одна (№ 929) обнаружена в слое XIV в., 12 экз. — в слоях рубежа XII—XIII и XIII в. и 59 экз. — в слоях XII в. Такое хронологическое распределение берестяных грамот характерно для всего Троицкого раскопа, где наибольшее количество берестяных писем обнаружено в слоях XII в. Отметим, что подавляющее число (58) грамот найдено в слоях XII—XIII вв. на усадьбе «Ж», которая отличается самой высокой концентрацией грамот из всех исследованных на разных раскопах усадеб средневекового Новгорода.

Первой на рассматриваемом участке была найдена грамота № 916, обнаруженная в дренажной траншее и датированная по палеографическим и лингвистическим признакам второй половиной XIII в. Грамота содержит текст на евангельский сюжет, связанный с рождением Иисуса. Иосиф, узнав о беременности Марии, обращается к ней со словами недоумения, удивления («...недоумею, дивлюся и умом ужащаюся...») и упреками. Казалось, что такой текст должен относиться к числу апокрифических, однако в церковно-служебной литературе была найдена его прямая аналогия. Выяснилось, что именно в таком виде текст читался во время рождественской службы («Часы в Навечерие Рождества Христова», час 1-й, тропари перед чтением паремии, тропарь на «Славу», глас 8). В результате находки этой грамоты расширился круг сюжетов, обсуждаемых в берестяных грамотах.

Значительная часть грамот найдена в обрывках и не содержит связного текста, тем не менее и в них имеется разнообразная историческая и лингвистическая информация. Встречаются и новые, неизвестные по другим письменным источникам, или редкие имена и слова, новые этикетные формулы, грамматические формы. В составе целых грамот и больших обрывков немало долговых записок, сообщений о сборе налогов, списков расходов и т.д.

Чрезвычайно важны для характеристики усадеб Людина конца грамоты № 934—936, каждая из которых содержит имена, хорошо знакомые по берестяным грамотам Троицкого раскопа прошлых лет. И среди них имена посадника Мирошки и художника Олисея Гречина. Оказалось, что в целиком сохранившейся грамоте № 934 речь идет о завершении конфликта, о котором мы впервые узнали 30 лет назад из целого документа 502, написанного Мирошкой Гречину во время судебного заседания. В письме под № 936, сохранившемся в обрывке, один из участников этого конфликта Иван (он также упомянут в грамоте 502) обращается к Мирошке с объяснениями. Наконец в целой грамоте 935 в большом перечне имен вновь встречается Гречин, причем его имя упомянуто в контексте с другими жителями соседних усадеб Людина конца.

Несомненно, наиболее ценная историческая информация извлекается из полностью сохранившихся текстов. О некоторых из них расскажем здесь подробнее. В грамоте № 952 излагается драматическая ситуация, в которую попали новгородские купцы Радко и Вячешко, прибывшие торговать в один

из древнерусских городов. Речь идет о так называемом рубеже (конфискации товаров или имущества), широко распространенном в средневековой торговой практике. В грамоте № 952 мы имеем дело с косвенным «рубежом», когда за вину некоего новгородца Фомы хотят арестовать и подвергнуть «рубежу» других новгородских купцов, которые и являются авторами письма. В данном тексте впервые в берестяной переписке упоминается огромная сумма в 400 гривен. Грамота № 952 хорошо вписывается в комплекс грамот, свидетельствующих о торговле Новгорода с древнерусскими городами, характерной для XI–XII вв. В этой грамоте впервые употреблены слова «товаред» и «юковоуцько», ранее не встречавшиеся ни в каких древнерусских текстах. Кроме того, текст письма содержит также немало важных для истории древнерусского языка примеров употребления разных грамматических форм.

Целые грамоты № 954 и 955 содержат исключительные по содержанию тексты, которые также дают много ценного материала по истории Новгорода и древнерусского языка. В грамоте № 954 (первая четверть XII в.) речь идет о том, что житель Людина конца Шильце был обвинен в порче свиней и коней, чем опозорил весь Людин конец. При сопоставлении этой грамоты с летописным текстом оказалось, что она может служить прямой иллюстрацией летописных сообщений о падеже коней и политических событиях, происходящих в Новгороде в первые десятилетия XII в.

В грамоте № 955 (середина XII в.) речь идет о свадьбе и свадебных обрядах. Ее автор Милуша, очевидно сваха, пишет знатной новгородке Марене, которая хорошо известна по другим берестяным грамотам, о свадьбе и просит выдать ей две гривны, которые она должна получить за сватовство. Во второй части грамоты в предельно лаконичной форме содержится магическая формула, призванная способствовать продолжению рода. Грамота замечательна своим оформлением, в ней впервые в берестяной переписке использованы тщательно вырисованные заглавные буквы, которые прежде были известны только в книгах.

Берестяные грамоты № 957–959 из раскопок 2006 г. (когда исследовались слои конца XI — начала XII в.) особенно интересны для историков и лингвистов прежде всего тем, что находки писем на бересте в указанный период чрезвычайно редки. Грамота № 957 представляет собой днище или крышку берестяного лукошка с двустрочной надписью, содержащей проклятие против того, кто это лукошко каким-то образом повредит. Найденная в обрывке грамота № 958 содержит тем не менее важную информацию о сборе налогов в Новгородской земле. Упомянутые в ней пункты отстоят от Новгорода на несколько сот километров, что дает представление о размерах Новгородской земли в столь раннее время. Автор письма № 959 отвергает возведенные на него обвинения и требует наказать клеветника.

В составе 72 грамот, найденных за последнее десятилетие, выделяется комплекс документов, происходящий с усадьбы «Ж». Всего здесь было обнаружено 58 документов, из которых 42 были найдены в 2010 г. В целом этот комплекс датируется серединой XII — первой третью XIII в. и по содержанию делится на две основные группы, которые условно можно назвать «грамоты Якима» и «торговые грамоты».

Грамоты первой группы происходят из слоев конца XII — первой трети XIII в., из них 19 текстов написаны одним почерком и имеют одинаковые стилистические и графические особенности. Автором двух грамот из этой группы (№ 979, 989) был Яким, что дало основание установить авторство остальных 17 документов, написанных тем же почерком. Судя по содержанию грамот, Яким имел отношение к церковным делам. Среди грамот, написанных его рукой, имеется собранная из четырех обрывков грамота № 977, в которой записаны начальные слова гласов воскресного тропаря на «Бог Господь». Очевидно, это была записка на память о порядке гласов, которые произносились во время службы. Несколько грамот Якима представляют собой однотипные короткие записки, в которых указана стоимость различных предметов церковного и монастырского обихода. В их числе клобук — монашеский головной убор («А это за клобук куна», № 982), лампадное масло («А это за масло 6 кун», № 995), водмол — ткань для монашеской одежды («А это за водмолец иноческий 5 с половиной кун», № 927), овчинка («А это за овчинку куна», № 996). Кроме уже перечисленных предметов в грамотах Якима упоминаются пергамен на одну гривну и червленица (дорогая ткань для церковных одеяний), 5 локтей которой тоже стоили гривну (№ 992). Возможно, Яким распорядился монастырской казной и выдавал определенные суммы на необходимые для монастыря предметы.

Другую группу грамот усадьбы «Ж» составляют письма торгового содержания, датированные серединой — второй половиной XII в., т.е. периодом, предшествующим грамотам Якима. Этот комплекс имеет исключительное значение для изучения новгородской торговли раннего периода (внутрирусской и международной), поскольку в традиционных письменных источниках сведений о ней практически нет. Особый интерес представляют пять грамот (№ 999, 1004, 1005, 1006, 1012), у которых один и тот же автор — Лука и один и тот же адресат — его отец. Ничего подобного в берестяных грамотах ранее не встречалось.

Письма Луки разнообразны по содержанию, насыщены исключительной информацией, иногда, несмотря на деловой тон, весьма эмоциональны. Каждое письмо заслуживает отдельного рассмотрения, исторического и лингвистического комментария, что в рамках данной статьи осуществить невозможно. В грамотах речь идет о торговле зерном, кожей, сковородами, о расчетах с покупателями, о поездках в Луки и о покупке там товаров; в них содержатся яркие примеры складничества и живые детали торговой деятельности.

Из писем Луки мы узнали многое, о чем даже не догадывались. Например, в грамоте № 1005 Лука сообщает отцу, что из Лук (ныне — Великие Луки) в Новгород отправлено вино и стеклянные сосуды. Луки уже упоминались однажды в грамоте № 675 в связи с торговыми операциями. Но какое вино оттуда можно было доставлять? Видимо, Луки в ранний период были перевалочным пунктом, где концентрировались товары, поступающие с юга по Днепру (часть пути из варяг в греки), и откуда новгородские купцы вывозили их в Новгород. В другой грамоте, посвященной торговле зерном (№ 999), сообщается, что зерно мерили котлами («жита и ржи 18 больших котлов, а пшеницы 13 котлов»). До сих пор подобная мера зерна не была зафиксирована ни в одном источнике.

Среди писем Луки еще одно (№ 1004) достойно подробного изложения. Это целое письмо, состоящее из основного текста в пять строк на лицевой стороне, и приписки из нескольких коротких строк на обороте. В деловой части письма Лука предупреждает отца о том, что человек, который «идет в ладье с товаром», остался должен ему (Луке) две гривны. Лука просит отца получить эти гривны, а в случае, если должник будет уворачиваться, пригрозить ему взысканием трех гривен, т.е. штрафом в 50%. В приписке на обороте Лука поясняет отцу, что письмо ему доставит некий Гоймер (еще одно новое имя) из Чернигова, который прибудет с женой, имени которой автор письма не помнит («с женой — не помню имя»). Эта приписка важна первым упоминанием Чернигова в берестяных грамотах. Теперь число древнерусских городов, чьи названия встречаются в берестяных грамотах увеличилось до 12. Мы уже отмечали, что эти города упоминаются преимущественно в грамотах XII в., свидетельствующих о торговых делах и финансовых расчетах купцов. Упоминание Чернигова в грамоте № 1004 прекрасно вписывается в эту систему и лишней раз подтверждает вывод об интенсивности связей Новгорода с древнерусскими городами в ранний период.

Кроме писем Луки, к комплексу торговых относятся и найденные в обрывках грамоты, в которых сообщается о суммах, затраченных на покупку различных товаров (игл, ножей, ожерелья), о разных купеческих операциях, встречаются торговые термины.

Несомненно, к числу торговых относится и так долго ожидаемая грамота № 1000. Она была найдена 21 июля 2010 г. в слое второй половины XII в. К счастью, письмо, состоящее из двух строк, сохранилось целиком: «От Кьяса и Жирочка Твердые и Ивану. У нас (двоих) все в порядке». Все персонажи грамоты, за исключением Кьяса, известны по другим берестяным документам того же времени. Имя Кьяс до сих пор не было известно в древнерусской антропонимике, оно имеет, по мнению А.А.Зализняка, восточное происхождение. Данное короткое послание является перепиской купцов-складников, ведущих совместно торговые дела. Отметим, что впервые в берестяной переписке одно письмо имеет двух авторов, которые сообщают своим партнерам о состоянии дел.

Находки. Вещевая коллекция, собранная в течение 10 лет на Троицком раскопе, состоит из двух разновеликих групп: массового материала и индивидуальных находок. К категории массовых относятся обломки глиняных сосудов местного производства, обрывки кожи, войлока и веревок, кости домашних и диких животных, птиц, рыб, железные гвозди, береста и проч. Количество массовых находок исчисляется сотнями и тысячами экземпляров. Коллекция индивидуальных находок насчитывает более 15 000 предметов, изготовленных из всех известных в средневековом Новгороде материалов: железа, цветных металлов, кости, глины, камня, стекла, янтаря, дерева, кожи, бересты.

Как уже отмечалось, в верхних слоях наряду со средневековыми изделиями были широко представлены редкие в новгородской вещевой коллекции бытовые предметы XVI—XVIII вв.: курительные трубки, фрагменты кожаной обуви, обломки изразцов, глиняных поливных сосудов, кафельной голландской плитки и др. Среди наиболее интересных находок позднего времени отметим

обнаруженный в глиняном сосуде с зеленой поливой клад из 13 медных монет конца XVIII — начала XIX в.

Анализ вещевой коллекции позволяет сделать некоторые предварительные выводы о социальном статусе, занятиях и быте жителей исследованных усадеб. Высокий уровень грамотности их жителей характеризуется не только десятками берестяных грамот, но и находками писал и предметов с владельческими надписями и знаками. Среди последних примечательно миниатюрное биконическое пряслице (возможно, бусина) с надписью «Марена». Это имя знатной новгородки, которая известна нам по нескольким берестяным грамотам (№ 794, 798, 849, 955). На одном из астрагалов, предназначенных для игры в бабки, имеется надпись «Лазорев», на костяной бите для игры в бабки вырезан княжеский знак. Чаще других надписи помещались на деревянных предметах, в числе которых счетная бирка с надписью «Сколо» и целый предмет непонятного пока назначения с именем «Местуй».

Важнейшими для социальной характеристики владельцев и жителей усадеб являются сфрагистические и нумизматические материалы. Особый интерес представляет единственная в новгородской сфрагистической коллекции печать Святослава Ярославича (1027–1076), третьего сына Ярослава Мудрого. На ее лицевой стороне находится патрональное изображение св. Николая, на оборотной — благопожелательная греческая надпись. К числу ранних относятся также две печати протопродра Евстафия (посадника Завида), занимавшего пост в 80-е годы XI в. Данные печати, найденные в слое второй половины XII в., свидетельствуют о долгом хранении на исследуемой усадьбе документов, утвержденных печатями Завида. Три печати датируются XV в., одна из которых найдена на границе перемешанного слоя и средневековых напластований. Она принадлежала посаднику Тимофею Васильевичу, о чем свидетельствуют надписи на обеих сторонах: ПОСАДНИКА НОВГОРОЧКОГО ТИМОФЫА ВАСИЛЬЕВИЧА ПЕЧАТЬ. Этот посадник происходил из бояр прусско-плотницкой группировки и был избран на должность в 1416 г., а в 1421–1422 гг. исполнял обязанности степенного посадника. Отметим, что печать с его именем обнаружена впервые. Две другие печати относятся к печатям Великого Новгорода, получивших распространение в первой половине XV в. [3]. На одной стороне они содержат надпись: ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА, на другой стороне в одном случае находится изображение птицы с распущенными крыльями и надписью «орель», в другом — изображение воина с мечом и щитом.

Нумизматические материалы представлены арабскими дирхемами и западноевропейскими денариями. Дирхемы, приходившие на Русь с Востока, чеканились на огромной территории от Средней Азии, Ирана, Закавказья до африканских берегов Средиземного моря. Приток восточных монет на Русь прекращается в начале XI в. На Троицком раскопе в слоях X — начала XI в. найдено несколько дирхемов плохой сохранности, часть из них представляет собой аккуратные обрезы в 1/4 части монеты.

Комплекс западноевропейских денариев (25 экз.) был собран в течение нескольких полевых сезонов, когда исследовались слои XI в. Подавляющее большинство монет изготовлено из низкопробного серебра и меди. Все они (по определению П.Г.Гайдукова) германские, или являются их подражанием.

В числе уже определенных монет — денарии различных городов и правителей Саксонии и Фризии, германский денарий города Евер (чекан графа Германа, датируется 1059—1086 гг.). Кроме германских, найдены две бронзовые византийские монеты XII в., английская монета Кнута Великого и два литых подражания ей. Упомянем также редчайшую привеску, представляющую собой копию серебряных монет Ярослава Мудрого, известных под названием «Ярославле серебро». На лицевой стороне привески изображен святой Георгий — покровитель Ярослава, на обороте — княжеский знак.

Кроме монет, об активных занятиях жителей усадеб **торговлей** свидетельствуют находки весовых гирек, деталей весов и особенно коллекция свинцовых товарных пломб (более 100 экз.). Последние концентрируются в слоях второй половины XI—XII вв. на усадьбах «У» и «Ж». Такими пломбами опечатывались связки шкурок пушных зверей, поступающих в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли. Напомним, что пушнина была одной из главных статей новгородского экспорта. На пломбах находятся разнообразные изображения: святые, простые и процветшие кресты, различные знаки. Найдены товарных пломб в хорошо датированном новгородском слое могут стать отправной точкой для систематизации и хронологии нескольких тысяч подобных пломб так называемого дрогичинского типа, которые до сих пор не классифицированы. В числе импортных предметов назовем также многочисленные обломки южных амфор, служивших тарой, фрагменты стеклянных сосудов киевского и византийского производства, разнообразные стеклянные бусы, скорлупу грецких орехов.

На исследованных усадьбах зафиксированы несомненные свидетельства разнообразных **ремесел**. Обилие пряслиц, находки веретен, деталей ткацкого станка указывают на существование прядильно-ткацкого производства. Несомненно, самым распространенным и востребованным было деревообрабатывающее ремесло, следы которого обнаруживаются на всех уровнях применения дерева: от строительства дома и устройства мостовых и настилов до изготовления разнообразных предметов домашней утвари. Кроме сооружений и многочисленных деревянных предметов (в том числе заготовок), обработка дерева представлена и различными инструментами, среди которых топоры, скобели, долота, молотки, резцы для изготовления посуды.

Важнейшим свидетельством существования на исследованном участке гончарного ремесла является находка детали гончарного круга и многочисленных обломков керамики.

На протяжении всего изучаемого периода (середина X — рубеж XIV—XV вв.) в усадьбах, исследованных на Троицком XIII и XIV раскопах, существовало литейно-ювелирное ремесло, на что указывают находки сырья (пластины, проволока и т.д.), огромного количества обломков тиглей (несколько сотен), льячки, следы литья в виде выплесков цветного металла, сопло, литейные формы, необработанные отливки и большое количество готовых ювелирных изделий. Особенно высокая концентрация предметов, связанных с литейно-ювелирным ремеслом, прослеживается на Троицком раскопе XIII.

Целый комплекс предметов характеризуют **промысловую деятельность** жителей усадеб. Многочисленны предметы, связанные с рыболовством: поплавки из бересты и дерева (в том числе со знаками) и каменные грузила,

жерлицы, рыболовные крючки, деревянная игла для плетения сетей, удочки для зимней ловли. Об охотном промысле свидетельствуют находки деревянных стрел и томаров (костяные наконечники деревянных стрел), предназначенных для охоты на пушного зверя.

Вооружение новгородских воинов представлено редкими, но выразительными находками, в числе которых боевой топор, гирька кистеня, сулица, наконечник копья, обрывки кольчуги, перекрестие сабли, лезвие меча, орнаментированная накладка на сложный лук, наконечники стрел.

О системе освещения новгородских домов свидетельствует находка в слое XI в. редкого типа глиняного масляного светильника в виде высокого конического стояка, открытого снизу и содержащего в верхней части глубокое блюдце для масла. Подобный светильник был найден на Неревском раскопе также в слоях XI в.

За прошедшее десятилетие собрана большая коллекция **христианских древностей**, представленная многочисленными нательными крестами разных типов, бронзовой крышечкой от паникадила и деталью от паникадила. Особенно примечательна находка змеевика с изображением на одной стороне распятия, на другой — человека с воздетыми руками и змеями. К уникальным предметам относится ложка с христианской символикой, изготовленная из свинцово-оловянистого сплава (XIII в.). На ее внутренней стороне находится изображение двух рыб, на внешней — Спас Нерукотворный с крестчатым нимбом. Аналогичная ложка была найдена в Лунде (Швеция) в слое XIII в. Единственной в своем роде является привеска с изображением шестикрылого Серафима, неизвестная ранее в новгородских археологических материалах.

В ранних слоях, преимущественно со второй половины X в. до конца XI в., встречаются предметы, связанные с **языческими культурами**. Языческие представления жителей усадеб характеризуются целым комплексом находок: многочисленные деревянные навершия с зооморфными головками, антропоморфные фигурки домовых, клыки-амулеты, каменные неолитические тесла, амулеты из цветных металлов (амулеты-топорики, амулеты-ложечки, зооморфные привески). О соблюдении языческих ритуалов свидетельствует описанный выше жертвенник, обнаруженный в материковой яме Троицкого XIII раскопа.

За период с 2001 по 2010 г. собрана значительная коллекция **украшений** цветных металлов. Среди них разнообразные перстни, височные кольца, бусины, браслеты, фибулы, привески, детали поясного набора, пуговицы и бубенчики. Свидетельством богатых женских украшений из драгоценных металлов является великолепная золотая бусина от височного кольца, украшенная зернью.

Особую группу составляют украшения прибалтийского круга древностей. Впервые в Новгороде был найден разделитель цепей, который использовался в нагрудном уборе у прибалтийско-финских племен. Также впервые был найден обрывок ткани с узором из бронзовых спиралек. Характер орнамента и техника его изготовления свидетельствуют о несомненном финно-угорском происхождении этого обрывка одежды. К кругу финно-угорских древностей относится и полая привеска-уточка, представляющая редкий для Новгорода тип птицевидных привесок.

Отметим и редкую на всем Северо-Западе находку бронзовой равноплечной фибулы с цепочкой. Подобные фибулы известны на территории Финляндии и Приладожской Карелии, на нашем Северо-Западе они единичны. Видимо, к кругу финских древностей относятся и две крестовидные привески, прикрепленные к спиралькам. Аналогий этому предмету пока не найдено, но украшение одежды и головных уборов спиральками присуще прибалтийско-финским племенам. Заслуживает внимания и единственная в Новгороде находка бронзового гребня-подвески с зооморфной спинкой, оформленной в виде стилизованных головок птиц (возможно, лебедей). Такие гребни-подвески исследователи характеризуют как изделия, связанные с прибалтийско-финской художественной традицией [4, с. 7–10].

Перечисленные находки, происходящие из ранних слоев Людина конца средневекового Новгорода, безусловно должны стать предметом отдельного исследования, так как они «являются еще одним подтверждением регулярных связей населения Приильменя с Балтийским регионом» [4, с. 12]. Следует отметить находки двух карельских скорлупообразных фибул, обнаруженных в слое XIII в. Изношенность и затертость лицевого орнамента свидетельствуют об их длительном использовании. Подобные находки карельских этноопределяющих украшений довольно редко встречаются в новгородских раскопах, до сих пор известно всего 6 экз.

Среди находок имеется огромное количество бытовых предметов, которые жители средневекового Новгорода использовали в повседневной жизни. Это орудия труда (ножницы, топоры, клещи, иглы), в том числе связанные с сельскохозяйственными работами (обломки серпов и косы), замки, ключи, кресала, посуда (глиняная, стеклянная и деревянная), двусторонние и односторонние гребни, складная бритва, многочисленные детали кожаной обуви, точильные камни и многое другое.

Самую массовую категорию находок составили разнообразные предметы из дерева, коллекция которых во много раз превосходит находки из других материалов. Среди них различный бытовой инвентарь (*мутовки, лопатки, лопаты, чекмари, детали клетки, боковой подшипник от ручной мельницы, подпятники, крюки, клепки и днища бочек*); посуда (*ложки, миски, сосуды, ковши, в том числе с зооморфными рукоятями*); предметы, связанные с водным и сухопутным транспортом (*копылы, санные полозы, весла, корабельные детали*). В слое XI в. была найдена тележная ось (четвертый экземпляр в Новгороде). Известно, что колесные повозки не были характерны для Новгорода в силу природных условий, и новгородцы предпочитали пользоваться саями круглый год.

В составе деревянных изделий немало редких по своему художественному оформлению предметов, из которых упомянем на рукоять плети с резным орнаментом в скандинавском стиле, великолепные клещи хомута со стилизованными головами животных, не имеющую аналогий резную фигурку кентавра с остатками золотой краски, навершие в виде руки со свитком в слое второй половины XI в. (возможно, символ власти).

Отдельную группу деревянных изделий составляют детские игрушки (коники, обломки игрушечных мечей, копылы от детских саней, игрушечная

тележная ось, игрушечная лодочка) и приспособления для состязательных игр (деревянные кубари и шары, кожаные мячи).

Особый раздел в коллекции деревянных предметов представляют находки деталей музыкальных инструментов (*колки, заготовка гудка, пыж от сопели, деталь струнодержателя, обломок гуслей*), которые в талантливых руках замечательного мастера В.И.Поветкина (1943–2010) обрели вторую жизнь.

Краткий обзор древностей, открытых при раскопках Новгорода в 2001–2010 гг., демонстрирует неисчерпаемый информационный потенциал еще хранящихся в новгородском культурном слое свидетельств истории.

Литература

1. Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н. Новые археологические исследования Людина конца в Новгороде (1995–1998 гг.) // Вестник РГНФ. 1999. № 3. С. 121–132.
2. См.: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 16–23. Великий Новгород, 2002–2009.
3. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. С. 132.
4. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. Связи населения Центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв.

*А.М.Обломский**

Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV—V в.) (по материалам раскопок поселения и могильника Ксизово-19)

Середина I тыс. н.э. для Европы во многих отношениях является переломным историческим рубежом. Начавшиеся в последней четверти IV в. массовые миграции народов, толчком для которых послужило движение гуннов с востока через степи Северного Причерноморья на Дунай, привели к гибели Западной Римской империи, образованию на ее территории серии варварских королевств, а также к радикальному изменению этнической ситуации не только на западе и в центре Европы, но и на ее востоке. В настоящей статье изложены некоторые наблюдения над этнической структурой населения Верхнего (лесостепного) Подонья в гуннский период.

Планомерное изучение памятников позднеримского и гуннского времени в лесостепном Подонье началось на рубеже 80-х и 90-х гг. Историография и сведения о публикации материалов изложены в специальной статье [31]. К концу IV—V в. (не исключая начала VI в.) в лесостепном Подонье относятся поселения типа Чертовицкого-Замятино и могильники круга Животинного (рис. 1). В настоящее время раскопками исследовано 20 поселений (каждый из комплексов памятников у сел Замятино, Каменка и Ксизово учтен как один поселок). К этому же периоду относятся 115 погребений, из них на Животинном могильнике изучены 3, в Ксизово-17 — 63, в Ксизово-19 — 48. Еще одно захоронение исследовано на поселении Мухино.

Особое место в структуре заселения Верхнедонского региона занимали поселки на Острой Луке Дона, где у г. Задонска Липецкой области река делает несколько поворотов, обтекая Задонский кряж — цепь высоких холмов с выходами скальных пород.

Именно здесь, около сел Каменка, Замятино, Ксизово и Мухино Задонского района Липецкой области расположены самые обширные по площади поселения гуннского периода (комплекс памятников у с. Каменка, включая селища Каменка-1,4,5 — 8 га; Замятино, вместе с селищами Замятино-1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 12, 13 — 16,19 га; Мухино-2 — 12,25 га; Ксизово, включая Ксизово-16, 19, 19А, Острую Луку-4 — 24,5 га) ([20, с. 108; 10], данные полевых исследований И.Е.Бирюкова и А.М.Обломского 2009 г.).

На некоторых селищах зафиксированы остатки косторезного, бронзолитейного, ювелирного, кузнечного по черному металлу ремесел, а также черной металлургии. В Замятино-5 изготавливали или ремонтировали кольчуги, в Ксизово-19 исследован гончарный горн [21; 37; 39, с. 139—142; 40]. Обнаружено достаточно много предметов античного импорта: стеклянные бусы и сосуды (к сожалению, в основном, фрагментированные), обломки амфор, гончарных столовых сосудов, светильников, отдельные украшения и

* **Обломский Андрей Михайлович** — доктор исторических наук, руководитель группы Института археологии РАН, руководитель проекта «Исследование поселения и могильника раннего железного века и гуннского периода на Острой Луке Дона» (10-01-18007е).

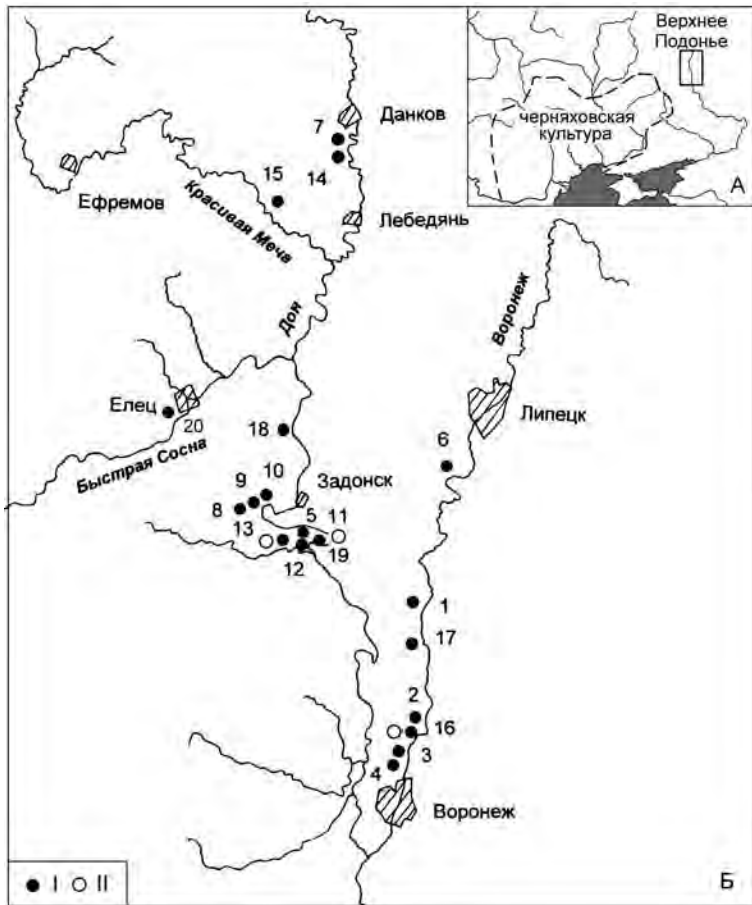

Рис. 1. Карта памятников лесостепного Подонья гуннского периода:
 I — поселения типа Чертовицкого-Замятино; II — могильники с ингумациями и отдельные погребения; 1 — Подгорное; 2 — Староживотинное-3;
 3 — Чертовицкое-3; 4 — Чертовицкое-6; 5 — Замятино-1, 2, 4, 5, 7-10, 12, 13; 6 — Малый Липяг, Крутогорье; 7 — Перехваль; 8 — Каменка-1;
 9 — Каменка-4; 10 — Каменка-5; 11 — Ксизово-16, 19, 19А, Острая Лука-4;
 12 — Ксизово-8; 13 — Мухино-2; 14 — Лес Озерки; 15 — Коллектив;
 16 — Животинное; 17 — Пекшево; 18 — Нежежеколодезное;
 19 — Ксизово-17; 20 — Лавы

монеты. Поселки на Острой Луке Дона были экономическим и, вероятно, административным центром Верхнедонского региона в середине I тыс. н.э.

Ниже изложены данные об этнокультурном составе населения поселка у с. Ксизово по результатам раскопок селища и могильника Ксизово-19 в 2003–2010 гг. с использованием данных о других материалах Верхнего Подонья. Эти сведения предварительные, поскольку обработка материалов памятника продолжается.

Обширное поселение гуннского периода находится в 0,7 км к востоку от молочной фермы с. Ксизово. Оно расположено на склоне второй надпойменной террасы правого берега Дона, на высоте 19 м от реки и 10–13 м от поймы. Протяженность памятника по берегу Дона — 1,7 км, ширина культурного слоя — до 0,31 км. Ксизово-19 является одним из западных участков этого селища. В ходе раскопок вскрыто 2672 кв. м.

Раннеславянский и финно-угорский компоненты

Раннеславянский и финно-угорский компоненты выделяются по набору лепной посуды, планировке и конструкции построек, а также по некоторым специфическим украшениям. Эталонами при этом являются поселения у с. Замятино [30]. Керамика этих двух традиций из Ксизово-19 близка к происходящей из Замятино-5, 7, 8 и находит аналогии: славянская — в сейминско-донецком варианте киевской культуры, финно-угорская — в культурах окского круга (позднетьяковской, мощинской, рязано-окской). Аналогии жилищам-полуземлянкам (углубленным в грунт до 1 м, прямоугольной или подквадратной формы со стенами каркасной или срубной конструкции длиной 3–4 м с открытыми очагами или без отчетливо выраженных отопительных устройств и иногда с центральными опорными столбами кровли) известны по всему ареалу киевской культуры. Всего в настоящее время в Верхнем Подонье исследованы 22 такие постройки, из них 5 — в Ксизово-19.

В окском круге древнейших находят некоторые параллели низкие биконические пряслица с очень широкими отверстиями [44] и характерные украшения: сюльгамы, пирамидальные колокольчики, браслеты с треугольными концами, бантиковидные накладки, шумящие украшения и их детали [5; 17; 36, с. 264, 265;] (рис. 2). Находки украшений финно-угорского круга не соответствуют общей интернациональной моде гуннского времени, формирующейся преимущественно на основе синтеза степных, позднеантичных и германских элементов. Приведенные выше данные свидетельствуют о непосредственном присутствии в полиэтничном населении Верхнего Подонья гуннского периода славянских и финно-угорских группировок. При этом преобладают раннеславянские элементы материальной культуры, а окские распространены в меньшей степени.

Черняховская традиция и германские элементы культуры

Черняховская традиция представлена элементами, связанными по происхождению с черняховской культурой второй трети III — конца IV или начала V в., восточная граница которой проходит, приблизительно, по Северскому Донцу [29, с. 29]. На поселениях у с. Замятино к ним относятся некоторые формы лепных сосудов и на ряде других, отдельные постройки каркасно-плетневой конструкции, пряслица, орнаментированные каннелюрами, рельефными дольками, гранями [30; 33, с. 85–87]. Ярким проявлением западных традиций являются следы двух мастерских, раскопанных в Замятино-5 и 8 [37], где изготавливались типичные для быта восточных германцев и народов, втянутых в орбиту их влияния, гребни из рога с высокой

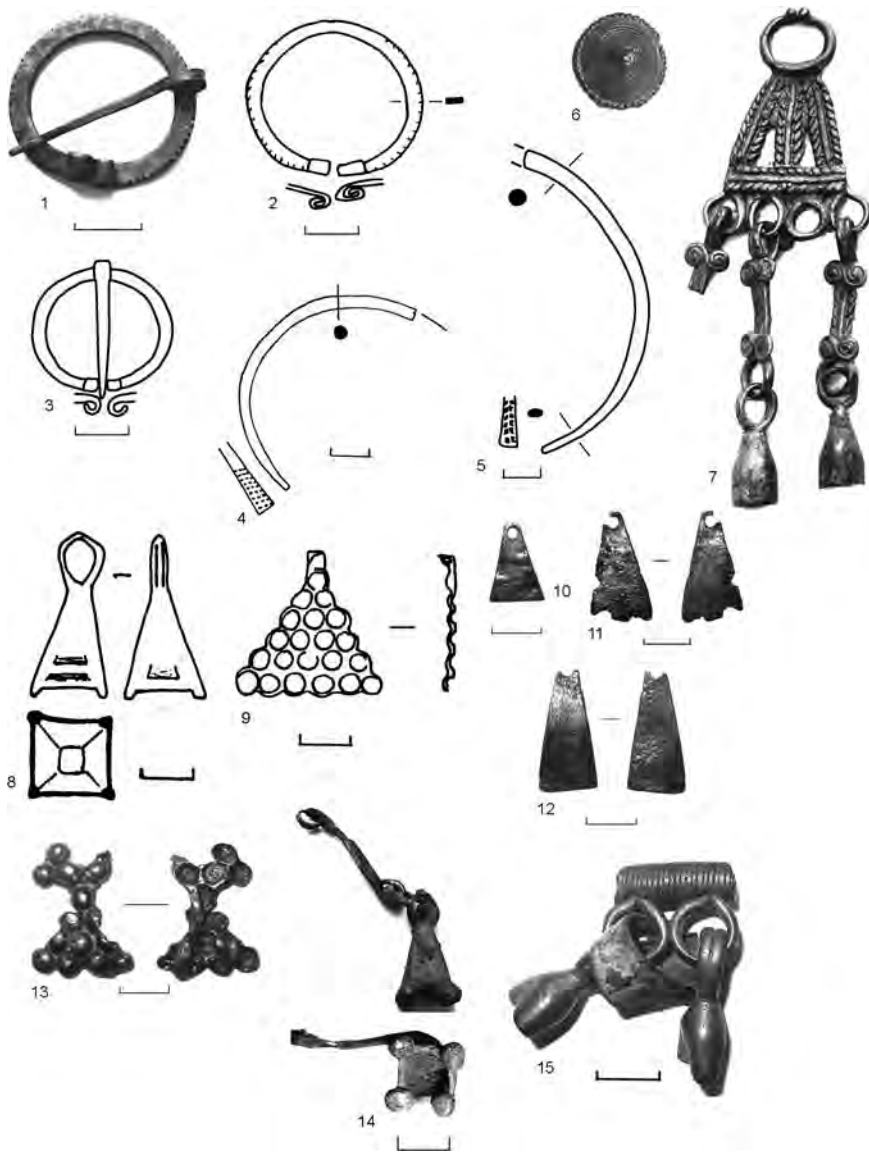

Рис. 2. Некоторые бронзовые украшения окской традиции:
 1, 14 — Мухино-2; 2 — Ксизово-17; 3 — Чертовичское-3; 4 — Замятино-8;
 5 — Ксизово-19А; 6, 7 — окрестности г. Задонска; 8 — Замятино-5;
 9–13 — Ксизово-19; 15 — Каменка

выступающей вверх спинкой и прямыми плечиками. В черняховской культуре они распространены чрезвычайно широко [45].

В Ксизово-19 к черняховской традиции относятся груболепная и лепная лощеная керамика, аналогичная найденной в Замятино, а также пряслица, орнаментированные каннелюрами и выступающими наружу дольками. В целом

черняховские культурные элементы на памятнике гораздо более редки, чем славянские киевские и финно-угорские окские.

Серия погребений германской традиции представлена на могильнике Ксизово-17, а единичные подобные объекты известны на поселении у с. Мухино на Острой Луке Дона и на Животинном могильнике в окрестностях г. Воронежа (всего 10 случаев). К ним относятся ингумации в относительно глубоких (как правило) ямах с северной ориентировкой (с отклонениями к западу и востоку). Скелеты лежали на спине в вытянутой позе. В некоторых могилах прослежены заплечки (земляные полки) для опоры деревянных конструкций. В этих погребениях найдены гребень, фибула, бусы, пряжки (от поясов и застежек обуви, портупей), зеркала, серьги, браслеты, детали ожерелья, сосуды, в том числе уникальный стеклянный кубок и др.), оружие (наконечник копья, меч, кинжал, нож). Датируются эти погребения от конца IV — начала V в. до конца V в.

Аналогичные захоронения хорошо известны в Подунавье, где они связываются с различными группами германцев. На территории юга Восточной Европы они зафиксированы в Танаисе, Фанагории, окрестностях Цибилума (Абхазия), на территории современной Харьковской области. В материальной культуре всех этих территорий отмечалось влияние восточных германцев [35, с. 215–229].

Дунайское происхождение имеют ранняя бронзовая пальчатая фибула из Замятино-8 и две серебряные булавки в форме стилизованных цикад из погребения 52 Ксизово-17А [15; 35, с. 229, 230].

Германские элементы гуннского времени не имеют прототипов в местных верхнедонских древностях и попали в регион в результате проникновения новых групп населения с территории черняховской культуры и, вероятно, из Подунавья.

Причерноморская традиция

В Верхнем Подонье причерноморская традиция представлена как позднеантичными, так и варварскими культурными элементами причерноморского происхождения, весьма разнообразными в конкретных проявлениях.

А. Ремесленные комплексы. На поселении Ксизово-19 в 2002 г. раскопан гончарный горн двухъярусной конструкции высотой около 1,6 м и размерами в основании 1,74 × 2,12 м. В печи обжигали сероглиняную лощеную и шероховатую керамику, изготовленную на круге быстрого вращения [21]. Основные формы сосудов (горшки, миски-тазики, кувшины разнообразных форм и размеров), их орнаментация, фактура, конструкция горна имеют аналогии в позднеантичном круге гончарства [30, с. 153, 154]. Эта посуда резко отличается от лепной керамики местного происхождения, которая преобладает на всех памятниках Верхнего Подонья.

В результате специального исследования изделий из черного металла поселений у с. Замятино выяснилось, что при их изготовлении использовались не только лесостепные (черняховские и киевские), но и позднеантичные приемы металлообработки [39, с. 140, 141; 40, с. 102, 103].

Б. Погребения. Наиболее богатое захоронение из упомянутой выше группы могил, имеющих северную ориентировку, обнаружено на поселении у

с. Мухино поблизости от Ксизовского археологического комплекса [20, с. 111–113]. Расшитый золотыми бляшками костюм погребенной здесь знатной женщины характерен для аристократии оседлого понтийского населения [24, с. 242].

Два ярких комплекса причерноморской традиции исследованы на могильнике Ксизово-19, который перекрывает культурный слой поселения гуннского времени. Объект 1 раскопа 7 представляет собой погребение четырех человек в одной яме, положенных четырьмя ярусами и ориентированных головами на юго-запад или на юго-западо-запад, т.е. вправо от входа (рис. 3: 1). В погребении обнаружены 261 стеклянная бусина, среди которых преобладал красный непрозрачный бисер, и железный псалий с полиэдрической головкой, двумя отверстиями и плоской ножкой (рис. 3: 2). Начало распространения псалиев с аналогичной головкой И.Р.Ахмедов датирует первой третью — первой половиной V в. Бронзовые псалии подобной формы известны в круге древностей, синхронизируемых со вторым этапом степных погребальных комплексов или с шиповским горизонтом, который И.П.Засецкая относит ко второй половине V в. [8, с. 41, 42, рис. 55: 2–4; 9, с. 245; 19, с. 130, 131].

Традиция коллективных захоронений в склепах, больших грунтовых ямах и катакомбах в римское время и эпоху Великого переселения народов хорошо известна в Крыму, причем как в некрополях античных городов, так и в «варварской» с оседлым населением части полуострова. В деталях могильные сооружения различаются как хронологически, так и географически [3, с. 22–24, 61–66; 43, с. 148; 4, с. 14–18], но конструктивные особенности устройства верхней части погребального сооружения (свод, дромос и т.п.) в Ксизово не прослежены из-за толстого слоя чернозема, в котором теряются контуры любых ям.

Коллективные захоронения в обширных ямах и катакомбах известны и на Северном Кавказе. Примером может служить могильник Клин-Яр в Кисловодской котловине [41, с. 78–101] и, судя по описаниям М.П.Абрамовой, горные районы Северной Осетии [1, с. 106]. Скорченная поза на боку погребенных женщин характерна для Северокавказского региона. Таким образом, до обнаружения еще нескольких подобных захоронений, параллели объекту 1 Ксизово-19 могут быть указаны лишь в широких рамках Крымско-Северокавказского региона. Тем не менее принципиально важно, что ни в Верхнем Подонье, ни на соседних территориях (лесостепное Поднепровье и далее к западу, Поочье, Среднее Поволжье) аналогичные погребальные сооружения в позднеримское и гуннское время не известны.

В погребении 13 в вытянутой позе на спине головой на северо-запад лежал скелет грациальной женщины в возрасте 16–22 года. Там же были обнаружены два бронзовых браслета, кольцо и перстень, глиняное округло-биконическое пряслице, серия стеклянных бусин, часть из которых составляли ожерелье, а остальные, найденные под черепом *in situ*, входили в состав сложного украшения головы, которое можно реконструировать как отрезок ленты шириной около 5 см с нашитыми на нее в два ряда блоками желтого и черного бисера и свисавшими с них маленькими бронзовыми подвесками (треугольными, округлыми и напоминающими по форме листики античных погребальных венков). К ленте была прицеплена низка более крупных

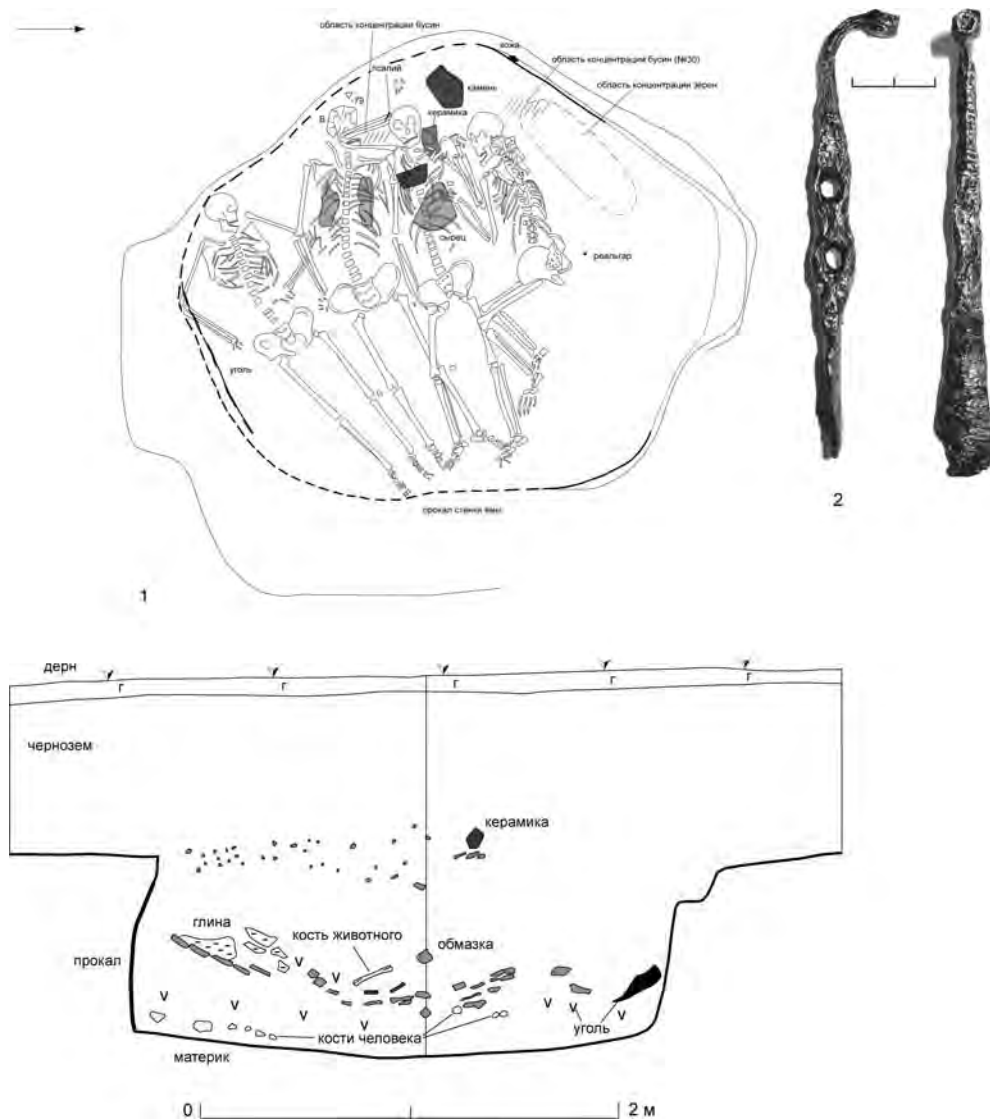

Рис. 3. Ксизово-19, раскоп 7, объект 1:
1 — план, профиль; 2 — железный псалей

бусин (рис. 4: 1). На лбу ленту замыкало кольцо с заходящими друг за друга незамкнутыми концами. Подобные украшения головы хорошо известны в позднеантичной Европе. М.Мартин восстанавливает их в виде расшитых бусами или украшенными бляшками лент с замком на лбу и свисающими вниз шнурами с бусами для поддержки прически или покрывала [46, S. 171–174]. Примером могут служить приведенные на рис. 4 головки Галлы Плацидии и Амаласунты. Последняя, хотя и была дочерью остроготского короля Теодориха Великого, но изображена в римском головном уборе [28, рис. 88].

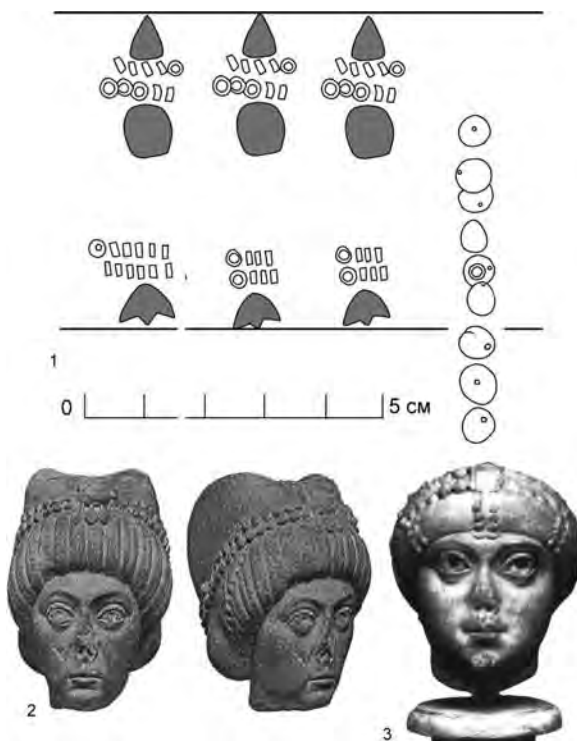

Рис. 4. Женские головные уборы эпохи Великого переселения народов:
1 — Ксизово-19, погребение 13, реконструкция сохранившейся части наголовной ленты; 2 — Галла Плацидия; 3 — Амаласунта

В. Лепная керамика. На памятниках Верхнего Подонья имеется небольшая серия лепных лощеных сосудов, которые связаны по происхождению с керамическим комплексом позднеантичного поселения в Танаисе (конец IV — середина V в.), расположенного в устье Дона [36, с. 256, 257, рис. 3]. К ним относятся биконические кувшины с раструбообразным горлом (погребение в Мухино, поселения Каменка и Чертовицкое-6), округлобокий кувшин с коленчатой ручкой из погребения 56 могильника Ксизово-17А. С поселений Замятино-8, Мухино-2 и Ксизово-19 происходят обломки лепных лощеных мисок, украшенных каннелюрами в месте наибольшего расширения тулова.

Г. Украшения. В Замятино-10 обнаружены язычок пряжки и поясная накладка — детали металлической гарнитуры римского воинского пояса (или подражающие им) [14].

Из культурного слоя Ксизово-19 происходит серебряная пластинчатая серьга в виде трех соединенных вместе лепестков со следами припоя гнезд для каменных вставок (рис. 5: 18). Подобные изделия распространены на Боспоре. Э.А.Хайрединова датирует их первой половиной V в. За пределами Крыма единственная находка известна в Эране (горизонт Унтерзибенбрунн) [42, с. 61, рис. 4: 16–19]. Для сережек из керченских склепов И.П.Засецкая называет более широкую дату: вторая половина IV — первая половина V в. [18, с. 53, 77, табл. 22: 84; 50: 243].

Рис. 5. Фибулы и серьга причерноморской традиции из Ксизово-8 (7) и 19 (1–6, 8–18):
 1–3, 5–8, 10–17 — бронза; 9 — железо; 4, 18 — серебро

Показательны 25 железных и бронзовых двучленных фибул со сплошным или подвязным приемником с памятников Верхнего Подонья. Эти фибулы в разных системах классификации в зависимости от конкретных деталей могут относиться к нескольким таксонам, но объединяет их особый способ крепления оси пружины. Ее стержень продет в широкое кольцо или муфту, которая сделана из загнутого кверху или книзу края верхней части спинки. В Ксизово-19 обнаружены 17 таких фибул, которые происходят из разрушенных погребений расположенного здесь могильника и найдены случайно (рис. 5: 8–17). Основной ареал этих фибул в Восточной Европе — Северное Причерноморье и Северный Кавказ, хотя встречаются они и за пределами очерченного региона, суммарная дата — конец IV — VI в. На Северном Кавказе известны до VII в. [36, с. 261–264]. В лесостепной зоне, кроме Верхнего Подонья, столь высокая концентрация этих фибул нигде не отмечена.

Специфическую группу украшений составляют двупластинчатые фибулы, застежки с кербшнитным (трехгранно-выемчатым) орнаментом, фибула и накладка-цикады.

Двупластинчатая фибула из бронзы с пятиугольной головкой из Ксизово-19 (рис. 5: 1) имеет прототипы в Подунавье, в том числе и в могильнике Унтерзибенбрунн [47, Abb. 15: 1, 7]. И.О.Гавритухин отнес близкие по стилю малые литые фибулы к типу Вышков-Херсонес, которые возникли как подражания большим фибулам с пятиугольными и треугольными головками. По признаку формы верхней пластины (пятиугольной) фибула из Ксизово относится к понтийской серии, датируемой серединой — второй половиной V в. [13, с. 290–294].

По стилю к этой группе вещей относится и вторая бронзовая двуластинчатая фибула из Ксизово-19 (рис. 5: 2). Точных аналогий ей нам найти не удалось. Обломок очень близкого изделия с раздвоенной в нижней части ножкой из Краснодарского водохранилища А.В.Мастыкова связывает с дунайскими традициями [26, рис. 30: 3].

Целая литая фибула с кербшнитным орнаментом происходит с поселения Ксизово-8, три ножки подобных изделий — из Ксизово-19 (рис. 5: 6,7). Они относятся к группе Левице-Токари, по И.О.Гавритухину. Полукруглый щиток над пружиной является признаком выделенной им причерноморской серии. Наиболее близкой аналогией фибуле из Ксизово-8 является экземпляр из Токарей на Днепровском Левобережье [12, с. 33, 37; рис. 2: 7]. Кроме последней, все фибулы этой серии, учтенные И.О.Гавритухиным, распространены в Причерноморье, в основном в Крыму. У Я.Тейрала приводятся находки подобных застежек с полукруглой головкой из Подунавья, например из Захони в Венгрии [47, Abb. 27: 18].

Фибула-цикада из Ксизово-19 изготовлена из бронзы, накладка — из серебра (рис. 5: 3, 4). Характерными признаками являются три крыла подтреугольного сечения, выделенная шейка и схематическая головка насекомого. Очень близкой аналогией накладке является экземпляр из Херсонеса, склеп №14/1914 г. [16, рис. 12: 15; 2, рис. 10: 13]. Целая, очень похожая фибула, но с выступом сверху приведена в издании [6, табл. 15: 22]. Фибула из Ксизово-19 практически полностью аналогична броши из Керчи, склеп

181/1902 г. [2, рис. 10: 13; 6, табл. 15: 24]. А.И.Айбабин датирует крымские фибулы-дикады второй половиной V в. — первой половиной VI в. [2, с. 26; рис. 2: 64].

Близкие украшения известны в Среднем Подунавье [48, Abb. 5: 5, 16].

Среди населения поселков на Острой Луке Дона, таким образом, присутствовали ремесленники, освоившие позднеантичные технологии. Три специфических по обряду и инвентарю погребения из Мухино и Ксизово-19 подтверждают, что в Верхнее Подонье проникли какие-то группы населения периферии понтийского позднеантичного мира. Специфическая лепная керамика указывает на наличие в регионе выходцев из Танаиса гунского времени. С Северным Причерноморьем связана и мода на некоторые украшения, в первую очередь фибулы, часть из которых начала изготавливаться в Понтийском регионе под влиянием дунайских германских традиций.

Степная традиция

Наиболее ярким проявлением степной традиции являются остатки юртообразной постройки на поселении Ксизово-19 [32]. Подобное сооружение исследовано и на селище Мухино-2 (сообщение автора раскопок Г.Л.Земцова). Оба они углублены в землю, т.е. представляют собой стационарные варианты юрт.

На могильниках степные элементы заметны в меньшей степени и допускают различную интерпретацию, но все же они присутствуют. К ним относится прямоугольная ритуальная канавка размером 5,5 × 6,5 м, находящаяся на краю могильника Ксизово-17. В ней совершено 2 погребения. Аналогичные сооружения в римское время характерны для сарматских некрополей, в том числе и в Подонье, правда, они имеют несколько большие размеры [27, с. 52, 53; 38].

Погребение 23 могильника Ксизово-17А совершено на помосте в виде решетки, который был сожжен. Решетчатые деревянные конструкции использовались в степных погребениях V–VII вв. в Шипово, Белозерке, Сивашовке, Васильевке и др. [7, с. 19; 25, с. 256–263, рис. 5: 6].

Антропологическое изучение скелетов из Ксизово пока только начинается, но уже известно, что минимум на двух черепах видны признаки монголоидности, а не менее четырех черепов искусственно деформированы (определение доктора естественных наук Я.Главовой (Чехия)). Обычай искусственной деформации головы в эпоху Великого переселения народов был распространен чрезвычайно широко, он известен во многих погребениях Восточной Европы и на западе континента вплоть до Италии и Галлии. По данным М.М.Казанского, в это время он теряет этническую специфику. Тем не менее изначально в Восточной Европе эта традиция была связана с сармато-аланской этнической средой [23].

На памятниках Верхнего Подонья найдены 7 трехлопастных черешковых наконечников стрел с тремя ромбическими лопастями (Чертовицкое 3 и Староживотинное — по одному, остальные — Ксизово-19). Эти изделия относятся к типам 1–3, по И.П.Засецкой, и широко распространяются в Восточной Европе в гунское время [19, с. 37–39], хотя известны они и в раннее средневековье. Я далек от мысли считать их принадлежавшими

в конце IV — V в. только гуннам, тем более, что они часто встречаются на памятниках не только степи и лесостепи, но и лесной зоны [22, с. 414, 415]. Тем не менее такие наконечники стрел — характерный элемент оружия гуннской эпохи степного происхождения.

Какое же историческое явление отражает ступок памятников гуннской эпохи в Верхнем Подонье? Для объяснения этого феномена объединим некоторые данные, приведенные как в настоящей статье, так и в других публикациях.

Существенных связей верхнедонского населения гуннского времени, с одной стороны, и более раннего позднеримской эпохи — с другой, не обнаруживается. В гуннский период в регион приходит новое население.

Состав верхнедонского населения в середине I тыс. н.э. был достаточно сложным, включающим выходцев с весьма отдаленных друг от друга территорий (Днепровское лесостепное Левобережье, бассейн Оки, Подунавье, ареал черняховской культуры, Северное Причерноморье, степи), причем донское население было явно полиэтничным.

Поселения гуннской эпохи по своему характеру неоднородны. Среди них есть обычные рядовые поселки, крепости (Крутогорье, возможно, Перехваль, Чертовицкое-3, Подгорное и Малый Липяг) [11] и очень большие поселения, сосредоточенные на Острой Луке Дона, где, видимо, располагался центр округи.

В поселках Острой Луки Дона сосредоточена ремесленная деятельность, причем самая разная. Зафиксированы кузнечное ремесло (в Замятино-5 делали или ремонтировали кольчуги), черная металлургия, металлообработка бронзы, гончарство, производство гребней из рога.

Погребения демонстрируют сложную структуру общества: в Мухино открыто захоронение знатной женщины, известны погребения с оружием, рядовым инвентарем, а также безынвентарные [34].

На памятниках Острой Луки Дона довольно много античного импорта: бус, стеклянных сосудов, амфор, отдельных находок бытовой посуды.

Все эти наблюдения свидетельствуют о возникновении в Верхнем Подонье в середине I тыс. н.э. раннегосударственной структуры. Было ли это образование самостоятельным? Скорее всего, нет. Совпадение по времени существования верхнедонской группировки поселений и могильников, с одной стороны, и гуннской эпохи, включая вторую половину V в., — с другой, разброс географии исходных территорий перемещенных в Подонье групп населения от Дуная до Северного Причерноморья указывает на то, что, скорее всего, Верхнедонской регион был частью гуннской державы, причем его структура сохранилась и после ее распада. Материалы Верхнего Подонья дают нам уникальную возможность выяснить, как именно формировалось государство гуннов и какими были способы освоения территорий в его границах.

Литература

1. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранне-средневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь, 1990.

3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Вып. 1. Симферополь; Керчь, 2008.
5. Акимов Д.В. Раскопки городища Крутогорье в Липецком районе // Археологические открытия 2009 г. в Липецкой области. Липецк, 2010.
6. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ; Вып. Д1-30. М., 1966.
7. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. (Археология СССР.)
8. Ахмедов И.Р. Удила. В гл.: Типологическое определение инвентаря // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. (Раннеславянский мир. Вып. 3.)
9. Ахмедов И.Р. Коллекция предметов конского убора из Керчи // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
10. Бирюков И.Е. Острая Лука Дона в гуннское время. Общая карта памятников // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004. (Раннеславянский мир. Вып. 6.)
11. Бирюков И.Е., Акимов Д.В. Оборонительные сооружения городищ гуннского времени на Верхнем Дону // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.
12. Гавритухин И.О. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник. 1994. № 4.
13. Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spatromische Kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
14. Гавритухин И.О. Приложение к главе 1. Детали поясов «позднеримского воинского» стиля с поселения Замятино-10 // Острая Лука Дона в древности...
15. Гавритухин И.О. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино // Там же.
16. Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V—VI вв. // Археологические вести. 2006. № 13.
17. Ерохин А.В. Разведка по р. Воронеж в Липецком районе // Археологические открытия 2009 г. в Липецкой области. Липецк, 2010.
18. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993.
19. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб., 1994.
20. Земцов Г.Л. Миграционные потоки III—V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.
21. Земцов Г.Л. Гончарный горн на поселении Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности...

22. Казанский М.М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. № 6.

23. Казанский М.М. Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов // Орус: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.

24. Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннское время // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2009.

25. Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VII–VIII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.

26. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М., 2009.

27. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.

28. Мончинська М. Велике переселення народів. Історія неспокійної епохи IV та V століть. Київ, 2009.

29. Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2002. (Раннеславянский мир. Вып. 5.)

30. Обломский А.М. Замятинский археологический комплекс — «перекресток этнокультурных традиций» // Острая Лука Дона в древности...

31. Обломский А.М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. 2005, 219.

32. Обломский А.М. Юртообразная постройка V в. н.э. на территории Верхнего Подонья // Средневековая археология Евразийских степей (сборник статей к юбилею профессора С.А.Плетневой). Москва; Йошкар-Ола, 2006.

33. Обломский А.М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007. (Раннеславянский мир. Вып. 9.)

34. Обломский А.М. Предварительные итоги раскопок могильника гуннского времени у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2008.

35. Обломский А.М. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. II. Lublin, 2008.

36. Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2009.

37. Обломский А.М., Усачук А.Н. Технология изготовления гребней в Замятино-5 и Замятино-8 и мастерские гребенщиков // Острая Лука Дона в древности...

38. Симоненко А.В. Еще раз о рвах на сарматских могильниках Северного Причерноморья // Старожитности I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.

39. Терпиловский Р.В. Социально-экономический аспект исследования материалов Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в древности...

40. Толмачева М.М. Результаты металлографического изучения кузнечных изделий памятников Замятинского археологического комплекса // Там же.

41. Флёрв В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. — IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. — XIV в. н.э. М., 2007.
42. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V — первой половины VI в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. IX.
43. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке Симферополь; Керчь, 2004. (Боспорские исследования. Вып. VI.)
44. Шарова О.А. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы VI научной конференции 28 февраля — 3 марта 1995 г. Калуга, 2004.
45. Шишкин Р.Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.
46. Martin M. Grabfunde des 6. Jahrhunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG // Archdologie der Schweiz. 1988. 11.
47. Teiral J. Neue Aspekte der frühvolkerwanderungszitlichen Chronologie im Mitteldonaunum // Neue Beitrage zur Erforschung der Spdtantike im mittleren Donaunum. Brno, 1997.
48. Vinski Z. Zikadenschmuck aus Jugoslavien // Jahrbuch der RGZM. Mainz. 1957, 4.

И.С.Слепцова (Кызласова)*

Основные направления полевых исследований в рамках «Русской этнографической экспедиции»

Проект «Русская этнографическая экспедиция», реализуемый отделом русского народа Института этнологии и антропологии РАН [1], является продолжением проекта «Комплексная экспедиция по изучению народной культуры русских в регионах России» [2].

Основной целью экспедиции является формирование источниковой базы для дальнейших научных исследований по конкретным темам, которые разрабатываются его участниками. Поэтому вопросы, связанные с получением информации в ходе полевых работ, — *выявление новых источников, создание новых методик и их апробация, а также выяснение достоверности и валидности собранных материалов* — составляют важную часть экспедиционной работы.

Одним из традиционных способов сбора материалов, сохранившим свое значение и в настоящее время, остается углубленное интервью. Каждый участник проекта разработал программы и вопросники по изучаемым проблемам. Часть из них опубликована [3]. С помощью исследовательского интервью можно собрать сведения не только о конкретных явлениях (например, праздниках, обрядах, каких-либо событиях), но и, что не менее важно, отразить рефлексии информатора по их поводу. Современное понимание интервью (опроса) как диалога между информатором и собирателем-исследователем заставляет учитывать фактор влияния интервьюера на характер сообщаемой информации. В последние годы интервью записываются на цифровые или кассетные диктофоны. Это с гораздо большей достоверностью фиксирует эмоциональные реакции информатора на вопросы собирателя (смех, удивление, непонимание и проч.), а также диалектные особенности языка носителя традиции, что, несомненно, увеличивает информационный потенциал интервью как источника.

Большое внимание мы уделяем конкретным условиям проведения интервью. Присутствие наблюдателей, их статус, реакции в определенной мере лишают интервью «интимности» и влияют на степень открытости информатора, его желание сообщать о себе или других какие-либо подробности. Но это же обстоятельство может оказаться стимулом для наиболее полного раскрытия им своих знаний и талантов, чтобы получить социальное одобрение, продемонстрировать свою компетентность перед лицом значимого Другого, в роли которого выступают как близкие информатора, так и интервьюер (собиратель).

Кроме того, достоверность полученных материалов зависит от личности и позиции самого исследователя и методов фиксации беседы. Наиболее информативным является запись интервью на видеокамеру: она дает исчерпывающую картину коммуникации между исследователем и информатором, позволяя

* Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна — старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, руководитель проекта «Русская этнографическая экспедиция» (10-01-18035е).

увидеть их взаимные реакции и влияние. Однако видеозапись оказывается одновременно и одним из наиболее мощных факторов, непосредственно воздействующих на ход и результаты интервью. «Рассказывание» перед камерой часто понимается информатором как публичное выступление, которое может быть воспроизведено в разных ситуациях, в том числе показано по телевидению. Это обстоятельство включает «внутреннюю цензуру», т.е. заставляет человека при отборе и подаче информации ориентироваться на личные представления о желательном и недопустимом в публичном пространстве и на соблюдение социальных норм. Поэтому интерпретация полученных таким образом данных требует особенно пристального внимания к личности информатора и учета контекста интервью.

Использование меморатов в качестве источника стало причиной интереса непосредственно к личности информатора (носителя традиции, исполнителя), истории его жизни, исследованию его ментальности. Перспективным направлением является одновременный опрос нескольких поколений одной семьи, что позволяет лучше понять как происходящие в традиционных представлениях и системе ценностей изменения, так и причины их сохранения. Устные рассказы требуют особого анализа в силу того, что они не совсем адекватно отражают действительность, поскольку описываемые в них события, как правило, отстоят от времени интервью на больший или меньший период времени и нередко рассказ о них содержит различные искажения, связанные с механизмами функционирования памяти.

Экспериментальным методом работы, который имеет свою специфику, является проведение импровизированной прогулки по описываемой местности или просмотр планов местности. При этом актуализируются ассоциативные связи между разными фактами, и вспоминание одного из них влечет за собой восстановление в памяти других, соединенных с ним по тому или иному принципу. В этом случае «первый» факт выступает в качестве своеобразного «пускового механизма», активизирующего процесс вспоминания. Таким образом, визуальные образы стимулируют процесс воссоздания в памяти, казалось бы, давно забытых фактов.

Таковую же роль играет и демонстрация информаторами старых и новых фотографий, сделанных самими носителями культуры, и комментарии к ним. Они служат одним из источников для исследования как культурного феномена, запечатленного на снимке (например, свадьбы, похорон, застолья, ряженья, пляски и проч.), так и для понимания ментальных установок рассказчика. Причем в меморатах происходит реконструкция не только более или менее существенных деталей, но и целых сюжетов, которые в других обстоятельствах оказались бы вне поля зрения исследователя. Изучение фотографий, представленных в интерьере дома, служит дополнительным средством для анализа аксиологических представлений, поскольку сюжеты фотографий отображают наиболее значимые моменты в жизни индивида или семьи.

Еще одним новым методом сбора полевых материалов, в первую очередь по традиционной культуре, является реконструкция обрядов при помощи носителей традиции и их фиксация на видео. Использование этого метода дает возможность увидеть множество деталей, которые не выявляются при обычном опросе. В частности, эмоциональные реакции на происходящее

(в том числе словесные комментарии) и кинесику, характерную для реконструируемой ситуации. Также представляется перспективным воссоздание ситуации бытования (исполнения) тех или иных фольклорно-этнографических форм (например, детского и материнского фольклора, игр, некоторых недавно бытовавших обрядов).

Для отображения современного состояния народной культуры наряду с интервью важны и другие способы получения информации, в частности включенное наблюдение, например присутствие при совершении тех или иных обрядов. Особенно интересны в этом плане записи, сделанные самими носителями традиции для собственных нужд (например, съемка свадеб, юбилеев, дружеских вечеринок, редко — похорон), поскольку в них отражается взгляд «изнутри», не учитывающий присутствие исследователя и не искаженный желанием соответствовать социальным стандартам.

Решение некоторых проблем возможно при помощи анализа массовых материалов, для получения которых применяется анкетирование. Например, С.А.Иникова собрала значительный статистический материал в Рязанской области, отражающий степень знания людьми разных половозрастных групп различных сторон традиционной культуры и включенность в нее, структуру бюджета, формы досуга, степень воцерковленности и понимания православных догматов, а также вопросы самосознания, соотношения локального и общероссийского самосознания. И.А.Морозов и автор этой статьи такую работу проводили среди старшеклассников и студентов в Тольятти и Ульяновске, а также в сельских районах Ульяновской области по темам «Роль игровых факторов в формировании личности» и «Социокультурные факторы игровых взаимодействий».

Важную роль для создания корпуса источников играет фотосъемка, которая сохраняет визуальный образ окружающего мира. Для понимания функции культурных и природных объектов необходима их фиксация в естественном бытовании, однако не менее важна фотосъемка предметов, вышедших из активного употребления, которая не только помогает ознакомиться с бытовавшими ранее реалиями, но и выявить способы их использования, а также культурные смыслы, приписываемые вещам. Благодаря копированию фотографий из частных собраний и местных музеев (школьных, краеведческих) удастся значительно пополнить иллюстративную базу как во временном (иногда удастся найти дореволюционные фотографии), так и в географическом отношении.

Изучение различных музейных и архивных собраний нашей страны и ближнего зарубежья продолжает оставаться традиционным способом сбора материалов, который позволяет расширить хронологические рамки исследований, увидеть наиболее общие и устойчивые черты изучаемых явлений, а также их динамику.

Таким образом, в ходе экспедиционных изысканий создана и продолжает постоянно пополняться новыми материалами источниковедческая база для написания монографий, статей и докладов по разнообразной тематике, для создания электронных баз данных, видеопрезентаций, этнографических видеофильмов и т.п. В последние годы значительно изменилась тематика исследований участников проекта, которая наряду с традиционными для этногра-

фии направлениями (например, этническая история и формирование этнической территории, традиционные формы духовной и материальной народной культуры, сохранение традиций и т.п.), включает все больше новых. Среди последних необходимо отметить проблемы, связанные с актуализацией различных форм самосознания русских (этнического, профессионального, локального и др.) и его отражения в культуре.

Представляется актуальным изучение правосознания и правовой практики сельского населения, новых форм хозяйства, состояния религиозности. Присутствие значительного числа мигрантов из стран бывшего СССР (как русских, так и людей других национальностей) выдвинуло на первый план необходимость исследования межэтнических и межнациональных отношений, механизмов адаптации мигрантов в новых культурных и экономических условиях, что имеет практическое значение для принятия оптимальных решений в ходе модернизации в современной России. Новым направлением является изучение личности и способов ее репрезентации с точки зрения этнологии. Исследуется также проблема выявления и описания историко-культурных ареалов в различных регионах заселения русского народа, в том числе за рубежом.

Обозначим некоторые конкретные проблемы, над которыми работают участники проекта.

Приоритетное значение имеет изучение *праздничной культуры*, которая является проявлением многих важных сторон народного мировоззрения. В той или иной степени эта тематика затрагивалась всеми участниками проекта. В их работах были реализованы различные подходы к данному феномену: рассматривались историко-культурные аспекты развития праздников, их генезис и эволюция, локально-региональная специфика, психологическое переживание праздничного времени и его значимость для становления личности [13, 15, 17, 19, 26, 27, 28].

Т.А.Листова проводила изучение современных общественно-религиозных праздников. Нераздельность в организации праздников была нормой для дореволюционной России. В настоящее время представляется интересным выявить возможности и формы объединения церкви и светского общества в организации и проведении массовых мероприятий, а также соответствие их духовным и идеологическим настроениям и потребностям общества в целом. Собранные материалы показывают реальность существования в наши дни общественно-религиозных праздников, а также своеобразное отражение в них идейной многослойности российского общества [15]. Праздничная культура советского периода, а также современные праздничные формы у русского населения Архангельского Севера изучала А.В.Фролова [27]. Особое внимание уделялось сравнению традиционных форм народной культуры: обрядов, обычаев, фольклора, религиозных представлений, в первую очередь связанных с праздниками, с их трансформациями под влиянием новых социально-политических условий.

В рамках изучения региональных культур проводился сбор материалов по календарным, семейным и окказиональным праздникам. В Ульяновском Присурье эту работу вели И.А.Морозов и автор этой статьи [6], а в регионах позднего русского расселения (юг Европейской части страны,

Украина, Румыния) — С.А.Иникова и В.А.Липинская [13, 28]. Основной целью экспедиционной работы было определение факторов, влияющих на сохранение или трансформацию праздников, их функции в современной жизни села, а также выявление этнокультурных влияний со стороны местного населения.

Роли и месту игры в структуре народного праздника были посвящены полевые исследования И.А.Морозова и автора этой статьи. Мы изучали зрелищно-игровую сторону праздника (гуляния, силовые противоборства, соревнования и драки), празднично-игровые формы поведения (озорство, «ломание», балагурство), социализирующую функцию праздника и игры (совместные развлечения взрослых и детей) [6, 18, 22].

Большое внимание было уделено рассмотрению различных аспектов *православной культуры*. Одной из основных проблем было и остается изучение роли православия в качестве фактора этнической и национальной самоидентификации. Собранные Т.А.Листовой материалы дают новое представление о соотношении в реально существующей сейчас модели православия традиций прошлого и современных веяний, о региональных и локальных особенностях их функционирования [16].

Влияние иног этнического, культурного и конфессионального окружения на секту молокан на Украине и в Румынии рассматривалось в работах С.А.Иниковой и В.А.Липинской. Прослежены изменения в религиозном быту и доктрине скопцов, проживающих на территории Румынии (фото 1). Для сравнения привлечен материал о русских в Закавказье [13, 28].

Фото 1. Служба в церкви с. Сарикей Тульчинский у. Румыния.
Фото С.А.Иниковой

Семья и семейная обрядность традиционно занимали важное место в исследованиях участников проекта. Ставилась задача не только восполнить наши знания об обрядовой специфике обследованных областей, но и в дальнейшем использовать материалы для рассмотрения этнической истории русских, а также культурных взаимовлияний в местах их контактного проживания с другими народами. При сборе материала обращалось внимание на факторы (социальные, религиозно-нравственные), влияющие на трансформацию культурных явлений. Одним из основных аспектов разработки данной темы было рассмотрение бытующих обрядов и обычаев в контексте современного отношения к семье и семейным ценностям (Т.А.Листова). Современную семью с точки зрения традиционного права (демографическая ситуация, формы брака, брачно-семейные отношения, проблема безработицы и ее влияние на устойчивость семьи, современная экономика выживания сельской семьи) изучала С.С.Крюкова [10].

Проводимое исследование культуры материнства предусматривает выяснение специфики концепции воспроизводства населения в разные периоды послереволюционной России вплоть до наших дней. Особое внимание уделялось выяснению влияния церкви и христианских религиозно-этических постулатов на поведение современных женщин. Кроме того, изучался весь круг обрядов и обычаев, связанных с рождением детей и уходом за ними, материнский фольклор, способы воспитания, в том числе игровые [6, 14].

Одной из первостепенных задач на данном этапе является изучение *крестьянского хозяйства*, не только как компонента материальной культуры, но и его духовно-обрядовой составляющей (земледельческих и скотоводческих обрядов, магии, народных знаний и поверий). Процессы, протекавшие в крестьянском хозяйстве, оказывали и продолжают оказывать определяющее влияние на культуру русского народа, крестьянскую в своей основе. Это особенно видно на примере процесса раскрестьянивания, который привел практически к утрате традиционной культуры.

Крестьянское хозяйство необходимо рассматривать как целостную систему, все части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. С этой точки зрения подходит к изучению хозяйства С.А.Иникова. Стараясь проследить процесс развития хозяйства на протяжении XX в. (на материалах Рязанской области), она основное внимание уделяет 1960-м гг., которые были отмечены кардинальными реформами [7]. Интересные материалы по данной проблеме получены во время полевых исследований компактных групп русского населения, проживающих в иноэтничном окружении и в разных природно-климатических условиях: у липован Румынии и духоборцев Закавказья [28]. Выявились не только региональные особенности, но и общие закономерности, которые характерны для крестьянского хозяйства как в Рязанской области, так и в Румынии, Грузии и Азербайджане, что позволяет говорить об их обусловленности общими цивилизационными процессами.

Правовые аспекты современного землепользования и тенденции развития земельных отношений в современном селе изучала С.С.Крюкова [9]. Основное внимание было уделено тому, как в крестьянском социуме на основе традиционного права решаются проблемы владения, купли-продажи, приватизации и наследования земли. При этом важно было выявить влияние ры-

ночной экономики на повседневную жизнь современного крестьянина, показать источники бюджета сельского жителя, хранение и распределение заработка, кредитные и долговые отношения.

Продолжались полевые исследования народной культуры в отдельных регионах, целью которых являлось описание локальных и региональных ее разновидностей во всей их полноте. Мы изучали историю формирования локальных групп русского народа, выявляли специфические черты культуры, определяли место локальных групп в общей системе русской традиционной культуры. Такую работу в Ульяновском Присурье вели И.А.Морозов и автор этой статьи [6]. Аналогичный подход использовался в работе В.А.Липинской по изучению культуры русского народа в регионах позднего расселения (юг Европейской части страны, Украина, Румыния). В ходе полевых исследований анализировались проблемы выживания в условиях иных экологических условий, сохранения самосознания и трансформации народных традиций [13].

Изучением локальной истории в сознании современных городских и сельских жителей (село, районный и областной центр) занимался П.С.Куприянов. Основная тема исследования — историческое пространство современного города и деревни — рассматривалась в нескольких аспектах: формы освоения и использования, визуальные образы и культурные смыслы; коллективная память и повседневные практики, структура и особенности локального текста [12]. Главной целью экспедиционных работ было изучение основных форм и особенностей репрезентации и конструирования исторического пространства в с. Тагай Ульяновской области и в г. Чердынь Пермской области. Анализ собранных материалов позволил выявить основные элементы исторического текста изучаемых населенных пунктов и зафиксировать его ключевые характеристики. Удалось установить, что и в местной устной традиции, и в письменных текстах распространено представление об особой роли данных населенных пунктов в истории России. Местная история изображается в виде несколько искаженного отражения «большой», общероссийской истории. Это представление опирается на известные имена исторических деятелей, которые так или иначе связаны с местным краем (фото 2).

Целью полевых исследований С.С.Крюковой в последние годы был сбор материалов по теме «Правовая культура современного сельского мира России» [8]. Главными задачами были фиксация и осмысление происходящих в сельском мире изменений, обусловленных аграрными реформами и всеми радикальными преобразованиями в России последних десятилетий. Исследование опиралось на методологические установки юридической антропологии — науки о плюрализме в праве. Данный подход предполагает отказ от сугубо позитивистской трактовки категории «право» и рассматривает его как феномен культуры и ментальности общества. Сбор и комплектование материалов осуществлялись по следующим основным направлениям темы: семья и семейное право; земельно-хозяйственные и имущественные отношения; конфликты, девиантное поведение, преступления и наказания; правовое и юридическое сознание сельского населения и место судебных, правоохранительных и административных органов власти в жизни села. Исследование показало наличие в сельском сообществе многообразных правовых коллизий

Фото 2. У «Ямы Романова» в дни памяти М.Н.Романова в поселке Нырб Чердынского района Пермского края. 19 сентября 2009 г.

Фото П.С.Куприянова

и механизмов их регулирования. Значительная их доля разрешается жителями села, минуя ступени официальной юстиции. Кризисное состояние сельской экономики еще более усугубляет ситуацию, способствуя изоляции сельского социума в саморегулируемый организм.

Новым направлением являлось исследование личности в этнокультурном и этнопсихологическом аспекте, проводившееся И.А.Морозовым и автором этой статьи на материалах празднично-игровой культуры. Собранные сведения позволили выявить влияние игровых факторов на формирование и развитие личности, на определение жизненных стратегий человека, а также показать те игровые способы, при помощи которых человек мог воздействовать на социальную среду для достижения своих жизненно важных целей. В традиционном обиходе владение арсеналом игровых средств резко повышало способность бесконфликтного разрешения многих жизненных ситуаций. Этим, видимо, объясняется такое изобилие «игровых тренингов» (подшучивания, розыгрыши, разнообразные языковые игры и т.п.), практиковавшихся в традиционном быту с раннего детского возраста [19, 20, 22, 24].

Еще одним аспектом изучения личности было исследование внешних проявлений в традиционном и современном быту «пространства личности», которое мы понимаем как совокупность всех позитивных и негативных опытов «присвоения окружающего», способствующих формированию индивидуального сознания. Одним из материальных отражений «пространства лич-

ности» являются способы оформления и заполнения домашних интерьеров. Изучение предметной среды открывает новые возможности для понимания личности человека, поскольку в оформлении мест обитания ярко проявляются его жизненные интересы и приоритеты, моральные принципы, пристрастия, привычки и другие личностные характеристики [23].

И.А.Морозов ставил перед собой задачу изучить функции и роль куклы в развитии личности, ее культурную символику, социальные, повседневные и обрядовые взаимодействия человека и куклы как вещи, а также возможности формирования при помощи этой вещи системы взаимоотношений между членами группы или социума (социальное конструирование > межпоколенная передача ценностей > традиция) [21] (фото 3).

Фото 3. П.И.Миллионова и А.Н.Фокина демонстрируют изготовленную ими свадебную куклу. С. Ясачный Сызган Ульяновской области.

Фото И.А.Морозова

В рамках гендерных исследований И.А.Морозов изучал специфику «мужской картины мира», приоритеты стратегий мужского поведения, «мужской логики», кинеснику и др. Основное внимание уделялось мужским поведенческим, ментальным, языковым реакциям, а также обусловленности этих реакций этнокультурными факторами [18, 25].

Работа И.М.Денисовой была посвящена выявлению архаических пластов мировоззрения в народном изобразительном искусстве и их параллелям в обрядности и фольклоре. Одним из направлений является изучение архаических представлений о мироздании в русской народной культуре [4, 5].

Таким образом, конкретные темы, изучаемые участниками проекта в ходе полевых работ, разрабатывались в нескольких аспектах — культурно-историческом, ареальном, этносоциальном, этнопсихологическом, этнодиалектном.

Примечания

1. Проекты РГНФ № 05-01-18027е, 06-01-18135е, 07-01-18004е, 08-01-180008е, 09-01-18013е.
2. См.: Слепцова И.С. Полевые исследования отдела этнологии русского народа Института этнологии и антропологии РАН // Вестник РГНФ. 2003. № 3. С. 208–218.
3. Традиционная народная культура русских: Сборник программ и вопросников для этнографических исследований // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1997; Кызласова И.С., Морозов И.А. Программа по собиранию народных игр // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора. М., 1999. С. 142–169.
4. Денисова И.М. Забытый символ в русском народном искусстве // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 670–719.
5. Денисова И.М. Фольклорный образ острова/камня в русской народной культуре (поиски семантических истоков) // Этнографическое обозрение. 2009. № 6.
6. Духовная культура русских Ульяновского Присурья: Материалы к этнодиалектному словарю. Ульяновск: Изд-во УГПУ. Вып. 6. 2007; Вып. 7. 2008; Вып. 8. 2009.
7. Иникова С.А. Крестьянское хозяйство // Русские Рязанского края. М.: Индрик, 2008.
8. Крюкова С.С. Крестьянская правовая культура в символах: знаки собственности // Русские Рязанского края. Т. 1. М.: Индрик, 2009. С. 292–303.
9. Крюкова С.С. Крестьянская усадьба и ее границы в русской деревне второй половины XIX в.: культурно-правовые аспекты // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009.
10. Крюкова С.С. Сельская семья // Русские Рязанского края. Т. 2. М.: Наука, 2009. С. 13–55.
11. Крюкова С.С. Современная сельская семья России: традиционный идеал и новая реальность // Етнічна історія народів Європи (Этническая история народов Европы). Вып. 25. Киев, 2008.
12. Куприянов П.С. Историческое пространство современного села: глобальные аспекты локального текста // VIII Конгресс этнологов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.): Тезисы докладов. Оренбург, 2009. С. 441.
13. Липинская В.А. Русские старообрядцы в Румынии. XX в. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2004. С. 73–85.
14. Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские: история и современность. М.: АСТ; Олимп, 2008. С. 433–482.
15. Листова Т.А. Общественно-религиозные праздники на русско-белорусском пограничье («свеча», «Божья свеча», «гулять икону») // Традиции и современность. 2008. № 8.
16. Листова Т.А. Православная атрибутика в русской народной культуре // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 575–615.
17. Мировоззрение и культура севернорусского населения / Отв. ред. И.В.Власова. М.: Наука, 2006.

18. Морозов И.А. Игровые сообщества: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 69–84.
19. Морозов И.А. Праздник: «внутреннее» и «внешнее» // Морфология праздника. Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 95–105.
20. Морозов И.А. Пространство личности в визуальных фиксациях (этнопсихологический подтекст детских игровых сооружений) // Аудиовизуальная антропология: теория и практика: Сборник статей. М.: МГУ ТЕИС, 2008. С. 183–210.
21. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Индрик, 2010.
22. Морозов И.А., Слепцова И.С. «Пространство личности» и пространство игры: ситуативный анализ // Ситуативная адекватность. Интерпретация культурных кодов: 2009 / Сост. и общ. ред. В.Ю.Михайлина. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2009. С. 108–139.
23. Морозов И.А. Слепцова И.С. Репрезентации пространства личности в русской культурной традиции (на примере интерьера) // Искусство и наука в современном мире: Материалы Международной научной конференции (Москва, 11–13 ноября 2009 г.). М., 2010.
24. Морозов И.А., Слепцова И.С. Социорегулятивные функции игры в севернорусской крестьянской общине (XIX–XX вв.) // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. С. 244–290.
25. Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А.Морозов. М.: Индрик, 2007.
26. Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А.Иникова. Т. 1–2. М.: Индрик, 2008.
27. Фролова А.В. Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века / Отв. ред. М.Ю.Мартынова. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009.
28. Inikova S. The Dukhobor and Molokan Ethno-Denominational Groups // Russian Studies in History. Winter, 2008. 8. P. 78–96.

*А.Б.Бильдюг, А.Г.Бобров, А.Н.Власов, Т.Б.Карбасова**
Экспедиция на Северную Двину в 2009 и 2010 годах

Фольклорно-археографическая экспедиция ИРЛИ РАН работала в Красноборском, Верхнетоемском и Виноградовском районах Архангельской области [1]. Кроме исследования современного состояния фольклорной и рукописно-книжной традиций Северной Двины, перед участниками экспедиции стояли задачи разыскания архивных фольклорно-этнографических материалов в местных музеях и хранилищах, а также материалов по народному искусству этого региона [2]. Ниже будут рассмотрены только археографический и архивоведческий аспекты работы.

Археографическое обследование Северной Двины ученые Пушкинского Дома начали в 1960 г. после поездки А.М.Панченко в Красноборский район. Найденные тогда рукописи стали основой Красноборского территориального собрания Древлехранилища им. В.И.Мальшева. Археографическое открытие среднего течения Северной Двины, т.е. Верхнетоемского и Виноградовского районов Архангельской области, в 1970–1971 гг. сделали студенты-филологи Университета под руководством Н.С.Демковой (фото 1). В 1972–1978 гг. районы среднего течения Северной Двины ежегодно обследовали экспедиции под руководством В.П.Бударагина, а начиная с 1979 г. — экспедиции Университета. В 1990-х гг. археографическое изучение Северной Двины было приостановлено по причине отсутствия государственного финансирования. Лишь в 1994–1995 гг. удалось организовать работу благодаря гранту Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). В итоге к рубежу столетий в Древлехранилище оказалось сосредоточено 1510 рукописей XV–XX вв., сохранных или переписанных на Северной Двине. Несколькими сотнями исчислялись печатные книги XVI–XX вв., также найденные на берегах Двины и поступившие на хранение в Отдел редких книг и рукописей Библиотеки Университета.

Параллельно с формированием территориального собрания сотрудники Института проводили непрерывную работу по изучению северодвинской книжно-рукописной традиции. В результате были выявлены имена старообрядческих переписчиков, переплетчиков и рисовальщиков [3], введены в научный оборот такие понятия, как северодвинские лицевые сборники [4], «пучужские» лицевые святцы. Появилась возможность изучения отдельных крестьянских библиотек и архивов (коллекция В.М.Амосова — А.Ф.Богдановой, архив Шестаковых, архивы Истоминых и Задорных) [5].

* **Бильдюг Арина Борисовна** — младший научный сотрудник Древлехранилища им. В.И.Мальшева Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (ИРЛИ РАН), руководитель проекта «Рукописно-книжная и фольклорная традиции Северной Двины (экспедиция в Красноборский, Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области)» (09-04-18032е).

Бобров Александр Григорьевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН, исполнитель того же проекта.

Власов Андрей Николаевич — доктор филологических наук, заведующий Отделом русского фольклора творчества ИРЛИ РАН, исполнитель того же проекта.

Карбасова Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН, исполнитель того же проекта.

Фото. 1. Нижняя Тойма (Верхнетоемский район Архангельской области).
Фото А.Балакина

Отчеты последних экспедиций ИРЛИ в Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области сообщали о том, что старообрядческая традиция постепенно угасает. Однако в 2009 г., спустя много лет после публикации этих сведений, было решено вновь отправиться именно на берега Северной Двины. Одним из важных факторов в пользу этого решения стало то, что объем материала по рукописно-книжной традиции Северной Двины, находящийся в Древлехранилище ИРЛИ РАН, а также степень его изученности придавали значимость любому новонайденному фрагменту рукописи. В ходе экспедиции намечалось несколько интересных «археографических точек», о которых и пойдет речь ниже.

Собрание в Древлехранилище им. В.И.Мальшева архива известных северодвинских переписчиков и рисовальщиков, старообрядцев-филипповцев, Прокопия Фомича и Николая Прокопьевича Шестаковых имеет долгую историю. Архив пополнялся в результате экспедиций 1960 и 1971 гг. [6], в 1983 г. удалось получить 162 рукописи XVI–XX вв. и одну старопечатную книгу XVIII в. [7]. Оставшиеся материалы были переданы в Пушкинский Дом в 1984 г. [8]. Архив содержит рукописи, переписанные самими Шестаковыми, различные прошения, договоры, рисунки начала XVIII – середины XX в. Большую часть архивных документов составляют письма, в том числе письма членов семьи Шестаковых с фронтов Гражданской и Великой Отечественной войн.

В этой экспедиции история архива была продолжена. В д. Изосимово (Прокино) Красноборской группе удалось встретиться с потомками старообрядцев Шестаковых. Они разрешили «покопаться» в тумбочке, где отыскалась старопечатная книга XVIII в. Затем на чердаке среди мусора и хлама были обнаружены «рукописные листочки»...

Из дома Шестаковых экспедиция привезла 47 находок. Значительную их часть составляют фрагменты, как правило, богослужебных сборников. Большая часть найденных рукописных материалов относится к XIX в., но есть и более ранние, как, например, отрывок Месяцеслова конца XVII — начала XVIII в. Среди находок важно упомянуть также фрагменты послания о способах примирения между старообрядцами феодосиевского и филипповского согласий, полученного, как указано, от «феодосиевских настоятелей в Преображенском кладбище» (начала XX в.), Сказание о 12 снах Мамера (начала XX в.), фрагменты сборников духовных стихов и заговоров. Самая ранняя полная рукопись, привезенная из дома Шестаковых, — Травник конца XVIII — начала XIX в.

Особенно интересная часть находок, обнаруженная на чердаке дома Шестаковых, — 26 писем, среди которых письма бытового содержания Н.П.Шестакова своему отцу П.Ф.Шестакову, письмо 1914 г. от Егора Игнатьевича Меньшикова (северодвинского мастера по росписям прялок, писца и переплетчика рукописей) П.Ф.Шестакову. Отдельную группу составляет переписка 1914–1916 гг. Николая Прокопьевича Шестакова и его родственника Федора Федоровича Смирнова, находившегося в эти годы на фронте. находка в доме Шестаковых оказалась большой удачей, так как дополнила уже имеющиеся материалы по старообрядчеству верхнего течения Двины.

Другие находки экспедиции в Красноборском районе также оказались связаны со старыми адресами. Рукописный Канон перед Тихвинской иконой Богородицы во фрагменте конца XIX — начала XX в., а также листок с текстами заговоров «от родимцу», от грыжи, «от зубов» конца XIX в. удалось по счастливому стечению обстоятельств буквально откопать из мусора в одном из домов Цивозера в д. Большой Двор. Когда-то в этом доме располагалась старообрядческая моленная, отсюда в свое время в Институт поступили остатки библиотеки староверов Колотовых [9].

Всего в Красноборском районе экспедиция получила 50 рукописей. Кроме того, были сделаны цифровые копии двух рукописей, которые жители предпочли оставить у себя. Одна из них представляет собой лицевой сборник начала XIX в., который можно поставить в один ряд с лучшими образцами северодвинских сборников, находящимися в собраниях Древлехранилища, РНБ и БАН (фото 2).

Создание цифровых копий рукописей в подобных случаях, а также фиксирование владельческих записей и помет на листах рукописных и старопечатных книг входили в задачи экспедиции. Таким образом рукописи, с согласия владельцев, могут быть поставлены на учет и введены в научный оборот.

Еще одной важной «археографической точкой», но уже в среднем течении Двины, традиционно была Пучуга, где проживало много староверов, а до 30-х гг. действовала «общественная молельня». Сейчас в деревне живут два старообрядца, которые считают, что традиция прервется вместе с ними, так как передавать ее некому: их дети — «мирские» люди (фото 3, 4).

Фото 2. Разворот северодвинского лицевого сборника. Фото А.Савкина

Укажем здесь, кстати, также на то, что во всех обследуемых районах Двины начали стираться и воспоминания о старообрядцах. Раньше на Двине жили старообрядцы «высокой» (или «кокшарской») веры («высокой чашки»), т.е. филипповцы, и «низкой» веры («низкой чашки»), т.е. поморцы («брачники») [10]. Сейчас ни один из рассказчиков не смог точно определить, что такое «высокая вера»: «Не старoverы, а «высшая» вера была — еще выше старoverов. Они сами с собой молились, отдельно». (П.А.Сивков, 1933 г.р., Нижняя Тойма). А то и просто смешивали понятия: «Две чашки... Общались они. Та идет со своей чашкой, та — со своей. И чай пьют». (Фалилеев В.Ф., 1928 г.р., Борок).

В Пучуге в дар Древлехранилицу был передан настенный лист «О славе небесной и радости праведных вечней», который, как определил В.П.Бударагин, принадлежит руке известного художника и писца Василия Ивановича Третьякова и дополнил коллекцию его работ в собрании Древлехранилица.

Интересная рукопись была получена в с. Вознесенское Верхнетоемского района. Текст первой четверти XIX в. оказался фрагментом из «Видения Богородицы астраханцу Василию в 1720 г.». В Древлехранилице есть еще только одна рукопись, содержащая этот текст (ср.: Красноборское собр., 1, л. 258 об. — 263 об.).

Из Верхнетоемского района были привезены 6 рукописей и сделаны цифровые копии 6 рукописей.

В Виноградовском районе работа экспедиции велась в двух деревнях, в свое время принесших богатые археографические находки: в Топсе и Борке.

На протяжении трех десятилетий археографы знали о собрании книг в Топсе, в доме наставницы филипповского согласия Марии Спиридоновны Бурмагиной (фото 5), куда стекались, по полученным в разных домах све-

Фото 3–4. П.М. и В.В.Софроновы, одни из последних носителей старообрядческой традиции Северной Двины. Фото А.Балакина

деням, книги со всех концов Северодвинского региона. На протяжении более 50 лет она активно собирала старинные книги и иконы, совершая поездки за многие десятки километров. В 2001 г. М.С.Бурмагина передала свою коллекцию в Пушкинский Дом. Это стало возможно благодаря финансовой поддержке японского профессора Ацуо Накадзава. В результате той экспедиции в Древлехранилище поступили 159 рукописей XVII–XX вв. и 88 старопечатных изданий XVI–XX вв.

Сейчас в заброшенном доме М.С.Бурмагиной ничего, кроме оставленной старообрядческой лестовки, обнаружено не было. Однако удалось пополнить сведения о самой Марии Спиридоновне и ее коллекции.

Фото 5. Дом М.С.Бурмагиной, д. Топса (Виноградовский район Архангельской области). Фото Д.Агафоновой

Другой деревней Виноградовского района, в которой проживало много старообрядцев и где работали книжные мастера, является Борок [11]. Одна из пяти моленных Борка находилась в Скобелях. Дом сохранился, но давно заброшен. Стены бывшей моленной оклеены листами печатных книг, на которых сохранились пометы типа «зри» (фото 6). Подобные же полуустановленные читательские пометы и записи обнаружались на полях фрагментов изданий, найденных на чердаке дома. Сохранились записи с именами Евдокии Гагариной, Ивана Гагарина, Андрея Никитина, а также записи семьи Щипуновых, которая была переселена в этот дом «по бедности» почти сразу после закрытия моленной. Книги, по свидетельству старожилов Скобелей, принадлежали библиотеке моленной. В таком случае найденные фрагменты дополняют сведения о круге чтения борецких староверов.

Фото 6. Комната в бывшей старообрядческой моленной, стены которой последующие владельцы оклеили листами печатных изданий с читательскими пометами полууставом. Фото А.Савкина

Там же, на чердаке были обнаружены 8 писем бытового характера семьи Щипуновых, датированных 1932–1944 гг.

В д. Городок (Борк) удалось не только ознакомиться с остатками библиотеки, которая насчитывает около десятка книг, имеющих владельческие записи, но и получить одну рукопись в дар. Это Месяцеслов середины XIX в. (1850 г., по пасхалии). Почерк и особенно писцовые заставки этой рукописи узнаваемы. В собрании Древлехранилища находятся еще несколько рукописей, выполненных этим, к сожалению, пока все еще безымянным мастером. Интересно и то, что переплет рукописи, по определению В.П.Бударагина, был выполнен Иваном Семеновичем Точиловым, писцом, переплетчиком и художником, жившим в с. Топса во второй половине XIX в.

Всего из Виноградовского района привезены одна полная рукопись и 5 рукописных фрагментов начала XIX — середины XX в., не считая писем семьи Щипуновых.

В 2009 г. были продолжены разыскания фольклорно-этнографических материалов в местных музеях и хранилищах. Группа в составе А.Н.Власова, Е.А.Дороховой, Л.Репиной с этой целью посетила г. Тотму Вологодской области, с. Краснороск и с. Черевково Архангельской области.

Фольклорно-этнографические материалы [12] Тотемского краеведческого музея составляют довольно объемный корпус текстов и, как удалось установить по некоторым записям на них собирателей, все они были предназначены для известного вологодского краеведа М.Б.Едемского, составителя «Свадьбы в Кокшенинге» [13]. Эти материалы имеют научную ценность в

качестве источников при публикации и переиздании трудов краеведа, а также для составления Свода русского фольклора, представляя собой фонд записей на ранней стадии собирательской работы в Тотемском крае.

К более ранним рукописям с записями фольклорно-этнографических сведений в собрании Тотемского краеведческого музея относится тетрадь (н.а. 786) В.Т.Попова «Пословицы и поговорки» 1854 г.; известный этнографический интерес представляют (н.а. 611) черновые наброски книги Д.А.Григорова «Тотьма и ее окрестности» [14]; а также рукопись неизвестного составителя под названием (н.а. 79) «Летопись существования г. Тотьмы».

В научном архиве музея хранятся коллекции записей краеведов, содержащие (н.а. 36) колыбельные песни Биряковской волости Тотемского уезда (записал Ф.Е.Малевинский (1924 г.)) [15]; (н.а. 122, 123) его наблюдения о бытовании частушек в среде молодежи Биряковской волости Тотемского уезда и записи текстов (1929, 1927, 1928 гг.). Там же находятся некоторые материалы краеведа В.Е.Величутина и М.Арсаква. Отдельную коллекцию составляют материалы школьного кружка юных краеведов, действовавшего во время Великой Отечественной войны. Записи выполнены на клочках газет и книг между строками.

К полевым записям последних десятилетий относятся материалы музейных работников, например, (н.а. 583, н.а. 615) о народных праздниках, собрала В.А.Притчина.

При обследовании фондов в Красноборском музее нам удалось обнаружить рукописные материалы по истории быта местного населения, среди них «Исторический очерк о Белой Слуде» неизвестного автора; очерки Н.П.Борисова «Быт северного крестьянства», «Летний день в крестьянской семье» и другие.

В музее также хранятся выполненные сотрудниками музея расшифровки полевых записей на магнитных носителях: Фольклорно-этнографические материалы Новошинского с/с 1992 г., включающие 462 ед. зап.: баллады, протяжные лирические песни, игровые, хороводные песни, шуточные песни, текст коляды, свадебные песни, причеты, частушки, песни позднего происхождения, романсы, детский фольклор (байки, колыбельные, прибаутки, потешки, считалки), загадки, поговорки и многое другое.

В Черевковском филиале Красноборского музея хранятся материалы сказительницы Олимпиады Васильевны Антроповой: песни, сказки, рассказы; историко-этнографические материалы местного краеведа Пономарева, в том числе фольклорные (легенда об атамане разбойничьей шайки Чевоче), автобиографические записи, книга (машинопись) «История Черевковской волости» (Черевково, 1967). В Верхнетоемском районе в музее с. Афанасьевское были обнаружены следующие материалы: тетрадь с записями поговорок и пословиц (собиратель неизвестен); тетрадь с записями частушек Шкрябина Александра Владимировича.

Краткий обзор хранящихся в краеведческом музее фольклорно-этнографических и историко-краеведческих материалов позволяет составить представление о количестве, жанровом составе, репертуаре, принципах фиксации, их

аутентичности, именах собирателей и основных целях собирания. Фондирование и опись этого солидного корпуса документов в настоящее время пока не соответствуют даже простым правилам архивохранения и оставляют желать лучшего. К сожалению, эти материалы, как показывает опыт, практически недоступны местным краеведам и даже региональным (областным) представителям вузовской науки или просто не востребуются ими. Поэтому попытка ввести музейные тексты и историко-этнографические сведения в научный оборот чрезвычайно затруднена, а имеющиеся опыты (в большинстве своем неудачные) использования музейных материалов можно оценить в той или иной мере, обратившись к местным (в том числе областным) изданиям краеведческих сочинений [16].

Фиксация и цифровые копии подобного рода местной полиграфической продукции несомненно важны сразу по нескольким причинам: подавляющее число этих изданий не попадает в поле зрения исследователей, и они почти сразу становятся библиографической редкостью, между тем они могут содержать новые источники по истории культуры края; кроме того, подобные издания достаточно ярко отражают механизмы «саморефлексии традиции» в лице местных авторов и составителей.

Таковы итоги разысканий фольклорно-этнографических материалов, принятых экспедицией в архивах местных музеев.

Важной стороной археографической составляющей работы экспедиции также стала «камеральная» археография. Были сделаны описания коллекций рукописей северодвинских краеведческих музеев. По словам местных жителей, за 1990–2000-е гг. многие книги были вывезены старьевщиками, но часть из них по счастливой случайности все же осела в местных фондах и может быть доступна исследователям.

Если вернуться к истории старообрядчества на Северной Двине, то в данный момент ее можно рассматривать как завершенную. Что само по себе может стать темой отдельного исследования, с привлечением как архивных документов [17], так и современных аудио- и видеозаписей.

Методику экспедиционной работы в новых условиях приходится менять. Но знание именно старых адресов помогло собрать материал, хоть и уступающий по количеству предыдущим археографическим поездкам, но необходимый и находящий достойное место среди северодвинских рукописей Древлехранилища Пушкинского Дома, что, надеемся, нам и удалось показать в статье.

Примечания

1. В составе экспедиции работали фольклористы Ю.А.Балакин, А.И.Васкул, А.Н.Власов, Е.А.Дорохова, Я.В.Зверева, И.В.Козлова, Н.Г.Комелина, Л.Б.Репина, археографы Т.И.Александрова, А.Б.Бильдюг, А.Г.Бобров, Т.Б.Карбасова и трое фотографов: Д.В.Агафонова, А.Ю.Балакин и А.А.Савкин.

2. В составе экспедиции работала сотрудник Русского музея Д.С.Нацевская, специализирующаяся на художественных росписях Северной Двины.

3. Бударагин В.П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // Труды Отдела древ-

нерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1979. Т. 33. С. 401–405; Бударрагин В.П. «А красок и туши с книгами пошли...» (переписка северодвинских крестьян-старообрядцев начала XX в.) // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 363–382; Ивкова Н.Э. Рисунки северодвинского крестьянина В.И.Третьякова в Дрвелехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 700–721.

4. См., например: Белоброва О.А. Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 327–330.

5. Бударрагин В.П. К истории северодвинской крестьянской библиотеки В.М.Амосова // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 471–479; Бобров А.Г., Бударрагин В.П. Археографическая работа Дрвелехранилища имени В.И.Мальшева // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Филология. Литературоведение. Культурология. Лингвистика. Искусствознание. М., 1996. С. 5–20.

6. Демкова Н.С., Сазонова Л.И. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 406.

7. Бобров А.Г., Шухтина Н.В., Якунина С.А. Северодвинская экспедиция 1983 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 418–419.

8. Евсеева И.А., Шухтина Н.В., Якунина С.А. Северодвинская экспедиция 1984 г. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 416.

9. Бударрагин В.П. Северодвинские находки // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 357.

10. Бобров А.Г. Экспедиция на Северную Двину 1989 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 476.

11. В археографическом отношении Борок был открыт Т.Ф.Волковой и Н.Литвиновой. См.: Волкова Т.Ф., Литвинова Н.Н., Рождественская М.В. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 431–436.

12. Например, записи (Д. № 4) [принятый музейный шифр документа] 1915 г. Ал.Сташиловского «Игровые песни в Вельском уезде», содержащие до 20 текстов игровых и хороводных песен, а также их этнографическое описание; Записи (Д. 12) Н.Тюкавина «Свадьба Шуйской волости записано в дер. Жидовины» в 1916 г.).

13. Едемский Михаил Борисович — директор Тотемской учительской семинарии. Едемский М.Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина 1910. (Вып. 1, 2. С. 1–48 (прил.); Вып. 3. С. 49–96 (прил.); Вып. 4. С. 97–137.) То же / Сост. М.А.Вавилова, С.Н.Смоляникова; Отв. ред. С.Ю.Баранов. Вологда: Легия, 2002 (переиздание).

14. Григоров Д.А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. / Под ред. М.А.Безнина. Вологда: Русь, 1995.

15. Малевинский Феодосий Евгеньевич — священник, законоучитель, с. Стрелица Тотемского уезда. Белов С.П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.)... С. 533.

16. Среди местных изданий, например: Кузнецов В.: Корни тотемских фамилий (из серии Краеведческий словарь). Тотьма: Русское устье, 1998; Легенды предания и были Тотемского уезда. Вологда: Изд. «Музей Дипломатического Корпуса», 2005. К разряду любопытных изданий о местном крае относятся три выпуска

«Тотьма. Историко-литературный альманах» (Вып. 1. Вологда: Русь, 1995); «Тотьма. Краеведческий альманах». (Вып. II. Вологда: Русь, 1997); «Тотьма. Краеведческий альманах». (Вып. III. Вологда: Русь, 2001). В Альманахе кроме статей современных авторов-краеведов и сотрудников музея публикуются архивные материалы.

17. См., например: Щипин В.И. Старообрядчество в Верхнем течении Северной Двины. М., 2003.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

*А.Ю.Андреев**

Международная научная конференция «Русско-немецкие университетские связи в XVIII — начале XX века: сотрудничество, взаимное влияние, интеллектуальное пространство» (Майнц, ФРГ, 16–20 июня 2010 г.)**

Инициатором проведения конференции выступила международная группа историков, которая давно и плодотворно разрабатывает проблемы истории университетов Европы и их взаимосвязей. Принимающей стороной стали Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга и его кафедра восточноевропейской истории. Организация форума была поддержана совместным российско-немецким грантом РГНФ и Германского исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft).

В работе конференции приняли участие российские, украинские и немецкие историки, представлявшие университеты Москвы, Казани, Харькова, Галле, Гёттингена, Вюрцбурга, Майнца, а также Германский исторический институт в Москве.

Предметом дискуссий на конференции служило сопоставление университетского пространства Российской империи и Центральной Европы (Священной Римской империи немецкой нации, Германского союза, Германской империи) в XVIII—начале XX в., процессы развития российских и немецких университетов, а также тех феноменов, которые это развитие порождало или стимулировало (например, феномен университетского города).

Одной из целей проведения конференции была подготовка к написанию совместной международной монографии, тематику которой можно обозначить как «Трансфер и адаптация европейских университетских концепций в Российской империи». На раскрытие механизмов трансфера университетских реалий из Германии в Россию, а затем и обратном влиянии (например, в сфере участия женщин в высшем образовании) и была направлена основная часть докладов.

В рамках конференции состоялись три заседания. Первое, вступительное заседание началось с публичной лекции профессора В.Вебера (Вюрцбург) «Университет как европейская идея». Ученый представил обзор вызревания и развития университетской идеи в Европе и ее постепенного воплощения на примере университетов Германии в прошлом и настоящем. Г-н Вебер особенно подчеркнул, что немецкие университеты в XIX в. генерировали набор универсальных образцов, служивших затем предметом адаптации в различных странах Европы. Так называемая гумбольдтовская модель университета, сформировавшаяся в начале XIX в., была квинтэссенцией наиболее общих принципов и пред-

* **Андреев Андрей Юрьевич** — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 10-01-14012г/Д.

ставлений о сути университетского образования, выработанных движением неогуманизма. Ее деятельное влияние простиралось по времени вплоть до конца Второй мировой войны. Фазы развития российских университетов необходимо сопоставлять с «гумбольдтовской моделью», хотя очевидна и значительная разница в возможностях ее усвоения в России по сравнению с Германией. Профессор В.Вебер остановился и на актуальности проблем университетской истории, рассматриваемых на данной конференции, для современного этапа развития университетов в свете их интеграции и так называемого Болонского процесса.

О проблематике конференции рассказали председатели оргкомитета проф. Я.Кусбер (с немецкой стороны) и автор этой статьи (с российской стороны).

Второе заседание конференции было посвящено роли европейских университетских концепций как отправной точки для реформ высшего образования в Российской империи. Модерирование и руководство дискуссией на данном заседании осуществлял к.и.н. А.Доронин (Германский исторический институт, Москва). С обобщающим вступительным докладом выступил проф. Я.Кусбер (Майнц). Предметом его внимания стало соотнесение понятий специального высшего образования и академической свободы в университетах России и Германии, а также рассмотрение этого вопроса сквозь призму изучения уставов и учебных планов высших учебных заведений. Проф. Кусбер сделал вывод о различном наполнении формально идентичных понятий об академических свободах в российских и немецких университетах, из чего вытекали разные, под-

час противоположные направления их развития в один и тот же хронологический период.

Доклад к.и.н. Л.Ю.Посоховой (Харьков) был посвящен определению степени влияния немецкой университетской культуры на православные коллегии Российской империи во второй половине XVIII—начале XIX в. Используя обширный фактический материал, автор показала воздействие немецких традиций на формирование содержания образовательных курсов православных коллегий, обратив особое внимание, в частности, на ход рецепции православным образовательным пространством немецкой педагогической мысли. Автор доклада исследовала списки учебников, использовавшихся в коллегиях, а также академическую карьеру преподавателей, путь которых зачастую проходил через немецкое университетское пространство. Было особо отмечено, что наибольшее влияние на теоретическую базу преподавания в коллегиях оказала университетская философская система Х.Вольфа, а многие видные деятели верхней ступени православного образования (вплоть до ректоров коллегий и архиепископов) были вольфианцами.

В докладе проф., д.и.н. Е.А.Вишленковой (Казань—Москва) был поднят вопрос о так называемом производстве научных идеологий для Российской империи, происходившем в университетах. Базируясь на привлечении широкого круга этнографических источников, связанных с деятельностью университетов, автор рассказала о системе научных описаний народонаселения Российской империи, которыми занимались университетские профессора, особенно в Казани и Харькове. Автор отметила,

что инициатива организации таких описаний принадлежала именно профессорам, прибывшим в Россию из немецких университетов. Соответственно в основу описаний ложилась определенная «матрица», заимствованная из европейской науки, но затем подвергавшаяся многочисленным корректировкам под воздействием местного материала, оформляя тем самым представления о глубоком своеобразии народов Российской империи. Таким образом, сам университет на российской почве, по мнению автора, становился центром создания идеологии, позволявшей скреплять разнородные части империи.

К.и.н. Д.А.Цыганков (Москва) в докладе «Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы» представил важнейшие вехи систематизации процессов управления российскими университетами и сопоставил эти процессы с аналогичными в немецких университетах. Автор предложил типологию российских попечителей по таким признакам, как степень их близости к императорскому двору, вовлеченность в текущее университетское управление, демократичность общения с членами университета. Д.А.Цыганков выделил определенные типы попечителей, такие как «просвещенный вельможа», для которого университет служил полем для реализации собственных идей и представлений о высшем образовании; затем «попечитель-бюрократ», который, напротив, пытался вписать университет в существующие законодательные нормы Российской империи. Автор обратил внимание на важность появления уже во второй половине XIX в. «попечителей из профессоров», кото-

рые зачастую трактовали университет даже в более негативном и ригористическом ключе, нежели «попечители-бюрократы». В целом же общая тенденция в XIX в. состояла в постепенном уменьшении функций и роли попечителя в системе университетского управления, при котором непосредственные рычаги и механизмы принятия решений напрямую переходили в Министерство народного просвещения.

Доклад проф., д.и.н. С.И.Посохова (Харьков) был посвящен исследованию облика университетского города в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в., как его формировали взаимодействие и «общезнательство» российских студентов с немецкими профессорами. Автор особенно остановился на вопросе о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния. Включение в понятие «университетский город» таких категорий, как университетский квартал (подразумевавший особую организацию как городского, так и интеллектуального пространства вокруг университета), места досуга профессоров и студентов, университетские праздники (становившиеся вехами на пути самоидентификации университета), и в целом новые явления на территории самого города (к примеру, разбивка ботанических садов, открытие музеев) и т.д., позволило автору более полно выявить каналы немецкого воздействия и соотнести образы университетских городов в России и Германии.

Исследованию механизмов перенесения университетских идеологий из немецких университетов в Россию был посвящен доклад В.В.Смекаловой (Москва) «Образ европейской науки на страницах газеты Московс-

кого университета “Московские учебные ведомости”». Автор подчеркнула особое значение не только институционального, но и идеологического трансфера из немецких земель, который становился впоследствии каналом для усвоения новых форм и идей европейского образования и предоставлял необходимую концептуальную базу для этого. На материалах периодического издания Московского университета автор показала, как форма этой газеты, заимствованная из университета в Геттингене, приобретала самостоятельные черты российской ученой газеты. Особое внимание в докладе было уделено вопросу о создании на страницах газеты образа университета в глазах общества, что способствовало распространению научных знаний среди публики и в целом повышению его статуса, как «учебного заведения европейского ранга».

Рассмотрение российской периодики под углом отражения в ней истории отечественных университетов и трансфера европейских университетских идей продолжилось в докладе автора этой статьи. Темой исследования стал образ немецкого классического («гумбольдтовского») университета, каким он выступал уже в первые годы своего существования на страницах влиятельных российских журналов 1830–1840-х гг., таких как «Журнал Министерства народного просвещения», «Московский наблюдатель» и «Отечественные записки». Автор показал, что трансляция этого образа в Россию и его влияние через названные журналы на читающую публику и общественное мнение стало возможным благодаря наличию посредников — российских общественных деятелей, находившихся в немецкой университетской среде

и непосредственно впитывавших там идеи классического университета.

Третий день заседаний конференции был посвящен обсуждению проблем, связанных с историей профессоров и студентов как носителей традиций университетской жизни, с одной стороны, а с другой — субъектов приложения готовых университетских концепций и объектов реформирования в академическом пространстве России и Германии. Вел заседание и модерировал дискуссию автор этой статьи.

Доклады к.и.н. А.М.Феофанова (Москва) и А.Каплуновского (Майнц) были тематически объединены рассмотрением биографий немецких профессоров, преподававших в российских университетах в XVIII — первой трети XIX в. В докладе А.М.Феофанова были представлены результаты просопографического анализа более 100 биографий немецких профессоров, побывавших на русской службе. Предметом анализа служили ученыя карьера, занимаемые должности, степень участия во внутренней жизни университета, научная продуктивность и т.д. Автор сделал вывод о несомненно весомом вкладе немецких профессоров в развитие российского университетского образования на его начальном этапе, что выразилось в значительном числе написанных ими учебников, а также дидактических речей, которые транслировали в Россию определенные европейские научные идеи. В XVIII — начале XIX в. объем и число научных сочинений профессоров-иностранцев значительно превышали аналогичный вклад уроженцев России. Ко второй трети XIX в. картина начала меняться, как из-за оттока иностранцев из России на родину, так и благодаря приходу нового поколения отечественных профессоров.

Доклад А.Капуновского продолжил анализ биографий тех немецких профессоров, которые вернулись в Германию после преподавания в российских университетах. Автор исследовал такие вопросы, как возможность и продуктивность продолжения этими профессорами карьеры в Германии, их «ретроспективное» восприятие России и вообще воздействие самого факта их нахождения в России на последующую академическую и личную жизнь на родине. На примере биографий отдельных ярких личностей, таких, например, как Иоганн Баптист Шад или Кристоф Роммель, автор показал, что пребывание в российских университетах предоставляло куда более богатые возможности для общественного признания или продвижения на научном поприще и что, возвращаясь в Германию, эти яркие «светила» становились лишь «одними из многих», пополняли ряды обширного «профессорского рынка» и только в редких случаях могли использовать российский опыт как трамплин для последующей блестящей карьеры на родине.

Структуру взаимоотношений университетских профессоров с властью (в лице университетской администрации или попечителя), а также их внутренние отношения в собственной профессорской среде исследовала к.и.н. Р.Х.Галиулина (Казань). Признаком для ранжирования отношений выступали понятия «наши» и «не-наши», которые активно использовались в устной и письменной лексике профессоров при описании корпоративного быта. Автор отметила, что принадлежность к «нашим» или «не-нашим» определялась исходя не из национальности или проповедуемых с университетской кафедры научных убеждений, а являлась след-

ствием текущей расстановки сил в университете, близости тех или иных профессоров к администрации.

Семейным отношениям и домохозяйству в профессорской среде Харькова первой половины XIX в. был посвящен доклад к.и.н. В.Ю.Иващенко (Харьков). Автор доказательно продемонстрировала проблемы, возникавшие в этих отношениях в связи с европеизацией частного быта. Внешне эти проблемы проявлялись в конфликтах из-за разности вероисповеданий или организации семейного хозяйства, но были и более глубинные противоречия, лежавшие на уровне столкновения двух различных культур поведения и приводившие во многих случаях к разрушению семей, разводам (отношение к которым также было различным у самих немецких профессоров, с одной стороны, и у российских членов их семей — с другой).

Проблема формирования учебной этики в российских университетах первой половины XIX в. была поставлена в докладе К.А.Ильиной (Казань). Для раскрытия этой темы автор исследовала архивные документы, показывавшие различные стороны взаимоотношений профессоров и студентов. К.А.Ильина вскрыла конфликты, возникавшие в силу различных учебных традиций у немецких профессоров, считавших себя основными носителями учебной этики в университете, и их русских студентов. Природу такого конфликта автор объяснила наличием в сознании немецких профессоров определенных пережитков традиционного «корпоративного строя» средневековых университетов, тогда как реалии Российского государства XIX в. ориентировали студентов на новое, более современное восприятие учебного про-

цесса и своих обязанностей по отношению к профессорам.

Заключительные доклады третьего дня заседаний были посвящены проблеме женского высшего образования в российских и немецких университетах XIX — начала XX в. Авторы докладов, проф. Т.Маурер (Гёттинген) и д-р Х.Р.Петер (Галле), каждый со своей стороны, вскрыли различные аспекты этой проблемы, показав теснейшую связь истории университетов двух стран в этом вопросе. Доклад Т.Маурер был посвящен возможностям академической карьеры женщин в университетах, а доклад Х.Р.Петера — проблемам допуска женщин-слушательниц к университетским лекциям. В обоих докладах было подчеркнуто, что университеты и государственная власть в Германии в данном вопросе были вынуждены учитывать более ранний по времени опыт российских университетов, который помогал немецким женщинам-ученым в борьбе за свои права.

Все доклады, заслушанные на конференции, сопровождались многочисленными вопросами и оживленной дискуссией. Выступления на конференции велись на немецком и русском языках, а для российских участников, не владеющих немецким языком, синхронный перевод выполняли автор этой статьи, В.В.Смекалина и А.Каплуновский.

Подводя итоги конференции, ее участники отметили несомненную важность и актуальность обсуждавшейся тематики, необходимость ее более глубокого изучения с привлечением новых источников. Было выражено общее пожелание и в дальнейшем продолжать регулярное обсуждение проблем сравнительной университетской истории на международных форумах с участием российских специалистов.

По результатам конференции будет подготовлен сборник докладов, его издание планируется как на русском, так и на немецком языках.

*М.П.Черная**

XV Юбилейная Западносибирская археолого-этнографическая конференция «Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний» (Томск, 19–21 мая 2010 г.) **

В состоявшейся на базе Томского государственного университета конференции приняли участие свыше 200 ученых из ведущих вузов и научно-исследовательских учреждений России, а также Венгрии, Германии, Казахстана, Монголии, Польши, Украины.

Работа юбилейного форума проходила по четырем основным направлениям: пространство, время, этнос как основные координаты культуры; содержательная характеристика культуры (компоненты культуры, система жизнеобеспечения, соционормативная деятельность, символика культуры); этнокультурное взаимодействие народов региона; междисциплинарный синтез: принципы, подходы, методика.

В пленарных докладах анализировались наиболее актуальные проблемы истории народов Западной Сибири и сопредельных территорий от верхнего палеолита до современности, были предложены теоретико-методологические и методические подходы к интерпретации и реконструкции сложных исторических явлений и процессов.

О роли конференции в развитии западносибирской археологии и этнографии, идея проведения которой на базе Томского университета была предложена В.И.Матющенко и активно поддержана академиком А.П.Окладниковым и В.Н.Чернецо-

вым, шла речь в докладах Л.А.Чиндиной и В.М.Кулемзина. Участие ведущих ученых страны обеспечило разработку магистральных направлений развития археологии и этнографии Западной Сибири. Методологической основой форума стал системный междисциплинарный подход к познанию прошлого урало-сибирских народов. Здесь оттачивали мастерство западносибирские школы археологов и этнографов, среди которых одно из ведущих мест занимала томская, создавшая мощный исследовательский потенциал. Конференция стала своеобразным полигоном для молодых поколений. Многие из тех, кто в 1970–1980-х гг. сделал первые шаги в науке, сегодня стали признанными учеными. За 40 лет конференция выросла до общероссийского и международного масштабов.

Выступая на нынешнем форуме, М.Ф.Косарев поставил проблему исторической интерпретации таких фундаментальных категорий, как пространство, вмещающее исследуемый социум и всю систему его жизнедеятельности, движение — как исторический процесс и время — как меру его поступательности. Изучение фольклора, ритуалов, обычаев сибирских народов, в которых преломляются представления о пространстве, времени, движении и покое, приближают нас к пониманию названных

* **Черная Мария Петровна** — доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета, председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 10-01-14059г.

категорий, не имеющих четких границ, а в ряде случаев — взаимопроникающих друг в друга.

М.В.Аникович предложил не лишней исторической логики вариант интерпретации взаимоотношений между верхнепалеолитическим человеком и мамонтом, которые он определяет как симбиоз или «мирное сосуществование». Эта гипотеза предполагает доверие хоботных к человеку, при котором мамонт подпускал его к себе, что делало возможным при необходимости умерщвлять отдельных животных прямо на стоянке. Автор подчеркнул, что речь не идет о доместикации мамонта, а лишь о специфической форме регуляции взаимоотношений людей и животных, позже утраченной.

Проблемы реконструкции интеллектуального мира и духовной жизни, отраженные в памятниках первобытного искусства (по материалам мелкой пластики) рассмотрела С.В.Студзицкая. Следование принципам неразрывной связи материальной культуры и социально-экономических процессов с духовной сферой, а также интерпретации специфических археологических источников в контексте их нахождения посредством типологического, иконографического, функционального, семантического, семиотического анализа позволяет избежать поспешных, легковесных выводов в определении хронологии, атрибуции, этнокультурной привязки предметов мелкой пластики и шире — в реконструкции мировоззрения их создателей.

Картину грандиозных изменений у народов Западной Сибири на рубеже II—I тыс. до н.э., порожденных экологическим «стрессом», представил В.И.Молодин (фото 1). Резкое похолодание, последовавшие за ним

катастрофическое обводнение и заболачивание тундровой и таежной зон резко сократили территории, пригодные для стабильного обитания человеческих популяций. «Стресс» вызвал лавину причинно-следственных изменений. Мощный «северный поток» мигрантов на юг спровоцировал передвижение населения лесостепей и степей, что можно назвать первым Великим переселением народов, по крайней мере в масштабах северо-западной Азии. Миграции усилили военную опасность и вместе с тем способствовали совершенствованию военной организации, возникновению сложных фортификационных систем и более активному использованию оружия, росту железодельного производства, оптимизации развития комплексного многоотраслевого хозяйства при доминирующей роли скотоводства, возникновению крупных протоцивилизационных по сути центров типа Чичи и др. Сложение новых форм социально-экономического устройства и раннеклассовых отношений породили яркие самобытные культуры скифо-сибирского мира, ничем не уступающие западным европейским сообществам скифов и сарматов.

Проблеме формирования взаимодействия двух различных культурных и социальных моделей эпохи раннего Средневековья: на «Севере» в Западной Сибири — «релкинской» как самостоятельной потестарной формы этносоциального объединения и на «Юге» — тюркской кочевой степной посвятил свой доклад Д.Г.Савинов (фото 2). Потестарные объединения с комплексной экономикой на «Севере» обладали большей стабильностью, чем специализированные государственные образования скотоводов-кочевников на

Фото 1. Выступление академика В.И.Молодина

Фото 2. Ректор Томского государственного университета Г.В.Майер вручает благодарность постоянному участнику конференции, профессору Санкт-Петербургского государственного университета Д.Г.Савинову — внуку ректора ТГУ 1919–1922 гг. Б.Л.Богаевского

«Юге», экономическое положение которых поддерживалось извне системной социально-экономической под-

чинения. Автор затронул вопрос о соотношении дефиниций «потестарное объединение» и «вождество»,

подчеркнув неправомерность перенесения «вождества» на все предгосударственные общества вообще, вплоть до глубокой древности, независимо от хозяйственной и культурной специфики их носителей.

К проблеме формирования и развития городов Семиречья и Южного Казахстана в эпоху Средневековья, развития культурных и торговых связей указанного региона с населением Западной Сибири обратился Н.М.Зиняков. Через систему караванных дорог осуществлялось распределение высокотехнологичной ремесленной продукции в среде сибирских скотоводов, охотников, рыболовов в обмен на пушнину и мускус, а со временем и заимствование отдельных типов среднеазиатского вооружения, украшений, сбруйного и поясного набора.

На двух пленарных докладах прозвучала тема расширения территориально-этнических границ русской культуры. В.Ф.Старков обратился к северорусской поморской культуре, ареал которой, кроме собственно Поморья, занимал три основных зоны удаленных промыслов: север Западной Сибири, Новую Землю, архипелаг Шпицберген. С конца XV в. поморы развернули необычайно активную деятельность по освоению труднодоступных территорий, которая не сводилась только к охотничье-промысловому хозяйству, но была подлинным освоением удаленных районов со стационарными многолетними поселениями и включением освоенных зон в северорусский рынок.

Накопленный поколениями тысячелетний опыт освоения новых пространств и превращения их в «свою землю» получил кульминационное завершение в грандиозном процессе русской колонизации Сибири, чему

был посвящен доклад М.П.Черной. Освоение Сибирского суперрегиона посредством распространения русской культуры стало исторически логичным итогом расширения государственных и этнических границ.

Методические подходы к определению и изучению традиционно-бытовой (народной) культуры были рассмотрены в докладе Н.А.Томилова. К известной четырехсферной типологии культуры, включающей материальную, духовную, соционормативную и культуру жизнеобеспечения, исследователь предложил добавить сферу природно-средовой культуры. Обращаясь к культурному наследию человечества, автор выделил ряд социальных функций, которые оно выполняет в современном обществе, подчеркнул необходимость повышать их взаимодействие.

Я.Хохоровски (Польша) и С.А.Скорый (Украина) предложили свой методологический и методический алгоритм археологической интерпретации минувшей социально-культурной действительности, обратившись к реконструкции семантики сакрального пространства по материалам Большого Рыжановского кургана с могилой правителя-вождя Великой Скифии.

Об экспедициях венгерских ученых конца XIX в. на Восток для выяснения исходной территории (прародины) венгров рассказал И.Фодор (Венгрия). Самой значительной стала экспедиция 1897–1898 гг. в Западную Сибирь, вероятно, колыбель финно-угорских народов. Одним из пунктов сбора археологического, этнографического, лингвистического, фольклорного материала стал Томск и, в частности, коллекции Томского университета. Привезенные материалы, часть которых пода-

рена томскими учеными, хранятся в музеях Венгрии. Благодаря И.Фодору коллекции, вывезенные из Томска, впервые опубликованы в России и стали доступны для исследователей.

В совместном докладе Р.Зайзон и М.Шетшель (Германия) были представлены первые итоги исследовательского проекта об изменении этнического самосознания уральских народов в процессе исторического развития.

Одним из направлений работы конференции стало изучение основных координат культуры: пространства, времени, этноса. Поднимались вопросы о гораздо более широком не только временном измерении, но и культурно-содержательном понимании термина «палеометалл» для Дальнего Востока, объединяющем разнообразие культур с орудиями из бронзы, железа с преобладанием изделий из камня и кости (Д.Л.Бродянский); о необходимости корректировки культурно-хронологической схемы Верхнеобского региона и недопустимости прямой трансляции датировки кочевой атрибутики на таежные и лесостепные археологические культуры (А.С.Васютин); о хронотопе первых сибирских колонистов, предполагающем единство пространственно-временных представлений об окультуривании колоссального края в соответствии с понятиями русского человека XVII в. (А.А.Люцидарская). Ряд докладчиков обратился к разноплановому обсуждению пространства: в ключе системно-экологического подхода к взаимодействию человека и геосреды (А.И.Мартынов, А.М.Хаценович); особенностей организации погребального пространства, связанных с мировоззрением и социальной структурой населения

(А.П.Бородовский); реконструкции мифологического пространства, отразившегося в традиционной культуре путешествия разных народов (А.В.Матвеев); динамики планировочной структуры города, обусловленной закономерностями культурного и этнического развития (А.Ю.Майничева), и др. Характеристика этноса как неотъемлемой части культуры давалась через призму антропологического подхода (Т.Н.Троицкая, А.В.Зубова), антропонимики (С.М.Малиновская), генеалогии (В.Г.Волков).

Содержательной характеристике культуры было посвящено наибольшее число докладов. Ряд авторов (около 20) представили новый материал полевых археологических и этнографических исследований, а также материал из музейных фондов, впервые введенных в научный оборот.

Тон в дискуссии по проблеме культурно-хронологической интерпретации памятников на примере большемысской культуры был задан В.В.Бобровым. Тема выделения археологических культур и определения их пространственно-временных границ продолжилась в ряде докладов (Е.А.Васильев, И.П.Глызин, Л.В.Новых, А.А.Тишкин, С.М.Фокин, С.И.Цембалюк).

В большом числе докладов рассматривалось многообразие компонентов культуры: различные категории инвентаря из камня, кости, рога, керамики, металла и технология их изготовления; костюм и его детали как маркер этнической принадлежности, социального и возрастного статуса; спальные ямы, фортификационные и культовые сооружения; жилище и связанные с ним ритуальные практики; погребальные памятники, их типологический, гендерный и семантический анализ.

Были представлены разработки по изучению системы жизнеобеспечения как неотъемлемой части культуры бытия. Рассмотрены различные составляющие системы жизнеобеспечения в его связи с производственной (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие, бронзо- и железоделательное производство, ткачество, народная медицина и др.) и соционормативной (традиционные нормы социального регулирования, судопроизводство и т.д.) сферами, указывающими на степень развития общества и его культурную специфику.

Более 20 докладов было посвящено символике культуры, отраженной в изобразительной традиции, мифологии, праздниках, религиозных движениях, ритуалах. Реконструкция семантики орнамента (Л.В.Панкратова), образов, будь то лось в кулайской пластике (Ю.П.Чемякин), фантастический хищник в окуневском искусстве (Ю.И.Михайлов), собака в мифологии селькупов (А.В.Байдак, Н.Л.Максимова, Н.А.Тучкова), ворон в поверьях хакасов (В.А.Бурнаков), обряд зазывания души у бурят (М.В.Хандагурова) или расшифровка кулинарного кода календарной обрядности русских (В.Ю.Корнева), подводит исследователя к пониманию мировоззрения создателей и носителей культурной традиции, пытавшихся адаптироваться в окружающем мире и обозначить в нем свое место.

Пристальное внимание уделялось проблемам этнокультурного взаимодействия, изучению разного рода контактов и миграций народов, что позволяет выявить формы и степень культурного влияния, проследить историческую динамику в диапазоне от неолита — энеолита до настоящего времени (Л.А.Соколова, В.А.Зах, О.С.Шерстобитова, Ю.В.Ширин,

С.С.Матренин, Е.В.Шелепова, К.А.Руденко, Л.И.Шерстова, С.В.Суслова, А.И.Голомянов, Е.Ф.Фурсова, О.М.Рындина, М.А.Жигунова, О.А.Казакевич, В.М.Кимеев).

Отдельный блок составили доклады по русской культуре, в которых представлены результаты археологических исследований Тобольска, Тары, Омска и ставрографические материалы из русских памятников (Б.А.Конников, А.В.Матвеев, О.М.Аношко, Т.В.Селивестрова, С.Ф.Татауров, Л.В.Татаурова, И.Д.Кромм), а также анализа особенностей русской культуры в разных ареалах, сложившихся в процессе освоения новых земель и контактов с иноэтничным окружением, например в Прикамье (Л.Д.Макаров).

Особое внимание было уделено междисциплинарному синтезу как методологической базе работы конференции.

В ряде докладов (около 10) представлены формы методической работы с археологическими источниками в полевых и лабораторных условиях с выходом на определение материалов, сырья, датировок, технологий и т.д. Продемонстрированы этноархеологический (М.С.Баташов, А.С.Вдовин, Н.П.Макаров, М.А.Корусенко, А.В.Полеводов) и лингвистический (В.В.Быконя, А.В.Байдак, Н.П.Максимова, С.В.Глушков) подходы к исследованию на уровне систематизации материала и теоретического анализа.

Самый многочисленный блок по междисциплинарному синтезу составили доклады антропологов: исследование о ранних индоевропейцах Сибири и Центральной Азии (А.Г.Козинцев), расогенез тюркских народов Западной Сибири (Г.А.Аксянова), результаты антропологического ана-

лиза не только народов Сибири от неолита до позднего Средневековья, но и Северного Казахстана, Приуралья, Среднего Поволжья, азово-каспийских степей, севера Европейской России.

Полемику вызвали как некоторые теоретические выкладки коллег, так и предложенные интерпретации по конкретно-историческим проблемам. Отмечено, что у части молодых исследователей уровень историографической эрудиции не всегда достаточно глубок, подчеркнута необходимость внимательного и корректного отношения к трудам предшественников.

К началу работы конференции был опубликован сборник материалов (ответственный редактор М.П.Черная).

Участники конференции выразили обеспокоенность по поводу отсутствия в государственном образовательном стандарте третьего поколения направления «Археология», что в перспективе чревато утратой специальности. Вузам, где осуществляется подготовка археологов, предложено разработать и аккредитовать основные образовательные программы по направлению «Археология», что даст возможность введения самостоятельного профиля «Археология» в рам-

ках государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению «История».

Участники конференции также выразили обеспокоенность в связи с опасными процессами в сфере охраны культурного наследия страны, неотъемлемой частью которого являются археологические памятники. Отмечено, что в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» должны быть сохранены статья 36 «Меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия при проектировании и проведении землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ» и статья 37 «Приостановление земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, проведение которых может причинить вред объектам культурного наследия».

Очередную конференцию предполагается провести на базе Томского государственного университета в 2013 г. по теме «Проблемы и методы исторической реконструкции в археолого-этнографических исследованиях Западной Сибири и сопредельных территорий».

*Е.Т.Артемов, С.П.Постников**

Всероссийская научная конференция «Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика» (Екатеринбург, 25–26 октября 2010 г.)**

Конференция была проведена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Отделения историко-филологических наук РАН. Ее организаторами выступили Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский государственный университет им. А.М.Горького и Правительство Свердловской области.

В работе форума приняли участие 75 ученых. В их числе — один действительный член РАН, один академик РАН, два члена-корреспондента РАН и 42 доктора наук, представлявших основные направления гуманитарного знания. В своих докладах и выступлениях они пытались ответить на следующие вопросы. Какое место в жизни современного общества занимают гуманитарные науки? Какую роль они играют в социальной практике? Насколько востребованы результаты исследований ученых-гуманитариев в образовательном процессе и других сферах социально-экономической, общественно-политической и социокультурной жизни? Какова роль гуманитарных наук в стратегии модернизации российского общества?

С приветственной телеграммой в адрес конференции обратился председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям академик РАН В.А.Черешнев. Он подчеркнул, что

гуманитарные знания являются важнейшим ресурсом развития страны в XXI в.

Программа конференции была весьма насыщенной. На пленарном заседании (фото) были заслушаны 7 докладов по основным направлениям гуманитарных наук. В совместном докладе В.В.Алексеева, Е.Т.Артемова (Институт истории и археологии УрО РАН), Д.В.Бутрова и Д.А.Редина (Уральский государственный университет им. А.М.Горького) «Гуманитарные исследования как фактор формирования имиджа региона» была сформулирована идея, что модернизация всех сторон общественной жизни невозможна без ее гуманитарной составляющей. Гуманитарные исследования должны иметь прямой выход на социальную практику. Только на этой основе можно укрепить общероссийскую и региональную идентичность, сформулировать объединяющую национальную идею, обеспечить социальную стабильность. Особое значение для консолидации общества имеет создание привлекательного образа «малой родины», формирование положительного имиджа региона. В докладе также были сформулированы конкретные предложения о путях актуализации научного поиска, совершенствовании механизма интеграции академической науки и университетского образования, необходимости со-

* **Артемов Евгений Тимофеевич** — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН, председатель Оргкомитета конференции.

Постников Сергей Павлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, член Оргкомитета конференции.

** Проект 10-03-14120 г.

Фото. Президиум конференции (слева направо): заместитель министра промышленности и науки Свердловской области В.В.Турлаев, председатель Оргкомитета, заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН, д.и.н. Е.Т.Артемов, председатель Программного комитета, директор Института истории и археологии УрО РАН, академик РАН В.В.Алексеев

здания Уральского музея науки и техники, историко-ландшафтного парка «Истоки Исети», общественно-информационного и аналитического центра «Электронная библиотека губернатора Свердловской области» и т.д.

Важным фактором активизации гуманитарных исследований стало проведение в Свердловской области регионального конкурса РГНФ «Урал: история, экономика, культура». Об этом шла речь в докладе С.П.Постникова (Институт истории и археологии УрО РАН) и С.Г.Сергеева (Министерство промышленности и науки Свердловской области). В нем были подведены итоги конкурса, сформулированы проблемы и определены перспективы. Главный вывод, прозвучавший в докладе, сводится к тому, что данный конкурс полностью себя оправдал как дей-

ственная мера поддержки научных школ, академических учреждений и вузов Свердловской области. Не менее половины проектов, поддержанных грантами РГНФ, имеют прямой выход на современную социальную практику. Другое дело, что нужно стремиться к повышению эффективности механизма внедрения научных результатов в различные сферы общественной жизни. Над разработкой такого механизма следует подумать как властным структурам, так и руководителям научных учреждений.

Важным ресурсом устойчивого развития территории, формирования региональной идентичности является историко-культурное наследие. Об этом убедительно говорили А.Ф.Шорин, Н.М.Чаиркина, В.Н.Широков (Институт истории и археоло-

гии УрО РАН) и С.Е.Чаиркин (НПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области) в докладе «Археологическое наследие Свердловской области: изучение, проблемы сохранения и использования в социальной практике». В электронной базе данных по археологии в области внесена информация о 1525 объектах археологического наследия. Из них только 286 охраняются государством. Некоторые памятники имеют мировое археологическое значение. Среди них прежде всего наскальная живопись в пещерах и под открытым небом, стоянки и культовые площадки в торфе, «жертвенные холмы» — святилища эпохи энеолита. Результаты археологических исследований активно внедряются в образовательный процесс, музейно-выставочную деятельность и программы въездного туризма. Тем не менее необходимы комплексная программа сохранения, изучения и популяризация археологического наследия Свердловской области, совершенствование нормативно-правовой базы охраны памятников археологии.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад В.Н.Руденко «Суд присяжных в современном мире как форма гражданского участия в отправлении правосудия». На основе мирового опыта докладчик охарактеризовал основные преимущества и недостатки этого института, его роль и место в осуществлении публичной власти. Весьма интересен главный вывод. По мнению докладчика, опыт организации и деятельность судов присяжных может найти применение и в других сферах. В частности, модель функционирования больших жюри целесообразно использовать для повышения результативности гражданского кон-

троля за государственной властью. По их образу и подобию возможно создание в России органов, осуществляющих общественно-государственный контроль над расходованием бюджетных средств, реагирующих на факты коррупции и другие правонарушения.

В совместном докладе Е.Т.Артемова, Г.Е.Корнилова, С.П.Постникова, А.В.Сперанского (Институт истории и археологии УрО РАН) были обобщены основные итоги и обозначены перспективы современных исследований российской истории на Урале. Наметившиеся еще в 1990-е гг. позитивные сдвиги в науке привели к качественному приращению исторических знаний. Повысился теоретико-методологический уровень работ, расширились источниковая база и фронт научного поиска. Докладчики сделали вывод, что сегодня назрела необходимость создания обобщающего фундаментального труда «Урал в истории российской государственности и общества», который безусловно будет востребован не только специалистами, но и широким кругом общественности.

Проблема социального, национального и регионального в литературе Урале в широкой исторической ретроспективе была проанализирована в докладе Е.К.Созиной (Институт истории и археологии УрО РАН). Зарождение уральской литературы относится к концу XIV в. и связано с миссионерской деятельностью Стефана Пермского. Расцвет уральской литературы приходится на рубеж XIX—XX вв. Но и сегодня национальный и региональный феномен уральской литературы заслуживает серьезного внимания и занимает достойное место в литературе России, поэтому создание фундаменталь-

ной академической «Истории литературы Урала» — актуальная задача ученых-филологов региона.

В условиях современной модернизации высшей школы большое социальное значение имеет опыт создания многоотраслевого и многофункционального образовательного комплекса. Об этом шла речь в докладе Е.Б.Заболотного и А.Я.Криницкого (Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий). Интерес к таким комплексам обусловлен их эффективностью в условиях внедряемой в нашей стране модели инновационного, открытого и распределенного образования.

Оживленная и весьма острая дискуссия развернулась на круглом столе «Гуманитарные науки и Федеральная целевая программа “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”», ведущими которого выступили заместитель директора Института истории и археологии РАН Е.Т.Артемов, ректор Уральского государственного университета им. А.М.Горького Д.В.Бугров и главный ученый секретарь Уральского отделения РАН Е.В.Попов. Участники дискуссии отметили важность гуманитарной подготовки современного специалиста любого профиля. Для ее совершенствования необходимы инновации в учебно-образовательный процесс, что невозможно без интеграции академической и вузовской науки. С этим выводом были согласны все участники круглого стола, тем более что опыт такого плодотворного сотрудничества уже имеется. Примером может служить деятельность Научно-образовательного центра «Социальная история», созданного в рамках сотрудничества Ураль-

ского государственного университета и Института истории и археологии УрО РАН.

Заключительная часть круглого стола была посвящена презентации нового исследовательского направления — аудиовизуальной антропологии, находящегося на стыке гуманитарной науки и художественной культуры. О его возможностях говорил А.В.Головнев. Он же представил свой новый фильм «Остров Жохова», повествующий о полевых исследованиях уникального археологического памятника Заполярья.

Актуальные проблемы гуманитарных исследований на Урале и их внедрения в социальную практику обсуждались в рамках конференции на четырех секциях по основным направлениям гуманитарных наук: истории, археологии и этнографии; философии, социологии и права; филологии, культурологии и искусствоведения. Участники секций поднимали проблемы как фундаментальной науки, так и прикладных гуманитарных исследований, проводимых в интересах устойчивого развития региона.

В итоговом документе конференции было отмечено, что на Урале сложились гуманитарные научные школы, получившие признание не только в России, но и за ее пределами. Многие результаты ученых-гуманитариев успешно внедряются в современную социальную практику. Но это не отменяет необходимости повышения их эффективности, в том числе с использованием современных информационных технологий. В этом случае гуманитарная наука сможет достойно отвечать модернизационному вызову времени и будет способна, наряду с естественными и техническими науками, формировать инновационное будущее России.

*Н.Т.Попова, А.Ю.Шеманов**

Научная конференция с международным участием «Искусство как творчество социальности и проблемы социокультурной реабилитации» (Москва, 12–13 мая 2010 г.) **

Конференция была организована Региональной общественной организацией социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями в развитии и их семей «Круг» при участии Института философии РАН и Московского психолого-педагогического университета.

По проблемам развития творческой социокультурной деятельности и «особого искусства» — искусства людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) форум проводится начиная с 2001 г. уже в третий раз в рамках подготовки Фестиваля «особых театров» «Протеатр». В ходе нынешней конференции решались две основные задачи: представить практическую деятельность по развитию культуротворческой деятельности людей с ОВЗ, дать психолого-педагогический, культурологический и философский анализ этой деятельности, а также определить место и роль «особого искусства» в современном обществе.

Изучение искусства людей с ОВЗ, или «особого искусства», как феномена позволяет по-новому посмотреть на проблему «искусства и не искусства». Понимание «особого искусства» как определенного культурного феномена неожиданно, по-новому

позволило посмотреть на ряд своего рода маргинальных областей искусства (архаичное, народное, детское). Эти области искусства совместно с «особым искусством» создали определенный «исследовательский объем» и дали возможность увидеть культурные процессы в их динамике — рождение эстетических феноменов в недрах социокультурной жизни.

Не случаен рост интереса к проблематике конференции: каждый раз увеличивается число заинтересованных участников, а также учреждений, вносящих вклад в организацию конференции. В этом году в число организаторов вошли Институт проблем интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета, Московский гуманитарный университет, а также Общественное движение «Проект искусство и психиатрия “Мастерские Блаумайер”» (Бремен, Германия) и Региональная благотворительная организация «Общество родителей детей-инвалидов с аутизмом “Я и Ты”» (Псков) в рамках Проекта «Создание модели Театрального центра, занимающегося поддержкой и развитием самостоятельной культурной деятельности людей с особенностями развития в

* **Попова Наталья Тимофеевна** — председатель Региональной общественной организации социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями в развитии и их семей «Круг», старший научный сотрудник Института интегрированного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета, председатель Оргкомитета конференции.

Шеманов Алексей Юрьевич — доктор философских наук, заведующий лабораторией проблем социокультурной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья Института интегрированного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета, член Оргкомитета конференции.

** Проект 10-03-14064г.

Московском и Псковском регионах», финансируемого Европейской комиссией (проект осуществляется с января 2009 г.). Финансовая поддержка осуществлялась Российским гуманитарным научным фондом, Немецким культурным центром им. Гёте, гуманитарной организацией «Андикап Энтернациональ». В работе конференции приняли участие 123 специалиста из России, Германии и Франции. О большом общественном интересе к конференции свидетельствует присутствие представителя Комитета общественных связей при Правительстве города Москвы, представителей благотворительных организаций, организаций инвалидов и др.

Конференция носила междисциплинарный характер. Ее участниками были педагоги, социальные работники, психологи, художники, артисты, режиссеры театров, где выступают люди с ОВЗ, а также философы и культурологи.

Программа форума выстраивалась так, чтобы сохранить многоплановость в подходе к любой из обсуждавшихся тем, стремясь представить различные аспекты *реальной* культуротворческой деятельности людей с ОВЗ.

Развитие конкретного человека, его индивидуального сознания, происходит *одновременно и совместно* с развитием группы, к которой он принадлежит. Выпадение любого человека из «своей» группы может спровоцировать серьезный культурный шок, потерю себя, т.е. привести к кризису идентичности. Наиболее драматично отсутствие «своей» группы развития сказывается на человеке с инвалидностью, особенно с умственной отсталостью.

Инвалиды в современной культуре находятся в искусственной среде,

но при этом очень часто не принимаются во внимание особые культурные потребности людей с ОВЗ. В силу этих особенностей в субкультурных группах могут складываться институты собственной рефлексии: язык, театр и т.д. Только в развитии институтов собственной рефлексии субкультурной группы осуществляется творчество социальности и каждого ее члена, и группы в целом. Особая роль в этом процессе принадлежит искусству. Поэтому тема искусства как творчества социальности стала основной на конференции, проходившей в русле подготовки Фестиваля «Протеатр».

Первый день форума прошел в Институте философии РАН. Его участников приветствовали заместитель директора Института философии, д.ф.н. С.А.Никольский, представитель Комитета общественных связей при Правительстве города Москвы М.Н.Суслова, куратор проектов Представительства Европейской комиссии в России Т.О.Бокарева, помощник председателя Общероссийской общественной организации Всероссийского общества инвалидов Т.В.Золотцева.

В ходе состоявшихся заседаний обсуждались феномен «особого искусства» и место творчества в создании социальных связей (Л.П.Киященко, Н.Т.Попова, П.Д.Тищенко, А.Ю.Шеманов), возможности искусства в гуманизации социальной среды при работе с несовершеннолетними преступниками (А.М.Райкин), роль творческого своеобразия выразительных возможностей в формировании субкультурной идентичности людей с особенностями (В.А.Паленный, А.А.Мартыанов), зарубежный и отечественный опыт создания художественных галерей искусства лю-

дей с психическими заболеваниями (А.А.Яркина), динамика образа «другого» в вербальных и экранных текстах современной популярной культуры (Е.Н.Шапинская). Был представлен также зарубежный опыт режиссерской работы с особыми театрами, и проанализированы особенности их эстетики в докладах Г.Хартмана, режиссера театра Tikwa (Берлин, Германия), и К.Молина, главного координатора театра «Знаки» (Лион, Франция).

Целый ряд сугубо теоретических докладов позволил практикам посмотреть на свою деятельность более широко, представить весь спектр аналитических подходов, понятий, углубить свой взгляд на явление «особого искусства». А богатый практический опыт работы с людьми, имеющими ОВЗ, а также творческий опыт самих этих людей позволяют по-новому увидеть привычные аналитические категории, побудить к поиску новых понятий и подходов.

Это взаимное обогащение теории и практики особенно хорошо видно на примере выступления В.А.Паленных и А.А.Мартьянова («Творчество как катализатор самоидентификации неслышащих»). В докладе была реально представлена специфика субкультуры неслышащих, динамических процессов в этой субкультуре, ее неоднородность, трудность общения творческого индивида с представителями как своей субкультуры, так и доминирующей культуры.

Доклад А.А.Яркиной («Искусство “посторонних”»), посвященный искусству живописи душевнобольных людей, показал, что невозможно ограничить реабилитацию людей с ОВЗ узкими рамками медицинского подхода, обеспечения их техническими средствами, облегчения простран-

ственного доступа и т.п. Художественное творчество душевнобольных не просто позволяет ввести в практику психиатрической клиники социокультурную деятельность как признанный метод реабилитации, но и создает прецедент их полноценного *присутствия в культуре*. Личностный дефект, порождаемый душевной болезнью, не будет преодолен, если рассматривать человека вне его культуры. С одной стороны, в творчестве душевнобольного человека находит выражение символика искаженного восприятия своего тела и мира. Но, с другой — в процессе творческой деятельности эта символика искаженного тела, обращенная на себя в процессе художественного творчества, включенная в культурное пространство (в том числе за счет того, что творчество выходит за пределы клиники), имеет реабилитационный эффект как по отношению к людям с проблемами психического здоровья, так и общества в целом.

Заинтересованное обсуждение вызвал доклад Е.Н.Шапинской («Монструозный Другой в вербальных и экранных текстах»). Искусство людей с ОВЗ, как и само их присутствие в культуре, наталкивается на проблему принятия «другого». Поэтому тема отношения к «другому» массовой аудитории очень актуальна. Доклад показал, как современная культура перерабатывает пугающие ее образы.

Второй день конференции прошел в Московском городском психолого-педагогическом университете (ул. Сретенка, 29). Пленарное заседание открыл проректор МГППУ по инклюзивному образованию Ю.Н.Баусов, который подчеркнул актуальность темы форума, а также отметил роль искусства людей с ОВЗ в из-

менении отношения к ним всего общества, в создании атмосферы толерантности и принятия.

Темы второго дня заседаний преимущественно были посвящены конкретным психологическим и реабилитационным практикам, использующим творческую деятельность как средство реабилитации людей с ОВЗ. В докладе руководителя юридической группы РООИ «Перспектива» М.Б.Ларионова были проанализированы юридические аспекты инклюзивной практики в нашей стране, имеющаяся нормативно-правовая база социокультурной деятельности лиц с ОВЗ и правовые причины того, почему тормозится ее развитие.

Ю.С.Моздокова отметила, что особая роль в переходе социокультурной реабилитации инвалидов в фазу интеграции принадлежит театру, который может стать эффективным инструментом создания модели интеграции. Спектр проблемных областей, которые необходимо иметь в виду, анализируя место особого театра в общетеатральном процессе, продемонстрировал И.М.Востров. Особое значение, по его мнению, принадлежит задаче гармонического сочетания реабилитационных и эстетических задач в формировании органичного для актера с ОВЗ эстетического результата. Н.Т.Попова детально обсудила многоплановость феномена особого искусства, его значение для осмысления отечественного и зарубежного опыта искусства людей с ОВЗ.

В докладе А.Ю.Шеманова были рассмотрены особенности культурологического подхода к реабилитации и аргументирована необходимость создания развивающей культурной среды, побуждающей к

участию человека с ОВЗ в творчестве. Тема создания реабилитационной среды как средства формирования субъектной позиции ребенка с ОВЗ была рассмотрена в докладе А.М.Щербаковой. В выступлении отмечались необходимость субъектной позиции ребенка для его успешной реабилитации и специфические трудности, возникающие при решении этой задачи у ребенка с интеллектуальной недостаточностью. Автор подчеркнула, что в преодолении этих трудностей важную роль играет приобщение ребенка с ОВЗ к творческой деятельности.

В необычной форме представила доклад А.Хербст (Бремен, Германия), его можно назвать спектаклем и даже своего рода клоунадой, которая проиллюстрировала подход, определяющий успешность театра мастерских Vlaumeier. Выступление прекрасно показало социальный потенциал «особого искусства», его способность вторгаться в жизнь и менять ее. Участники проекта прошли все этапы институционализации, представленности в культуре, включая способность продавать свой творческий «продукт». Организаторы проекта не боятся предъявить свою маргинальность и умеют делать это так, что их принимают. Vlaumeier устраивает акции на улицах города, например шествия. Шествие — это архаичная коллективная форма театра, позволяющая присоединиться к ней каждому желающему, родственная такому явлению современной культуры, как перформанс. Организация театрализованных шествий — пример умелого использования участниками проекта Vlaumeier культурно амбивалентного языка для достижения как эстетических, так и социальных целей.

В ряде докладов было рассмотрено использование арттерапевтических методов для реабилитационной и коррекционной работы с детьми и молодежью, имеющими интеллектуальную недостаточность. И.Ю.Захарова проанализировала опыт использования сказок в коррекционной работе с детьми, страдающими эмоциональными нарушениями. Д.И.Завалей рассмотрела психокоррекционный эффект приобщения больных детей к творческим видам деятельности. И.С.Константинова проанализировала особенности музыкальной терапии с детьми, имеющими тяжелые и множественные нарушения. В.И.Симакова поделилась опытом использования сюжета сказа П.П.Бажова «Каменный цветок» в социальной реабилитации детей и молодежи с интеллектуальной недостаточностью. Автор высказала предположение о реабилитационном потенциале мифологических основ сказа.

Круглый стол «Проблемы институционализации искусства людей с ОВЗ» затронул проблемы использования арттехнологий в социализации детей с ОВЗ (В.Н.Загрядская, И.Н.Андрющенко, А.П.Цербаков), формирования институтов, ориентированных на поддержку искусства и творческой деятельности людей с ОВЗ (Ю.О.Антипова, Н.А.Моргунова, А.Б.Афонин). В выступлении Ю.О.Антиповой были раскрыты новые подходы бизнеса (на примере ЗАО «РОЛЬФ Холдинг») к благотворительности и меценатству в области поддержки особого искусства.

Н.А.Моргунова (ПРОБО «Я и Ты», Псков) и А.Б.Афонин (режиссер особого театра — интегрированной театральной студии «Круг-II»)

рассказали о реализации поддержанного Европейской Комиссией проекта создания модели Театрального центра, занимающегося поддержкой и развитием самостоятельной культурной деятельности людей с особенностями развития в Московском и Псковском регионах. В Псковском регионе эта модель при поддержке местной администрации уже реализуется.

Участники конференции поддержали предложение Региональной общественной организации социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями в развитии и их семей «Круг» обратиться ко всем заинтересованным ведомствам, государственным, региональным, городским и муниципальным структурам с просьбой содействовать созданию в Москве первого Театрального центра, занимающегося поддержкой и развитием самостоятельной культурной деятельности людей с ОВЗ. Возможность создания такого Центра обеспечивается уникальным опытом творческой реабилитации, накопленным региональной общественной организацией «Круг» и другими аналогичными объединениями и коллективами, а также созданной в рамках проекта моделью Театрального Центра. Эта модель прошла обсуждение в рамках данной конференции и практическую апробацию в процессе театральной деятельности интегрированных театральных студий «Круг-I» и «Круг-II». Накопленный в ходе разработки этой модели опыт будет использован при осуществлении программ профессиональной переподготовки по направлению «Реабилитация средствами искусства» на базе МГППУ.

Т.А.Индина, В.И.Моросанова*

XV Международная конференция по психологии личности (20–24 июля 2010 г., Брно, Чешская Республика)**

Международные конференции по психологии личности (ЕСР-15), проводимые Европейской Международной ассоциацией по психологии личности (ЕАРР) с 1986 г., проходят каждые два года в различных городах Европы. На этот раз был выбран чешский город Брно, основными научными центрами которого являются Университет им. Масарика и Генетическая лаборатория Г.Менделя. Число участников XV Конференции превысило 300 человек. Среди них психологи из Западной Европы, США, Канады, Великобритании, Израиля, Кореи, Японии, Бразилии, Ирана, России, Украины, Польши и многих других стран.

По сложившейся традиции внимание ученых было сосредоточено на актуальных проблемах исследования индивидуальных различий и личностных процессов, обсуждении результатов прикладных исследований и междисциплинарных подходов к ним, новых направлений в психологической науке.

В программе форума важное место было отведено вопросам психогенетики, исследованиям поведения, нейропсихологическим исследованиям интеллекта, методологическим аспектам изучения психологии личности, обсуждению проблем социального взаимодействия, аспектам развития личности, кросскультурным исследованиям личности, новым теоретическим направлениям, например позитивной психологии.

Организаторами конференции в Брно, помимо Европейской ассоциации психологии личности, выступили Университет им. Масарика и Институт психологии Академии наук Чешской Республики. Председателем оргкомитета в этом году был избран Марек Блатны, профессор Института психологии Академии наук Чешской Республики. На торжественном открытии конференции с приветственным словом выступили хорошо знакомые постоянным участникам форума профессор Фроссо Мотти-Стефаниди (Университет Афин, Греция), Иен Айзендорф (Берлинский университет Гумбольдта, Германия), Буль Де Раад (Университет Гронингена, Нидерланды).

Как и в прошлые годы, программа конференции включала многочисленные семинары, симпозиумы, пленарные доклады, круглые столы, постерные сессии.

Впервые на XV Конференции Ассоциация ЕАРР учредила награду «Заслуженный деятель европейской психологической науки», которая торжественно была вручена профессору Иану Дири из Университета Эдинбурга (Великобритания) за его исследования в области дифференциальной психологии когнитивного развития. После церемонии награждения Иан Дири выступил с пленарным докладом «Становись мудрым еще быстрее», посвященным изучению такого аспекта когнитивного развития, как скорость протекания когнитивных

* Индина Татьяна Анатольевна — научный сотрудник Психологического института РАО.

Моросанова Варвара Ильинична — доктор психологических наук, заведующая лабораторией Психологического института РАО.

** Проекты 10-06-95800н/мл, 10-06-15201з.

процессов. Другими главными докладчиками европейской конференции были Р.Ф.Крюгер («Современные направления в понимании генетических аспектов личности»), Т.Г.Уоллер («Геометрия прогнозирования личности»), А.С.Ройбауер («Где расположен в мозге интеллект?»), Ф.Корр («Личностный и поведенческий контроль — проблемы осознанности»), О.Джон («Индивидуальные различия в эмоциональном регулировании»), И.Аседорф («Современная статистика в психологических исследованиях личности»), А.Террацино («Генетические и культурные предпосылки развития личности»).

Основные научные сессии конференции были посвящены следующим проблемам: индивидуальные особенности взросления, исследования эмоционального интеллекта, личность и работа, личность и социальная психология, личность и социальное взаимодействие, аффективные процессы и их регуляция, новые исследования генерального фактора личности, личность и экономика, структура личности, личность и психопатология, развитие модели «большой пятерки» (Big Five) в психологических исследованиях, биологические основы личности, когнитивные процессы и временная перспектива в исследованиях личности, личность и культура, социальная перспектива личностного развития, развитие и образование личности, кросс-культурные исследования личности, генетика поведения, здоровье и благополучие личности, ценностно-мотивационная сфера личности, саморегуляция учебной и профессиональной деятельности.

Жаркие научные дискуссии вернулись на ключевых для ЕСР секциях, посвященных исследованиям генерального фактора личности и

модификациям опросника Big Five. В предыдущие годы участники сообщества уже предпринимали попытки преобразовать пятифакторную структуру опросника в трех- и двухфакторную.

Главной же проблемой обсуждения в этом году стала возможность выявления одного генерального фактора личности — точки отсчета и изучения индивидуально-личностных различий. У теории генерального фактора нашлись свои сторонники и противники. На сессии были подняты актуальные проблемы сопоставления различных личностных опросников и методологии психологического измерения факторов личности. Активными участниками этой яркой дискуссии были Ф.Раштон (Университет Западного Огайо, Канада), Пол Ирвинг (Университет Манчестера, Великобритания), Д. ван дер Линден (Университет Роттердама, Нидерланды), Я.Стрелау (Варшавская школа социальных и гуманитарных наук, Польша), А.Х.Фигурего (Университет Аризоны, США.)

Темы постерных докладов были посвящены проблемам структуры личности, социальным аспектам развития и взаимодействия, процессам саморегуляции, здоровью личности, генетике поведения, проблемам образования и когнитивного развития, интеллекта и познания, мотивации и эмоциям, методологии измерения личности и т.д.

Особенностью данной конференции стали организация и проведение российскими учеными научного симпозиума «Саморегуляция в учебной и профессиональной деятельности» под руководством В.И.Моросановой (ПИ РАО, Москва). На этом симпозиуме были представлены исследования саморегуляции поведения, про-

веденные в России, Литве и Украине. Доклады были посвящены теории и методам диагностики осознанной саморегуляции. В центре обсуждения находились две основные проблемы: взаимосвязь личностных переменных и индивидуальных различий в саморегуляции, а также влияние этих взаимосвязей на эффективность профессиональной и учебной деятельности.

В докладе В.И. Моросановой была представлена широкая панорама анализа исследований саморегуляции в отечественной психологии, раскрыты дифференциальный подход и современные методы исследования саморегуляции. И. Поцявичус (Литва) сделал доклад о психологических механизмах эмоциональной регуляции в учебной деятельности. Рассмотрение проблемы саморегуляции в учебной деятельности было продолжено в докладе Т.Г. Фоминой (ПИ РАО, Москва), в котором были представлены результаты исследования роли саморегуляции в педагогическом взаимодействии.

Исследованию саморегуляции в профессиональной деятельности было посвящено два доклада. Особую актуальность этим докладам придавало то, что в центре внимания исследователей находились представители экстремальных профессий — спасатели и пожарные. Доклад Т.А. Индиной (Москва) был посвящен психологическим особенностям принятия решений в зависимости от личностных черт и развития осознанной са-

морегуляции у спасателей и пожарных. Личностные и регуляторные предпосылки проявления стресса у спасателей были раскрыты в выступлении Н.Г. Кондратюк (Москва). Доклады российских коллег, представленные на симпозиуме, вызвали большой интерес у слушателей — зарубежных коллег из Европы и США, которые активно обсуждали как методы, так и результаты исследований.

Российская психология была также представлена на конференции устными и стендовыми докладами по генетике поведения (Ф.И. Барский, Е.Д. Гиндина, М.М. Лобаскова, С.Б. Малых), структуре личности у детей (Е.Р. Слободская), клинической психологии (Т.А. Мешкова), психологии ценностей и стресса (С.К. Нартова-Бочавер), самоорганизации (Е. Уваров), педагогической психологии (А. Жилинская), креативности (Е.В. Гаврилова, И.С. Кострикина), эмоциональному интеллекту (Е.В. Шепелева), психологии стресса (Т. Бохан), нарративной психологии (А.А. Бочавер), психологии эмоций (Е.С. Дмитриева), психофизиологии (Г.Г. Князев), психологии труда (Л.М. Захарова) и др.

С каждым годом все больше российских исследователей становятся участниками Европейской конференции ЕСР, что открывает новые возможности для международного сотрудничества, обмена опытом и совместных исследований. Следующая, XVI Международная конференция по психологии личности пройдет в 2012 г. в итальянском Триесте.

*Р.А.Мировицкая**

**Китайская Народная Республика
в 1950-е годы: Сборник документов:
В 2 т. / Под общ. ред.
В.С.Мясникова. Т. 1: Взгляд
советских и китайских ученых /
Сост. Е.Р.Курапова, В.С.Мясников,
А.А.Чернобаев. М.: Памятники
исторической мысли, 2009. —
348 с. ****

Книга посвящена 60-летию установления дипломатических отношений между СССР (РФ) и КНР. В настоящее время Китай, одна из древнейших и крупнейших стран мира, все более уверенно выходит на лидирующие позиции в силу своего экономического веса, региональных и глобальных политических параметров. Во внешней политике эта страна делает упор на укрепление своего международного положения. И Россия, и КНР придерживаются близких позиций по многим важным проблемам мировой политики, в рамках которых могут быть обеспечены их безопасность и возможность дальнейшего развития. Обе страны важное значение придают изучению российско-китайской истории, культурных и научных связей на настоящем этапе и в ретроспективе.

На изломе тысячелетий заметным явлением в отечественной документалистике, политологии, историографии стало начало публикации документальной серии «Русско-китайские отношения в XX в. Советско-китайские отношения». К настоящему времени опубликованы том IV (в 2 кн., 2000 г.) и том V (в 2 кн., 2005 г.). В издание вошли документы, хранившиеся ранее в закрытых фондах Архива Президента РФ, Архива внешней политики РФ, РГАСПИ по истории российско-китайских отношений в годы антияпонской войны 1937–1945 гг. и разгоревшейся после капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны борьбе за Китай между Гоминьданом и КПК. Эти документальные издания были высоко оценены в России и за ее рубежами.

Теме советско-китайских отношений в XX в. посвящен и двухтомный сборник документов «Китайская Народная Республика в 1950-е годы». Его первый том отражает историю советско-китайского сотрудничества в научной сфере и носит название «Взгляд советских и китайских ученых». В него вошли документы, хранящиеся в Архиве РАН: путевые дневники советских

* **Мировицкая Раиса Анатольевна** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

** Проект 09-01-16085д.

ученых, выезжавших в Китай в научные командировки, отчеты и доклады о поездках, аналитические записки о состоянии науки в КНР. Большинство документов публикуется впервые. Выход тома приурочен к 60-летию образования КНР (1949–2009).

1950-е гг., как известно, вошли в историю международных отношений как десятилетие дружбы двух стран — СССР и КНР. При этом, как отмечает в своей вступительной статье академик В.С.Мясников, «история не была простой и прямолинейной, немало противоречий объективного и субъективного порядка вошли в нее. С этой точки зрения с известной долей условности десятилетие можно разделить на два периода: 1949–1956 гг. и 1956–1960 гг.» (с. 7).

Авторы публикуемых документов — ученые естественно-научных и гуманитарных направлений, среди которых академики и члены-корреспонденты АН СССР, генетик Н.И.Нуждин, биохимик А.И.Опарин, историк А.М.Панкратова, почвовед В.А.Ковда, геологи П.Н.Кропоткин и М.С.Нагибина, философ и социолог Ю.А.Левада и др. Документы содержат материалы о состоянии китайской науки, об атмосфере, в которой формировалось взаимопонимание ученых двух стран, необходимой для дальнейшего развития.

Авторами документов являются не только советские, но и китайские ученые. Документальные материалы китайской стороны представлены в том числе письмами энтомолога Чэнь Шисяна российскому коллеге палеоэнтомологу Б.Б.Родендорфу и начинающего исследователя, аспирантки (в тот период) Сун Шиин академику АН СССР, крупнейшему специалисту в области вакуумной техники С.А.Векшинскому (с. 126–141). Как отмечается в археографическом предисловии к тому Е.Р.Кураповой и А.А.Чернобаева, эти письма прошлого века на тончайших листках китайской бумаги с русскими вкраплениями и красно-черными иероглифами в подписях бережно хранились в семьях советских ученых и, будучи переданными в Архив РАН, стали сегодня доступны исследователям.

Документы тома снабжены обстоятельными примечаниями и комментариями составителей. При их подготовке использовались неопубликованные архивные материалы, опубликованные сборники документов, изданная в СССР в 1950-е гг. и современная мемуарная и монографическая литература по теме советско-китайских отношений. Следует подчеркнуть, что работа по подготовке рецензируемого издания имела ярко выраженный исследовательский характер и стала несомненным успехом составителей сборника.

Опубликованные материалы со всей очевидностью свидетельствуют об интересе в Китае к российской науке, а в Советском Союзе — к китайской. Например, член-корреспондент АН СССР Н.И.Нуждин писал в своем китайском дневнике: «Прочитал двадцать лекций и провел семь бесед, каждая из которых больше и сложнее лекции, т.к. продолжалась обычно 3,5–4,5 часа... лекции прослушало больше 22 000 человек» (с. 31).

Историк А.М.Панкратова особо отмечала деятельность в КНР Общества китайско-советской дружбы, сообщала что советские делегации были также в центре внимания Общества дружбы, созданного в КНР в октябре 1949 г. (л. 62). Перед советской делегацией, членом которой являлась А.М.Панкратова, ставилась задача ознакомиться с максимальным числом

объектов, сторон жизни и деятельности народного Китая, способствовать своей работой в КНР укреплению китайско-советской дружбы. В докладе о поездке (1954 г.) она отмечала, что «каждый из членов делегации должен был установить деловой контакт и дружественное сотрудничество с деятелями китайской культуры в области своей специальности».

С учетом современной реальности, важности сотрудничества двух стран в рамках совместных проектов по разработке полезных ископаемых обратим внимание, например, на служебный материал о состоянии геологической науки в КНР (1959 г.). Его авторами являлись сотрудники Геологического института АН СССР П.Н.Кропоткин и М.С.Нагибина. «Китай, — сообщали они, — большая территория сложного и разнообразного геологического строения, на которой имеется много типов месторождения, не известных или слабо развитых в СССР... Китай очень важный объект для размещения осадочных руд железа, марганца, фосфора и алюминия... Целесообразно продолжать совместную работу по фосфоритным и марганцевым рудам... приглашать китайских геологов для осмотра... советских месторождений и совместной обработки материалов в Москве».

В 1959 г. представители советской науки стали отмечать в своих материалах определенные трудности в реализации программ научных командировок в Китай. Об этих переменах в отношении китайской стороны к советским специалистам во вступительной статье к тому пишет и академик В.С.Мясников.

Второй том сборника, содержащий документы федеральных архивов России о советско-китайском сотрудничестве в политической, идеологической, экономической, научно-технической и культурной сферах, планируется к выходу в 2010 г.

А.А.Гусев*

Рюмина Е.В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука, 2009. — 331 с. **

Рецензируемая монография является первой в отечественной экономической литературе, полностью посвященной ущербу от экологических нарушений.

Перестройка и реформы переходного периода, затем кризис 1998 г. и, наконец, мировой финансовый кризис 2008 г. на четверть века отвлекли внимание от экологических проблем и отодвинули их решение до лучших времен. Такая позиция понятна, но в то же время для всех очевидна ее порочность с точки зрения интересов будущих поколений и нашей ответственности перед ними. В монографии Е.В.Рюмина убедительно доказывает опасность такой позиции и для ныне живущего поколения. С этой целью автор использует категорию «ущерба» от экологических нарушений, которая определяет экономические потери, вызываемые неблагоприятным состоянием окружающей природной среды. В большинстве работ эколога-экономической направленности понятия ущерба вообще нет, что порождает несопоставимость стоимостных показателей затрат на охрану окружающей среды и физических показателей ее состояния. Вследствие этого создается впечатление, что природоохранная деятельность исключительно затратная, ее цель далека от экономики, а декларируется лишь алармистами из «зеленого движения».

Позиция автора монографии совершенно иная — экологические нарушения вызывают дополнительные затраты и потери уже в современной экономике, и предотвращение этих потерь — обоснованная с точки зрения самой же экономики цель природоохранной деятельности, наряду с ее надэкономической целью сохранения природы. Поэтому-то и называет автор ущерб от экологических нарушений основной категорией экономики природопользования. Такую позицию автор отстаивает на протяжении всей книги: при рассмотрении методологических аспектов самой категории ущерба, во всех разнообразных прикладных задачах, где ущерб от экологических нарушений является экономическим измерителем антропогенного воздействия на окружающую среду.

Автор книги — экономист, что проявляется не только в грамотном экономическом языке, но и в четком понимании возможностей экономики в решении экологических проблем, в корректной постановке именно экономических задач, выводящих на решение этих проблем.

Сейчас экономисты-экологи разделились на две группы: одна из них вышла за рамки экономики и сформировала объединенную эколого-эконо-

* Гусев Андрей Александрович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН.

** Проект 08-02-16008д.

мическую систему исследования, вторая — занимается экономикой конкретной природоохранной деятельности, экологической сертификацией, экологическим аудитом и т.д. Между предметами исследований этих двух групп лежит широкая область методологических проблем экономики природопользования, которой мало кто занимается, но которая крайне необходима. Данную монографию можно отнести как раз к этой области.

В первую очередь заслугой автора является обращение к экономической теории, понимание необходимости опираться на эту теорию при разработке любых отдельных, частных направлений экономической науки, одним из которых является экономика природопользования. При этом автор не только сам исходит из основ экономической теории, но призывает и экономистов-теоретиков активнее контактировать с прикладными областями экономической науки, с тем чтобы исходные предпосылки исследований последних не противоречили основным экономическим принципам и не игнорировали их. Е.В.Рюмина совершенно справедливо выразила нынешнее состояние экономики природопользования словами: «экономика природопользования разрослась вширь, но утратила методологическую глубину» (с. 32). Автор монографии убедительно доказывает, что это приведет к отрицательным последствиям не только для науки, но и для практики.

Так, например, Е.В.Рюмина показывает, что термин «ущерб окружающей среде» (вместо термина «ущерб экономике от экологических нарушений») для денежного выражения негативных последствий экологических нарушений, во-первых, формирует представление о безнаказанности для самой экономики и их последствиях только для окружающей среды. Во-вторых, этим же игнорируются и основы экономической теории: нельзя в деньгах измерять ущерб, который наносится не субъекту экономики. В-третьих, этим неверным термином выводится за рамки экономики и проблема предотвращения ущерба, которая в действительности должна быть поставлена как экономическая задача.

В своих более ранних работах Е.В.Рюмина определила ущерб от экологических нарушений как проценты по экологическому долгу. И эти проценты экономика платит в безакцептном порядке, они снимаются с нее вопреки ее желаниям: в загрязненной среде и меньше доход, и больше вынужденное потребление — затраты в здравоохранении, в жилищно-коммунальном хозяйстве и др. Такое понимание ущерба все расставляет на свои места, а главное, определяет ущерб как экономическую категорию, показывает его экономическую сущность, ничем принципиально не отличающуюся от любых расходов и потерь, обоснование которых и составляет предмет экономики. Подкрепляет предложенную интерпретацию ущерба проведенное сравнение внешнего государственного и экологического долга. Более того, интерпретация ущерба как процентов позволяет формулировать задачи по управлению ущербом, аналогичные традиционным экономическим задачам управления затратами и результатами.

Свой вклад данная монография вносит и в исследования по оценке природных ресурсов. Е.В.Рюмина с этой целью также предлагает использовать категорию ущерба. Если принято экономическую оценку давать, исходя из полезности дополнительной единицы ресурса, то правомерна и оценка путем определения ущерба, наносимого при потере единицы рассматриваемого

ресурса. В частности, этот подход в монографии предлагается использовать при экономической оценке биоразнообразия. В этом случае будет получена именно экономическая оценка ресурса, в отличие от критикуемого автором монографии подхода к оценкам природных ресурсов, «навешиваемым» на экономическую систему извне. При отсутствии знаний экономической теории у сторонников таких вводимых в экономику искусственных оценок природных ресурсов их не смущают стоимостные оценки потребления природных ресурсов, многократно превышающие мировой ВВП. Стоимостные оценки даются всем природным благам, без учета реальности их хозяйственного использования, что приводит к многократному увеличению национального богатства. Они считают возможным изменить принципы экономических измерений и мерить в рублях все, что угодно, не понимая, что рубль — не всеобщий количественный измеритель, а измеритель только стоимости.

Е.В.Рюмина же подчеркивает, что в экономике все уже оценено, но неявно. И задача экономистов — вычленив оценки природных ресурсов и услуг из других экономических показателей. Автор обосновывает свою позицию тем, что природные ресурсы дают экономическому субъекту конкурентные преимущества, которые получают стоимостное выражение либо в более низких затратах, либо в более высоких ценах и т.п. Если же какое-то природное благо имеет огромную ценность для поколений следующего века, то экономика не способна дать ему стоимостную оценку, поскольку стоимостные оценки для этого не предназначены.

Е.В.Рюмина подчеркивает не только экономическую безграмотность стоимостных оценок всех природных благ, но и их негативные последствия, которые абсолютно не анализируются авторами, а именно: труд и капитал становятся ничтожными в стоимостной структуре производственных факторов, а что дешево стоит, то и тратится неэффективно.

Придерживаясь мнения о неявном существовании стоимостных оценок природных ресурсов и ущерба от экологических нарушений, на основе осуществленного вычленения эколого-экономических показателей из традиционных экономических показателей Е.В.Рюмина поставила и решила ряд интереснейших задач.

Так, с помощью модификации уравнения межотраслевого баланса показан весь многоэтапный процесс превращения отходов производства в дополнительные затраты и потери экономики, т.е. в ущерб. Сначала балансовое уравнение дополняется уравнением, описывающим изменение состояния окружающей среды. Это изменение характеризует вред окружающей среде, наносимый выбросами и сбросами. Для улучшения состояния среды осуществляется природоохранная деятельность, что выражается путем включения в балансовое уравнение нового вида деятельности — природоохранной. При функционировании хозяйства в нарушенной среде меняются коэффициенты прямых затрат: материалоемкость, фондоемкость, производительность труда, вследствие чего, при прочих равных условиях, снижается конечный продукт. Таким образом показано, как формируется одна составляющая ущерба от экологических нарушений — недополученный доход и, что более важно, показана реальность ущерба от экологических нарушений для экономики, его стоимостная природа.

Рассмотрев теоретические основы исследования категории ущерба, автор переходит к его количественной оценке. Предложена новая классификация

методов оценки ущерба, основанная на существовании двух типов ущерба — наносимого и претерпеваемого. Величина первого зависит от осуществляемых выбросов, второго — от состояния природной среды.

Анализируя существующие методы оценки ущерба от экологических нарушений, Е.В.Рюмина и здесь обращает внимание на теоретико-экономические основы методов и методик. В частности, автор монографии разъясняет отличия категорий вреда окружающей среде и ущерба экономике на примере официальной методики последних лет, которая эти отличия игнорирует. В последующих главах развиваются методы оценки ущерба и демонстрируется целесообразность введения этих оценок в экономический анализ.

Детально разработана и представлена экспериментальная реализация гедонистического метода на примере рынка недвижимости Москвы, в результате которой ущерб от загрязнения при покупке квартиры в экологически неблагополучном районе определен в размере 17% от стоимости квартир на экологически чистой городской территории. Эти результаты спроецированы на решение задачи оценки земельных участков, без учета в их ценах экологического фактора городские администрации отдают 17% от стоимости квартир в чистых районах строительным компаниям, вместо того, чтобы направлять эти средства на финансирование природоохранных мероприятий.

Чрезвычайно интересна и плодотворна выдвинутая автором экологическая версия природной ренты. Не только схематически показано превращение изъятых из природы ресурсов в направляемые обратно в среду отходы, но этому круговороту «природа — экономика — природа» дана экономическая интерпретация, и на цифрах показано равенство рентных доходов экологическим издержкам. Исходя из этого, Е.В.Рюмина делает вывод, что рентные доходы должны компенсировать ущерб, т.е. негативные для экономики последствия использования природных ресурсов на всех стадиях их переработки, а также природоохранные затраты.

Величины ущерба от загрязнения окружающей среды и рентных доходов определены по всем субъектам Федерации. Здесь ущерб и рентный доход рассматриваются как два вида «незаработанных» доходов. Рассчитанные показатели валового регионального продукта, очищенные от таких «доходов», дали возможность оценить чисто экономические результаты хозяйственной деятельности и определить уровень инновационного развития экономики регионов.

Отдельная глава посвящена оценке ущерба от опасных природно-техногенных процессов. Намечены основные принципы оценки ущерба от сокращения биоразнообразия. Представлены многочисленные расчеты ущерба от загрязнения окружающей среды, а также результаты использования этих расчетов в экономическом анализе. В частности, разработана методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов с учетом экологического фактора, с помощью которой можно получить адекватные целям устойчивого развития оценки эффективности проектов, в том числе природоохранного назначения.

Труды Е.В.Рюминой широко известны специалистам в области экономики природопользования, и каждая новая работа автора вызывает большой интерес и заслуживает признание. Сейчас уже можно констатировать, что рецензируемая монография — яркое тому свидетельство.

С.П.Щавелев*

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. — 1248 с.**

«Энциклопедия эпистемологии и философии» науки отражает состояние и перспективы отечественной философии, да и всей гуманитарной науки нынешней России. И.Т.Касавин во введении оговаривает, что термин «эпистемология» понимается их коллективом широко — и как общие вопросы теории познания, и как специальные варианты гносеологической проблематики, граничащие с различными специальными науками и даже некоторыми идейными направлениями общественного сознания. В философской литературе рубежа XX–XXI вв. действительно заявлялись такие варианты теории познания, как эволюционная (по данным биологии, этологии, социобиологии); генетическая (психологии); социальная (социологии); историческая (историографии, историософии); археологическая (дописьменные древности); синергетическая, компьютерная, даже гендерная, феминистская. Все они в новой энциклопедии отражены и на уровне ключевых концептов, и на уровне приоритетных трудов классиков данных направлений науки и философии.

Обширный словарь энциклопедии предусматривает массу категорий, как привычных для теории познания (конечно, «истина» и ее варианты, «абстракция», «вера», «знание», «идея», «концепция», «метод», «методология», «разум» и многие, многие другие), так и тех общих понятий, что означают философские аспекты отдельных научных дисциплин — математических, естественных, социально-экономических, гуманитарных, технических, компьютерных. Тематическая широта делает издание привлекательным не только для самих философов, теоретиков и методологов человеческого познания, но и для представителей других, более специальных отраслей знания.

Значительная часть статей носит скорее научно-исследовательский, а не просто справочно-реферативный характер. Их авторы не только предлагают читателю сумму сведений, накопленную сегодня по тому или иному аспекту теории познания или философии науки, но и ставят перед нами вопросы, на которые еще не найдено однозначных ответов. Интеллектуальная честность, дух поиска новых решений сложнейших проблем науки и жизни расширяет читательскую аудиторию работы. К ней можно будет обращаться за отдельными разъяснениями, использовать как учебное пособие (для студентов, а особенно для аспирантов, сдающих кандидатский минимум по истории и философии науки), а можно читать порционно, расширяя свой теоретический кругозор (и авторам-исследователям, и преподавателям-лекторам).

* Щавелев Сергей Павлович — доктор философских наук, доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета.

** Проект 07-03-16110д.

Некоторые ключевые термины представлены не одной, а сразу двумя, а порой и тремя одноименными статьями. Дублирование необычное для любого справочника, но оправданное для той отрасли философского знания, которая еще не до конца определилась со своим тематическим полем и его концептуальными ориентирами. Как правило, авторы одноименных статей не противоречат друг другу, а рассматривают общий концепт с разных сторон.

Новая интеллектуальная мода пока что недостаточно согласована с проблематикой теории познания. Некоторые статьи этой энциклопедии, сами по себе весьма квалифицированно написанные, любопытные, именно гносеологических вопросов вроде как не отражают. Например, «Биология», «Биоэтика». При том, что тут же имеются и статьи «Философия биологии», и «Эволюционная эпистемология», и ряд подобных им по содержанию.

Некоторые статьи ни к теории познания, ни даже к философии прямого отношения не имеют. Их можно было бы подвести под рамки «наукovedения», но это направление остается до сих пор еще более аморфным, нежели «неклассическая эпистемология». Не совсем понятно, например, наличие статьи «Академия наук Российская». Ее автор, известный философ А.П.Огурцов знакомит нас с этапами развития академической организации в России, многими любопытными данными в этой связи, но его личностные оценки их небесспорны. Почему это «распад СССР и АН СССР имел катастрофические последствия для судеб науки и АН» (с. 28)? Автор статьи объявляет «демагогическим» современный лозунг повышения эффективности академических исследований, с которым руководители государства обращаются к ученым. Тут же критикуются РГНФ и РФФИ, которые «хотя и способствовали выживанию науки», но гранты невелики, и они облагаются налогами. Для дорогостоящего издания, за финансовую поддержку которого редколлегия выражает РГНФ соответствующую признательность, процитированная инвектива, по-видимому, не к месту.

«Академия наук» вообще представлена тем же автором в качестве «основного звена организации научных исследований» (с. 24). Но известно, что почти везде, кроме нашей страны, это не так — наука за границей концентрируется в университетах и в лабораториях частных корпораций, а академии там представляют собой просто клубы знаменитостей на покое. Стремление Российского правительства перенаправить хотя бы часть финансовых потоков, идущих на науку в России, из общего бюджета РАН на отдельные, автономные от нее центры, типа Курчатовского, — тенденция, возможно, показательная для будущей организации науки в нашей стране.

В статье о «Материализме и эмпириокритицизме» В.И.Ленина ее автор А.Л.Никифоров укоряет современных политиков, которые «не поднимаются до философских рассуждений при обосновании своих политических программ и действий» (с. 476), тогда как Владимир Ильич «умеет за политическими разногласиями увидеть глубокий философский смысл» (с. 475). На самом деле своей грубой критикой, не гнушаясь личными оскорблениями, Ленин после неудачи Первой русской революции стремился оттеснить от руководства «своей» партией А.А.Богданова и других теоретиков. Труды Маха, Авенариуса, Богданова, в отличие от ленинских, сегодня переиздаются.

А ведь во многих статьях той же самой энциклопедии (написанных Т.И.Ойзерманом, В.А.Лекторским, Г.Д.Левиным, В.П.Филатовым, другими

соавторами) научность марксистского коммунизма и его философии — «диамата» и «истмата» — развенчивается. И в этом состоит общегуманитарное значение этой вроде бы специальной энциклопедии для всех гуманитарных наук нашей родины. Из этого солидного тома очевидно: парадигма отечественного философствования поменялась еще до того, как ушли из жизни носители старой «марксистско-ленинской» идеологии. Но эта смена идей осуществилась не путем голого отрицания, а скорее в духе гегелевского «снятия» былых кумиров и установок.

Удивительно корректная, новаторская статья В.А.Лекторского посвящена центральному понятию марксистско-ленинской теории познания — отражению. В статье показано, в чем данное понятие было логически противоречиво и концептуально ограничено изначально, и то, в чем оно устарело к сегодняшнему дню; и то, что в нем напутали сами основоположники этой теории, начиная с В.И.Ленина; и то ценное, что наработали в этой же гносеологической парадигме наши выдающиеся гуманитарии советского периода — С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, А.М.Коршунов, Э.В.Ильенков и, добавлю, сам В.А.Лекторский.

Убедителен общий вывод, что теоретико-познавательный реализм в философии отнюдь не сдан в ее историографический архив, а продолжает уверенно противостоять более модным пока что гносеологическим концепциям вроде феноменализма, инструментализма и откровенного мистицизма. Для множества нынешних преподавателей философии, психологии, некоторых других гуманитарных предметов аргументы и выводы такого рода вносят необходимую ясность в методологию и дидактику их профессии.

Принципиальное достоинство столь масштабного проекта в том, что в единых концептуальных рамках сочетается прошлое и будущее российской философии. Бережно отобран практически весь категориальный аппарат «диалектического материализма», относившийся к познанию и мышлению. Разобрано, что там устарело, а что нет и только нуждается в некоей смысловой редакции. Особенно ценно, что такого рода переоценка ценностей затронула и творческое наследие лидеров послевоенной философии в СССР М.М.Бахтина (1895–1975), В.Ф.Асмуса (1894–1975), Э.В.Ильенкова (1924–1979), Г.С.Батищева (1932–1990), М.К.Мамардашвили (1930–1990), Г.П.Щедровицкого (1929–1994). Их ключевые работы, перспективные идеи бережно отражены в энциклопедии, а устаревшие сегодня формы их мысли тактично отмечены.

Концептуальные статьи, написанные В.С.Степиным, В.А.Лекторским, А.С.Карпенко, Б.В.Марковым, И.Т.Касавиным, представляют собой мини-монографии. Изложить на нескольких страницах, что такое мышление или же сознание, логика или язык, текст или контекст, культура или наука, многие равновеликие универсалии человеческого духа, учесть при этом трактовки не только общепhilosophические, но и психологические, социологические, исторические и иные возможные, — редко кому из специалистов под силу; это несомненное достижение составителей и авторов действительно энциклопедического издания.

Читатели энциклопедии непременно обратят особое внимание на те категории познания и мышления, которые отражают новейший этап мировой философской мысли. Они в своем большинстве пока не отрефлектированы

энциклопедически, плохо адаптированы учебно. В то же время в энциклопедии дана россыпь новомодных выражений, которые сегодня чаще используют, нежели понимают. Скажем, все эти постмодернистские «деконструкции», «эпистемы», «симулякры», «ризомы» и прочая, и прочая. Выделю монографически разработанный И.Т.Касавиным впервые в нашей философской литературе «венок концептов», обрамляющих один из самых частотных сегодня в гуманитарных текстах термин «дискурс»: текст, контекст, смысл, познание, традиция, истина, проблема и др.

В числе лучших энциклопедические статьи известных философов — «Письмо» (Б.В.Маркова и Ю.М.Шилкова); «Жизнь» (Л.А.Микешинной), «Опыт» (В.А.Лекторского), «Тайна» (К.Г.Фрумкина), «Чудо» (И.П.Давыдова).

Кроме понятийных концептов, в составе энциклопедии фигурируют справки о некоторых авторских произведениях, в основном иностранных, которые, очевидно, по замыслу составителей, представляют нечто очень важное для современной теории познания и философии науки. Эти книговедческие статьи оставляют вопрос о критериях их отбора. Почему, допустим, есть статья «Анти-Дюринг», а нет статьи «Капитал», или же «Философские тетради» В.И.Ленина, где именно претензий на гносеологию во сто крат больше. Предполагаю, в следующем издании энциклопедии этот книговедческий раздел расширится.

Имея в виду неизбежное через какое-то время переиздание этой книги, отмечу ряд сомнительных моментов ее содержания. Пусть авторы, редакторы и составители подумают над ними.

По целому ряду энциклопедических статей можно заключить, что тематические рамки современной теории познания остаются недостаточно определенными, ее собственный предмет изучения находится под вопросом. Нет такого вопроса науки и практики, который бы эту самую неклассическую эпистемологию не интересовал. Тут и группа историков «Анналы», и биоэтика, и время, и генетика, и дарвинизм, и жертвоприношение, и клонирование, и процесс, и ритм, и спиритизм, и табу, и утопия, и феминизм, и харизма. Но прямого отношения к теории познания они не имеют. А если подразумевать некий культурный и научный фон философской эпистемологии, то из него можно было бы извлечь еще множество концептов. Ну, например, если есть статья «Бог», почему нет статьи «дьявол»; коли взяли эзотерику, то где экстрасенсорика? На алхимию добавьте астрологию. Но в конце концов, — чем больше достоверной информации получит из энциклопедии читатель, тем лучше.

В энциклопедии встречаются термины сами по себе интересные гуманитарно, но философски пока что недоосмысленные. Одни из них явно шире сколь угодно философской теории познания («алгоритм», «биология», «выбор», «генеалогия», «духовность» и т.д. по алфавиту), а другие явно уже философии как таковой («Расколдовывание мира», «Критицизм» и т.п. топоры культурологического сленга). Составители и авторы философской энциклопедии по теории познания должны считаться с тем, что на свете есть множество коллег, которые заведомо лучше их понимают, что такое «алгоритм» или же «инициация».

В той же связи стоит подумать и о такой закономерной примете энциклопедического жанра, как постатейная библиография. В этой энциклопедии под одними (меньшинством) статьями имеются указания на основную лите-

ратуру и источники (где детальнее, где скупер), а под другими (большинством) — нет. Очередное нарушение святого для справочного жанра принципа структурного единообразия.

Завершающий издание «Глоссарий» лучше назвать по-русски «Именной указатель», как принято в русской академической традиции. Здесь эта редакторская работа не доделана. Одни персоналии, как-то упомянутые в энциклопедии, достаиваются при ее завершении краткой справки о научных заслугах. С прочими ограничились ярлыками типа «нем. физик», «амер. логик», «рос. философ» и т.п. Если учесть молодежную, студенческо-аспирантскую часть читательской аудитории, стоит кратко определить идейные заслуги (а в ряде случаев — и коренные недостатки) каждого персонажа, назвать его же главные труды. Заодно привести не только фамилии, но и имена наших предшественников и коллег. У некоторых «англоязычных» авторов не упомянуты их вторые имена (Роберт *Кинг* Мертон; др.). Обидно за Конрада Лоренца, который определен всего лишь как «австр. зоолог» (с. 1220). Зоологов масса, а Нобелевских лауреатов за создание новой области научных исследований — этологии, раз (Лоренц), два (Николас Тинберген), и обчелся. Не отмечен год смерти ленинградского философа В.И.Свидерского — 1994.

Хотя текст в книге напечатан на каждой странице в два столбца, их общая нумерация постраничная. В научных изданиях такое противоречие не принято. Цифры столетий у нас пока что принято обозначать римскими, а не арабскими цифрами. Нет списка сокращений, обязательного для такого издания, кроме того, эти сокращения не унифицированы. Например, соседние по алфавиту Холдейн и Холлидей выходят не совсем уж соотечественниками. Поскольку первый подан как «англ. физиолог», а второй — как «брит. лингвист». А.Г.Гурвич, оказывается, — «рус. биолог», а Н.Н.Дубинин — «рос. генетик». Иван Капитонович Луппол (1896–1943) при жизни бы содрогнулся, если бы его представили не как советского, а как «рос. философа» (с. 1220). Примерно за это его, между прочим, и расстреляли... Вообще-то культура (включая науку и философию) у нас русская, а вот государственность — российская.

Все эти мелочи, думается мне, происходят от философской широты стиля изложения у философов — по сравнению с гораздо более строгими рамками публикации текстов учеными более специального профиля. Видны здесь и недостатки технического редактирования, за которое отвечает издательство.

Однако: «Сотрем, — как призывал классик, — случайные черты, и мы увидим, — мир прекрасен», в том числе и мир философских понятий в этом замечательном издании. Оно безусловно станет одной из настольных книг для множества наших коллег философов и всех прочих гуманитариев. Тираж книги — 800 экземпляров — вовсе не отражает ее концептуального влияния, поскольку в век Интернета раз обнародованный текст вскорости, если он этого заслуживает, будет сделан общезначимым.

Часть авторов энциклопедии из старшего и даже среднего поколений наших философов не дождала до ее выхода в свет. Для новейшей российской философии то были имена первого ряда: Л.Б.Баженов, В.В.Давыдов, С.В.Илларионов, И.П.Меркулов, В.С.Черняк, В.С.Швырев... Столь солидный том послужит замечательным памятным знаком их творчества.

*И.А.Зайцева**

Падерина Е.Г. К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 448 с. **

Место «Игроков» в истории изучения драматургии Гоголя достаточно скромное. Их, отчасти по праву, во многом затмили «Женитьба» и, конечно, «Ревизор». Но есть и другая, более глубокая, причина: «Игроки» зачастую воспринимаются исследователем как незамысловатая, вне серьезной проблематики, а потому незаслуживающая глубокого внимания пьеса. Рецензируемая монография уже одним фактом своего появления меняет эту ситуацию на противоположную, ибо в

ней «Игроки» — впервые — предстают как основной предмет пристального профессионального монографического анализа.

Сложность поставленной научной задачи для самого автора становится очевидной в самом начале работы, а к середине эта очевидность подкрепляется эмпирически, «поскольку каждый уровень художественной организации текста оказывается сложнее, чем было принято думать» (с. 259). Избранный путь решения основной научной проблемы (изучения творческой истории комедии) — это путь всеобъемлющего филологического анализа, т.е. разно-стороннего и разнонаправленного рассмотрения гоголевской комедии в рамках широкого историко-литературного (отечественного и мирового) и научного контекста, с одновременным проникновением в самую художественную структуру «Игроков» (через рассмотрение поэтики и истории текста). Принципы исследования отражены уже в содержании, которое в четком и концентрированном виде, что случается редко, дает очень ясное представление о траектории авторской мысли и основных способах проникновения в замкнутый мир гоголевской комедии.

Первый этап, и это вполне естественно, — четкое осмысление сложной филологической ситуации, связанной с историей изучения «Игроков», и поиски новых перспектив исследования этого драматургического текста. Тщательный и объективный анализ научного потенциала, накопленного в сфере исследования последней гоголевской комедии, сочетается здесь с аргументированной констатацией абсолютной недостаточности наших знаний о художественной природе «Игроков» и крайне слабой разработанности методик исследования драматургических сочинений в целом.

«Игроки» рассмотрены как закономерное эволюционное звено гоголевской комедиографии и одновременно мировой драматургии — с целью раскрытия индивидуальности этого сочинения (т.е. механизма соединения в

* **Зайцева Ирина Аркадьевна** — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН.

** Проект 08-04-16082д.

нем «самобытного и традиционного»). Решение данной задачи обеспечено широтой авторского взгляда, вобравшего в сферу сопоставительного рассмотрения целый ряд предшественников, в том числе Лесажа, воплотившего плутовской анекдот в комедии «Тюркаре», и Симеона Полоцкого — с его «Комидией притчи о блудном сыне», сопоставляемой автором с финальными, обнаружившими абсолютный жизненный крах, биографическими ситуациями Глова и Ихарева.

В драматургической структуре «Игроков» выявлено типологическое сходство с шекспировским «Гамлетом»: в ситуации «мышеловки» использовании интриги детективного типа, создании двойной театральной рамки (пьеса в пьесе) и даже в пародийном построении монолога Ихарева (суть которого автор формулирует как «плутовать или не плутовать?»). Выявление и характеристика драматургических источников гоголевской комедии обеспечивают более глубокое осмысление новаторства и своеобразия ее интриги, приводят автора к научному выводу: о художественном стяжении конфликтов комедии — посредством их «сословной» и «профессиональной» локализации (все главные участники объединены общей сословной, дворянской, принадлежностью и родом плутовства, что обостряет ситуацию нравственного выбора и превращает выведенное картежное сообщество в перевернутую, с попорванными моральными ориентирами, модель социума).

Избранный путь исследования позволил автору выдвинуть и скрупулезно обосновать идею новаторской поэтики «Игроков» — о построении одноактной комедии по всем внутренним канонам полномасштабной классической пьесы, т.е., по сути, о своего рода уникальном сжатии художественного пространства (посредством синтеза традиционных типов комедийной интриги с одновременным пародированием каждого из них). Этот вывод, рожденный на основе глубоких научных исследований, в высшей степени органичен и таит в себе огромный творческий импульс для дальнейшего продвижения исследовательской мысли в сфере изучения гоголевского художественного мироустройства.

Проникновение во внутреннюю структуру «Игроков» в большой степени обеспечивается мастерским выявлением сложного многоуровневого механизма комедийной интриги — в единстве ее картежной, плутовской и театральной составляющих. Дополнительную роль играет здесь и впервые предпринятое рассмотрение скрытой организующей силы этих сложных художественных компонентов, а именно сценического ритма, гармонизирующего действие с математической точностью.

Еще один избранный автором и, как показано, очень перспективный метод исследования поэтики «Игроков» — раскрытие сюжетного своеобразия комедии сквозь призму сложной системы драматургических мотивов. Представленный для рассмотрения набор («Дело=карты», «Равенство и название», «Честь—честность—откровенность» и др.) в высшей степени характерен, ибо он в большой мере представляет сферу творческих и, в частности, комедиографических интересов Гоголя. Эта часть работы в целом отличается особой тонкостью, почти музыкальной виртуозностью исследовательского инструментария, но даже на этом фоне нельзя особо не отметить филигранного анализа, позволившего автору во всех деталях представить судьбу мотива

«дело=карты», к примеру, показать трансформацию слова «дело» в арготизм. Здесь своеобразие художественного видения Гоголя раскрыто на уровне мельчайших деталей стилистического мышления писателя, что представляет всегда особую ценность и неизмеримо увеличивает весомость научных выводов.

В полном соответствии с избранным автором принципом исследования всех уровней художественной организации текста тщательно рассмотрены природа эпиграфа и специфика авторского определения жанровой принадлежности комедии. Эти параграфы (посвященные предваряющим текст художественным элементам) органично вытекают из предшествующего исследования, являясь закономерным творческим итогом: научной экспертизой полученных выводов и их подтверждением. Так природа жанрового своеобразия «Игроков» определяется, как показано в монографии, промежуточным положением между комедией как таковой и драматическими картинами, т.е. представляет собой именно сцену (в авторском определении «комическая сцена»), в которой событийная и тематическая фрагментарность сочетается с особым художественным ракурсом, выходящим за рамки комедийности или сатиры.

В книге определены границы подобия и расхождения двух миров, повествовательного и драматургического. Круг сопоставлений достаточно широк, он включает и гоголевскую прозу («Мертвые души»), и «чужую», но интересную самому Гоголю (пушкинская «Пиковая дама») или близкую к его художественному миру («Два гусара» Толстого). Здесь хочется отметить сопоставление хронологически близких друг другу «Мертвых душ» и «Игроков». Детальное исследование сюжетобразующего мотива «дела» в «Мертвых душах» не только является необходимой предпосылкой для последующего представления мотива «дело=карты» (в обоих текстах), но и обладает самостоятельной ценностью, существенно продвигая изучение сюжетных и поэтических особенностей гоголевской поэмы. Принципиально новым является парное рассмотрение главных действующих лиц «Мертвых душ» и «Игроков»: утешительного и пародирующего его Ноздрева, а также Ихарева и Чичикова. Плодотворны и сопоставления, в частности с пушкинской «Пиковой дамой», которая рассмотрена как своего рода художественный импульс к созданию во многом пародирующих ее «Игроков» с их идеей развенчания демонизации карточной игры.

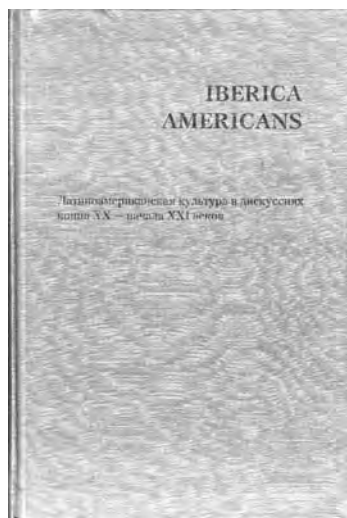
Глава, посвященная текстологической истории «Игроков», замыкает монографию. Изучение истории текста, с одной стороны, представлено в свете предпринятого исследования поэтики, а с другой — служит беспристрастной экспертизой полученных ранее выводов. Текстологическая работа с рукописями Гоголя — интересный, но чрезвычайно трудоемкий труд. Это показывает вся история изучения гоголевской комедии, огромный вклад в которую внесли Н.С.Тихонравов, А.И.Кирпичников, Н.И.Коробка, А.А.Назаревский, А.Л.Слонимский и др.

Текстологическая подготовка «Игроков» связана с работой над пятым томом готовящегося в ИМЛИ РАН нового академического Полного собрания сочинений и писем Н.В.Гоголя и выполнена со всей возможной тщательностью. Заново осуществлены прочтение автографов «Игроков», сопо-

ставительный анализ чернового автографа, черновых набросков и белового текста (с определением сложной хронологии авторской работы над этими источниками), что позволило Е.Г.Падериной прийти к обоснованному выводу — об очевидной трансформации достаточно тривиального первоначального замысла (близкого к традиционному плутовскому анекдоту на картежную тему) в творчески индивидуальный, художественно претворяющий философско-этические проблемы духовной эволюции Гоголя 1840-х гг.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть особую плодотворность предпринятого изучения гоголевской комедии в эволюционном контексте, от становления замысла к его развитию и воплощению. Этот подход становится фундаментом для фронтального изучения «Игроков» как чрезвычайно сложного художественного явления, не только подводящего драматургические итоги, но и показывающего становление новых этических и эстетических представлений Гоголя. В полной мере раскрывается одна из основополагающих идей автора книги — о неразрывной связи творческой и текстологической историй произведения. Биографический аспект исследования, связанный с изучением роли римских и парижских впечатлений в формировании драматургической эстетики Гоголя, придал дополнительные смысловые оттенки работе.

Избранный путь исследования позволил автору решить поставленную задачу — раскрыть творческую историю «Игроков» как живой, обновляющийся процесс, преломляющий художественные традиции в глубоко индивидуальные идеи и формах.

Т.Н.Ветрова*

Iberica Americans.

Латиноамериканская культура

в дискуссиях конца XX — начала

XXI века / Отв. ред. В.Б.Земсков.

М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 463 с.**

Рецензируемый труд продолжает предшествующие книги этой серии, которые с начала 1990-х гг. выходят с промежутком в несколько лет, вызывая неизменный интерес у читателей. Серия сборников *Iberica* была основана испанистом и латиноамериканистом, академиком Г.В.Степановым в рамках деятельности Совета по истории мировой культуры РАН. Поначалу в ней шла речь только о проблемах испанской культуры. В 1980-е гг. с развитием российской латиноамериканистики и, в частности, после выхода в свет в ИМЛИ РАН первого тома «Истории литератур Латинской Америки» (1985) по инициативе академика Н.И.Балашова (1919–2006), памяти которого посвящено это издание, было решено расширить тематические рамки серии и инкорпорировать в нее сборники по латиноамериканской проблематике. Идея оказалась плодотворной: с одной стороны, трибуну получили латиноамериканисты, в том числе и начинающие; с другой стороны, по своей проблематике серия сразу вышла на новый уровень изучения культур испаноязычного мира.

Если первый выпуск *Iberica Americans* включал испанский и латиноамериканский материал, то последующие сосредоточились преимущественно на латиноамериканской тематике, т.е. получилось так, что за несколько лет *Iberica* полностью «американизовалась».

Если охарактеризовать особенности этих книг в целом как научных коллективных трудов, то следует выделить две важнейшие их черты: высокую степень концептуальности и столь же высокую степень дискуссионности. Авторы и редакторы этих книг никогда не ставили перед собой задачу выработать единую точку зрения, понимая, что ее и не может быть при исследовании такого сложного, многосоставного, находящегося в процессе цивилизационного формирования феномена, как латиноамериканская культура.

Эти две черты получили полное выражение в рассматриваемой книге. Ее несомненным достоинством является то, что в ней представлены статьи и выступления наиболее компетентных ныне действующих российских латиноамериканистов из различных областей науки — литературоведения, искусствоведения, истории, философии, культурологии. У каждого свой голос, свое мнение, и это многоголосие как нельзя лучше соответствует многоголосию и

* Ветрова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая отделом кино Америки, Азии, Африки, Австралии НИИ киноискусства.

** Проект 08-04-16018д.

поливариантности самой латиноамериканской культуры, вобравшей в себя элементы различных культур Старого и Нового Света. Напрасно ждать от этой книги «окончательных» ответов и решений. Но каждый голос выявляет какую-то грань истины, а все вместе в своем взаимодействии они создают относительно целостное представление об особенностях латиноамериканской цивилизации. Главное же, что форма дискуссии призывает читателя к размышлению, к сопоставлению, сотворчеству. В этом отношении книга несомненно вызовет интерес у широкого круга читателей, тем более что затрагивает она далеко не только проблемы латиноамериканистики.

Поле для споров являются две узловые проблемы. Одна из них определена названием первой части книги «Прошлое в настоящем». Здесь публикуется дискуссия «Иберо-Америка в мировом цивилизационном процессе». К этой проблематике примыкают материалы второй дискуссии под общим названием «Наследие Хосе Марти и современный цивилизационный кризис». В обоих случаях речь идет об истории, о месте и роли Латинской Америки в современном глобализирующемся мире, о том, что нового вносит континент в картину планетарной цивилизации и какие альтернативы духовного и политического развития человечества он предлагает.

Эта проблема получила отражение и в публикуемых материалах конференции «Документ и воображение в формировании образа Нового Света», посвященной 500-летию смерти Колумба. Здесь в целом рассматривается специфика возникновения латиноамериканской цивилизации, утверждается мысль о том, что ее формирование началось с момента встречи культур Старого и Нового Света.

Рассмотрение отношений «документального» и «воображаемого» несомненно принадлежит к узловым вопросам истории латиноамериканской культуры, которая изначально складывалась в напряженной оппозиции и во взаимодействии полюсов исторического и мифологического, реального и фантастического, рационального и мистического. Сопряжение этих полюсов определяло специфику формировавшегося латиноамериканского художественного сознания, «культурного воображаемого» от истоков и до современности, особенности культуротворчества в Новом Свете.

Эта проблема с разных точек зрения рассматривается в докладах и статьях «Открытие Америки в свете исторической герменевтики. Проблема смысла и вымысла» (Н.И.Петякшева), «Инвенция в латиноамериканской культуре» (М.Ф.Надъярных), «Воображение как культуuroобразующий фактор» (Ю.Н.Гирин), «Документ и воображение в Новом Свете» (В.Б.Земсков), «Образ Америки в изобразительном искусстве и в картографии XVI–XVIII вв.» (Н.А.Шелешнева-Солодовникова), «Эволюция образа Бразилии и ее жителей во Франции XVI века» (О.В.Окунева), «Тема Нового Света в искусстве Речи Посполитой и Чехии конца XVI–XVIII веков» (Л.И.Тананаева), «Конкистадор и овладение пространством Нового Света» (А.Ф.Кофман) и др.

Все материалы этой части работают на общую идею — уникальность возникновения образа и «картины мира» Нового Света. Взгляд в истоки латиноамериканской культуры позволяет многое понять в ее последующем развитии.

Другая проблема труда — культурный синтез — составила концептуальное ядро заключительной части книги «Векторы исканий, некоторые итоги. Дискуссия продолжается...». Эта универсальная проблема имеет особое значение для интерпретации формирования латиноамериканского цивилизационного варианта.

В применении к истории формирования латиноамериканской культуры она была впервые выдвинута В.Б.Земсковым во Введении к первому тому «Истории литератур Латинской Америки» (М.: ИМЛИ РАН, 1985). Ученый предложил рассматривать формирование латиноамериканской литературы как части крупнейшего в мировой истории культурного синтеза.

Проблема культурного синтеза сыграла ключевую роль в формировании дискуссионного поля и шире — школы отечественной латиноамериканистики, она с разных сторон подвергалась анализу в серии трудов «*Iberica Americans*» и находилась в центре теоретических разработок концепции 5-томной «Истории литератур Латинской Америки» (1985—2005).

Естественно, эта ключевая и сложнейшая проблема не могла не вызвать (учитывая гетерогенное культурное поле Латинской Америки) различных интерпретаций и коррекций. Одни считали культурный синтез (в разных его проявлениях) главным вектором латиноамериканского культуростроительного процесса; с точки зрения других, его можно было рассматривать только как нескончаемый процесс; третьи аналитически выделяли его разные уровни и стадии, четвертые вообще отвергали возможность культурного синтеза и полагали гетерогенность онтологическим качеством Латинской Америки.

В статье В.Б.Земскова «От изучения процесса к осмыслению цивилизационной парадигмы» читатель найдет анализ этой проблематики на разных этапах ее развития. Статьи известных латиноамериканистов А.Ф.Кофмана «Проблема синтеза в латиноамериканской культуре», М.Ф.Надъярных «Культурный синтез и проблема категорий в современной латиноамериканистике», Я.Г.Шемякина «Латиноамериканская цивилизация и латиноамериканская литература» обнаруживают современный, глубокий и дифференцированный уровень трактовки ключевой проблемы.

Автор последней из статей трактует механизм культуростроительного процесса в Латинской Америке как своего рода маятниковое, колебательное движение между полюсами периодов стремления к единству (преобладание синтезного начала) и к гетерогенной вариативности, к многообразию.

Приведем также суждение Я.Г.Шемякина о состоянии отечественной латиноамериканистики: за прошедшие десятилетия «было создано поле чрезвычайно интенсивного творческого взаимодействия, особое, в высшей степени креативное, духовное пространство... в центре его тома “Истории литератур Латинской Америки”... все выпуски сборников *Iberica Americans*, многочисленные статьи, книги, рождавшиеся в ходе и в результате дискуссий» (с. 459).

Предлагаем читателям внимательно прочитать этот заключительный раздел книги — он того заслуживает. Невольно обращают на себя внимание такие ключевые слова труда, как «Некоторые итоги», «Транзит в пространство нового знания», «Дискуссия продолжается...». Они фиксируют и достижения, и возможные перспективы отечественной латиноамериканистики.

И.И.Исаев*

**Незабытые голоса России: Звучат
голоса отечественных филологов.
Вып. I / Под ред. О.В.Антоновой,
Д.М.Савинова; Ин-т рус. яз.
им. В.В.Виноградова РАН. М.:
Языки славянских культур, 2009. —
240 с. ****

Более чем полвека отдел фонетики Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН собирает выдающуюся по своему значению и охвату коллекцию записей звучащей речи. Эти записи были сделаны на самых различных носителях: от архаичных восковых валиков, магнитофонных катушек и стремительно устаревающих аудиокассет до цифровых пленок, минидисков и записей высокого качества в форматах современных компьютерных аудиоредакторов и программ анализа речи. В настоящее время есть техническая возможность перевести старые записи в современный вид и сделать голоса ученых, актеров и писателей — представителей целой эпохи — доступными для тех, кто прислушивается к своей истории, ценит культуру и язык в живой авторской интонации.

В первой книге серии «Незабытые голоса России» собраны расшифровки текстов — уникальных записей звучащей речи выдающихся отечественных филологов середины XX в. Жанры текстов различны: от научных докладов и лекций до лингвистических пародий, бесед, воспоминаний.

Книга открывается блестящей двухчастной интродукцией Р.Ф.Касаткиной и Л.П.Крысина, которая уже сама по себе может претендовать на филологический, исторический и публицистический интерес читателей. Все разнообразные тексты объединены общим значением — это звучащая речь, которая в «Голосах филологов» имеет первостепенное значение: «в качестве исходной, первичной формы здесь выступает *устная речь*, а письменная фиксация за ней следует» (Р.Ф.Касаткина, с. 10). Обычная практика подачи звучащих текстов заключается в том, что авторский текст произносится под запись актером: это радио- и телеспектакли, кинофильмы и театральные постановки. Фонетика и орфоэпия звучащего текста в таких случаях отражают норму чтеца, но не норму автора. Предложенная на суд слушателей-читателей книга подвергает содержательной инверсии привычные отношения письменного и устного текста, помещая на первый план оригинальный речевой образ автора.

В книге представлены расшифровки 17 аудиозаписей. Подборка этих текстов охватывает широкий круг тем: здесь отражены рассказы о литературе

* Исаев Игорь Игоревич — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

** Проект 07-04-94488д/Я.

классицизма, о поэтике и стилистике, о культуре речи и русском произношении, воспоминания о пережитых военных годах, о скрытых грамматических категориях и беседы о методологии научного труда.

Доклад Р.И.Аванесова на Ученом совете ИРЯ АН СССР (запись сделана Р.Ф.Касаткиной в 1969 г., расшифровка Е.Ю.Кукушкиной) очень важен для понимания основ московской фонологической школы, а также школы московской диалектологии и лингвистической географии. Комплексная поветлужская экспедиция, в которой в 1929 г. со стороны лингвистов приняли участие Р.И.Аванесов и В.Н.Сидоров, известна среди специалистов как первый системный подход к описанию идиом в диалектологии. Новый метод работы, предложенный авторами, вызвал возражения некоторых членов Ученого совета.

Привычное дифференциальное описание диалекта, при котором фиксируются только те примеры, которые отличаются от литературного варианта национального языка, отчасти скрывает отношения между единицами. При таком подходе становится явной лишь небольшая часть связей языковых единиц, радикальные звенья системы. Безусловная заслуга Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова заключалась в том, что они преодолели устойчивое научное предубеждение и смогли показать, что диалект, т.е. *частная диалектная система* (по терминологии, разработанной московской школой диалектологии), имеет право на полное описание. В этом отношении между языком и диалектом ставится структурное равенство. Развитие данного положения привело в дальнейшем к формированию идеи *диалектного языка*, объединяющего отдельные говоры на основе общих и различительных черт. Многие вопросы теории лингвистической географии берут свое начало в подходе, предпринятом в описании поветлужского материала.

Некоторые тексты ценны не только обнаженной методологией научной работы, но и фактическим этнографическим материалом. В 1972 г. С.С.Высотский, заведовавший в Институте русского языка АН СССР лабораторией экспериментальной фонетики, прочел доклад о московском народном говоре на заседании Ученого совета Института (запись И.А.Васильева, расшифровка Д.М.Савинова). Основной содержательный пласт этого доклада — изначальная неоднородность московского говора, сформированная коренным населением ближайших деревень и городов, которые вошли в черту мегаполиса. В этом докладе, помимо основного содержания, представлена историко-этнографическая структура старой Москвы: купеческое население Замоскворечья и Таганки, ткацкие районы Черкизово и Семёнки, мещане Трубной, Марьиной Рощи и Бронной слободы и многие другие группы московского населения.

В книге собраны замечательные тексты. Педагогическое значение этого издания безусловно. Книга в полной мере способна дать представление об образе мыслей, настроениях и убеждениях тех, кто развивал филологическую науку середины XX в. на лингвистическом и литературоведческом фронтах; всех тех, чьи рассказы помещены под обложкой книги.

Молодому ученому будет крайне полезно погрузиться в эту атмосферу и приобрести знания о людях науки, оценить остроту и высоту гуманитарной мысли. «Филология в лицах и судьбах» — так можно было бы охарактере-

ризовать этот выпуск. Жанр воспоминаний вызывает неизменное любопытство и осознание того, что участники книги — Р.И.Аванесов, С.М.Бонди, В.В.Виноградов, Т.Г.Винокур, С.С.Высотский, А.П.Евгеньева, А.В.Исаченко, И.С.Ильинская, В.Д.Левин, А.А.Реформатский, В.Н.Сидоров, О.Н.Трубачев, Д.Н.Ушаков, Р.О.Якобсон — принадлежат к почти ушедшему огромному пласту культуры XIX–XX вв., который связан с непростым историческим опытом нашего Отечества.

Издание будет полезно тем, кто читает и слушает курс введения в языкознание или историю языкознания на филологических факультетах и факультетах иностранных языков. Печатные и звучащие тексты могут быть использованы в лекционном и семинарском курсе в качестве хрестоматии.

*В.Н.Семенов**

Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 464 с.: ил. **

Монография Игоря Александровича Казуся органично продолжила ряд классических трудов первопроходцев изучения истории становления и эволюции архитектуры советского авангарда 1920-х гг. В.Э.Хазановой и С.О.Хан-Магомедова. Эта книга существенно отличается от своих предшественниц нетрадиционным объектом рассмотрения, а именно — самой организации архитектурной деятельности в СССР. Такой подход представляет историю советской архитектуры и многие известные ее факты с новой, непривычной стороны, создает предпосылки для более глубокого понимания содержания и социального смысла архитектурной деятельности в Советском Союзе.

Это во многом определяет научную ценность данного труда, тем более, что он основан на выявлении, систематизации и обобщении огромного, но чрезвычайно разрозненного фактического материала (прежде всего, архивного, а также извлеченного из периодической печати 1920-х—1930-х гг.). Не изученная до того картина становления и формирования системы архитектурно-градостроительного проектирования в России после Октябрьской революции 1917 г. представлена в фундаментальной полноте.

В монографии, развивающей предшествующие публикации автора, открыто новое направление архитектурно-исторических исследований — изучение созданной советской властью системы архитектурно-градостроительного проектирования. Сложнейший для восприятия материал книги построен так, что требует как бы соисследования фактов читателем. До появления этой книги историкам советской архитектуры трудно было ориентироваться в бесструктурном море сотен различных учреждений, в которых работали архитекторы, и непрерывной череде конкурсов 1920-х гг. Автор органически соединил обе эти большие темы, выделив организационный аспект как очень важный и значительный ресурс в изучении истории отечественной архитектуры.

Ограничение хронологическими рамками первого пятнадцатилетия (1917—1933) позволило автору рассмотреть непростые трансформации исследуемой системы и нюансы ее непрерывных административных преобразований, глубоко связанных с противоречивыми тенденциями в жизни самой страны. Тщательное следование хронологии дало автору возможность восстановить объективную картину рассматриваемого процесса, превращающегося на страницах книги в живое действие.

* Семенов Вадим Николаевич — кандидат технических наук, заведующий кафедрой Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства.

** Проект 07-04-16110д.

Охватывая в первой главе рубеж XIX—XX вв. и последовавший вскоре после Октябрьской революции период военного коммунизма, автор убедительно показывает, что между ними не было содержательного разрыва, так как первые попытки создания централизованной системы архитектурного проектирования в советских условиях опирались на осмысление подобных идей в печати предреволюционных лет. С созданием новой властью уже в 1918—1919 гг. архитектурно-проектных мастерских при Московском и Петроградском Советах, в Наркомпросе, Управлении городского и сельского строительстве ВСНХ и других центральных организациях, проектное дело в стране, как показано в монографии, первоначально даже было ориентировано, воспроизводя прежнюю в какой-то мере цеховую организацию проектной деятельности, на формирование мастерских лишь с ролями «мастера»-автора и его «помощников»-исполнителей, т.е. «подмастерьев» и «учеников».

Автор выявляет в предреволюционном опыте организации проектирования ряд проблем: обостренное внимание архитекторов к будущему городов и недостаток возможностей влияния градостроителей на реальную практику; традиционная индивидуальность архитектурного проектирования и авторское право на проект в условиях складывавшейся коллективности этого вида творчества; разделение труда и ответственности между архитектором и специалистами-«смежниками»; организационные особенности конкурсного проектирования как рычага внедрения новых творческих идей и т.п.

На подробном материале о перегруппировке архитекторов в период нэпа (1921—1928) в монографии раскрыто формирование с участием лидеров архитектурного авангарда первых подрядных проектных и проектно-строительных организаций (в том числе частных), активно использовавших новейшие для того времени технологии домостроения (товарищество «Техбетон», акционерные общества «Стандарт», «Стандартстрой», «Теплобетон» и др.). Выявляя видоизменения структуры действовавших организаций, автор одновременно связывает их с рассмотрением архитектурных конкурсов тех лет, показывая, что особенности организации архитектурного проектирования стали в этот период своеобразным катализатором творческого подъема архитектуры.

Наиболее полно соответствуя внутреннему содержанию архитектурной деятельности, организационные условия второй половины 1920-х гг. способствовали внедрению авангардных идей в реальную проектно-строительную практику. Подтверждение этому можно видеть не только в многочисленных таблицах, но и в потрясающей по своей бытовой жизненности фотографии сотрудников товарищества «Техбетон» 1930 г., занявшей целый разворот. Это документ эпохи, требовавшей (и допускавшей), чтобы сотрудники проектного бюро (причем частного) прошли по Красной площади не только с проектами крупнейших строек (Уралмашзавода и Синарстроя), но и с проектом строившегося в Сталинграде Дворца культуры авангардиста Ильи Голосова.

Для последующего периода 1929—1933 гг., когда страна перешла к индустриализации, а архитектурно-проектная и градостроительная деятельность стала массовой, характерны целенаправленный процесс унификации организационных форм архитектурного проектирования на государственной

основе по образцу промышленного производства и появление в стране архитекторов, работавших теперь исключительно на государство.

На материале, связанном с деятельностью отраслевых проектных организаций ВСНХ СССР и других наркоматов, автор убедительно раскрывает процесс формирования в течение нескольких лет уникального проектно-строительного комплекса страны, не имевшего прецедентов в мировой истории. Этот комплекс, в который были вовлечены все советские архитекторы, благодаря единству системы контроля над результатами деятельности обеспечил поточность разработки проектной документации для реализации гигантских строек первых пятилеток, но одновременно в ходе нормирования и типизации проектов существенно сократил свободу архитектурного творчества, ограничил возможности для движения творческой мысли.

В монографии впервые показано, как в процессе огосударствления и монополизации архитектурно-строительного дела сфера проектирования все более отрывалась и от заказчика, и от потребителя. Это отчетливо проявилось и в практике архитектурных конкурсов, которые в середине 1920-х гг. получили весьма широкое развитие, но к началу следующего десятилетия стали все менее востребованными.

Создание в 1933 г. творческих мастерских Моссовета (подчиненных Архплану, которым руководил лично Л.М.Каганович), во главе которых были поставлены крупные архитекторы-мастера, означало, как показано в монографии, персонификацию ответственности за внедрение «образцов архитектуры», выработанных на этапах конкурса на Дворец Советов, но не реализацию возможностей свободы творческого самовыражения, хотя авторство архитектурного произведения формально было возрождено.

Выявляя частое и стремительное изменение подходов власти к решению круга проблем организации архитектурного творчества в рамках государственных проектных трестов и институтов, показывая хронологию возникновения противоречивой и мозаичной организационной картины, когда в стране параллельно действовали обрывки или фрагменты различных организационных систем, подчас исключаящих друг друга, автор прослеживает весь путь системы архитектурного проектирования к финальному для рассматриваемого исторического периода расслоению проектирования на элитарное и массовое.

Специфика материала определила структуру монографии, в которой большая часть фактологической базы вынесена в примечания, в Свод основных архитектурно-проектных организаций, действовавших в 1917–1933 гг., в текстовые аналитические таблицы и в завершающую издание хронологическую диаграмму, показывающую результат процесса формирования проектных организаций СССР на рассматриваемом этапе.

В разделе документов даны не только официальные документы, касающиеся формирования структуры архитектурно-проектного дела (декреты и постановления СНК и СТО, приказы ВСНХ, директивы Стройкома РСФСР и т.д.), но подчас с неожиданной стороны в неизвестных до того архивных документах (прошениях, заявлениях, личных картах, письмах, докладах, отчетах, записках и пр.) предстают известнейшие архитекторы тех лет И.В.Жолтовский, А.В.Щусев, Н.А.Ладовский, К.С.Мельников, И.А. и П.А. Голосовы, Л.А.Веснин, М.В.Крюков, С.Е.Чернышев, Э.И.Нор-

верт, О.А.Вутке, А.Я.Лангман и многие другие в их реальной включенности в рассматриваемый процесс.

Представленный в книге Свод организаций — единственный в науке каталог, наглядно отражающий начальный этап грандиозной организационной работы, объединившей тысячи архитекторов в единую государственную структуру проектного производства. Масштаб и глубину охвата монографией действовавшей системы показывают количественные данные: в Своде описаны около 600 архитектурно-проектных организаций, чаще всего с выявлением их творческого состава, выполненных проектов и построек. Осуществляя принцип централизации, крупнейшие из них, такие как Горстройпроект, Гипрогор, Гипроград, Промстройпроект, Гидроэлектропроект, объединили десятки действовавших до того коллективов проектировщиков.

Именной указатель книги охватывает около 2000 имен, среди которых впервые в литературе по истории советской архитектуры обозначены не только эмигрировавшие вскоре после революции архитекторы — А.Я.Белобородов, А.Л.Берлин, Н.В.Васильев, Г.Е.Гинц, Е.И.Гонцкевич, М.Г.Диканский, Н.И.Исцеленов, В.Г.Кричевский, Ф.И.Лидваль, Л.И.Лиштван, М.С.Ляевич, С.В.Ноаковский, Э.И.Норверт, А.Л.Поляков, И.И.Фидлер и др., многие из которых работали в самых первых проектных мастерских, но и репрессированные в 1930-е гг. ведущие специалисты (в том числе иностранные) и руководители крупных проектных институтов и объединений: архитекторы С.Ф.Бабаев, В.С.Биркенберг, Э.В.Борхерт, Е.Г.Вейс, О.А.Вутке, А.З.Гринберг, М.Ф.Гунгер, В.А.Дедюхин, А.И.Забедовский, Н.Л.Крысов, М.В.Крюков, С.А.Лисагор, Н.З.Нессис, Г.В.Саренко, А.Урбан, Я.П.Шмидт, О.О.Шнейдратус; инженеры Б.Е.Барский, К.Д.Валериус, П.А.Велихов, К.Х.Данишевский, А.Н.Долгов, П.Е.Кивгилло, Б.Л.Колесников, И.Е.Коросташевский, П.Н.Мостовенко, Н.Л.Стамо, К.П.Хайдуков, В.Д.Цветаев, И.Е.Черкасский, Д.Т.Шермергорн, С.С.Шестаков, историки искусства, экономисты, юристы и др., многих из которых автор этой публикации ввел тем самым в историю.

Действовавшие в СССР 1920-х — 1930-х гг. принципы организации профессиональной работы архитекторов, выявленные в монографии, предоставляют объективное знание о ценнейшем историческом опыте, который способен и сегодня оказать влияние на целенаправленность принятия решений в сфере государственного регулирования проектной деятельности, во многом определяющей дальнейшее развитие страны.

Благодаря материальной и фактологической объемности, объективности материала, мастерству его научного анализа и глубокому историко-теоретическому осмыслению монография стала цементирующим звеном истории, без которого общая картина эпохи советского архитектурного авангарда была бы неполной.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международные контакты Фонда

В 2010 г. исполнилось десять лет с тех пор, как Фонд начал проводить международные конкурсы. Первым зарубежным партнером РГНФ стал Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ). С 2005 г. РГНФ организует международный конкурс совместно с Национальной академией наук Украины. С каждым годом расширяется сотрудничество Фонда с научными организациями стран не только ближнего, но и дальнего зарубежья.

Успешно развиваются связи с Национальным центром научных исследований Франции (CNRS). Первый международный конкурс РГНФ и CNRS провели в 2007 г., и с тех пор он стал ежегодным. А в сентябре нынешнего года председатель совета РГНФ В.Н.Фридлянов и президент CNRS Алан Фукс подписали дополнительное соглашение о сотрудничестве. И это очень своевременно, поскольку Национальный центр научных исследований Франции, поддерживая фундаментальные исследования по всем научным дисциплинам, включая технические и естественно-научные, объявил следующий — 2011 г. — Годом гуманитарных наук. На состоявшейся в сентябре российско-французской встрече были обсуждены инструменты двустороннего научного сотрудничества, выяснено, насколько они соответствуют общим целям и задачам.

Новый импульс в развитии получили и контакты РГНФ с коллегами из Греции. С 14 по 20 августа 2010 г. на острове Корфу (Греция) прошло заседание Оргкомитета Российско-греческого форума гражданских обществ, в работе которого принял участие член Оргкомитета этого важного российско-греческого мероприятия заместитель председателя совета РГНФ Ю.Л.Воротников. На предыдущем Российско-греческом форуме гражданских обществ, состоявшемся в Санкт-Петербурге осенью 2009 г. и вызвавшем огромный интерес общественности обеих стран, обсуждался широкий круг вопросов, связанных с историей, современным состоянием и перспективами российско-греческого сотрудничества в сфере политики, экономики, культуры и искусства. Следующий форум намечено провести в Афинах в апреле-мае 2011 г. Обсуждалась и уточнялась его программа, было решено особое внимание в докладах участников форума и в его итоговых документах уделить тем пока еще неиспользованным возможностям, которые позволят существенно расширить и углубить сотрудничество российских и греческих ученых в особо значимых областях науки и культуры.

По результатам конкурса, соглашение о проведении которого было подписано руководителями Фонда и Центра в мае 2009 г., поддержаны 6 международных проектов на общую сумму свыше 1,5 млн руб. Совместные исследования российских и греческих ученых посвящены различным аспектам истории и культуры двух стран. С руководством КЕРИЕ обсуждались перспективы дальнейшего сотрудничества, в том числе возможность и желательность сделать конкурс трехсторонним, с участием в совмест-

ных проектах ученых-гуманитариев Национальной академии наук Украины, с которой РГНФ уже давно и плодотворно сотрудничает.

С 2007 г. РГНФ и Академия Финляндии (АФ) в рамках подписанного в 2005 г. Соглашения о сотрудничестве осуществляют совместную программу «Исследование алкогольной и наркотической зависимости». Итоговый научный семинар по этой важной как в научном, так и в общественном отношении программе состоялся 8–10 ноября 2010 г. в Хельсинки и Стокгольме. В работе семинара приняли участие ученые из научных организаций России, Финляндии и Канады, чьи доклады были посвящены социальным, психологическим, биологическим аспектам формирования у человека разного рода зависимостей, в первую очередь алкогольной и наркотической, а также эффективным методам и способам борьбы с ними. Обсуждалась возможность привлечения к совместным исследованиям ученых из Китая, Вьетнама и других стран, с которыми у РГНФ есть соглашения о сотрудничестве. Принимавший участие в работе семинара заместитель председателя совета Фонда Ю.Л.Воротников выступил с сообщением об итогах сотрудничества РГНФ и Академии Финляндии, а также обсудил с руководством АФ дальнейшие перспективы этого сотрудничества. В работе семинара принял участие директор РГНФ А.Ф.Щербак. Обсуждались возможности объявления в 2011 г. новых совместных программ, в том числе по изучению человеческого сознания, по истории, культуре и языкам финно-угорских народов, по возможным социально-экологическим последствиям глобальных климатических изменений. Окончательный перечень новых совместных программ РГНФ и АФ решено утвердить в первом квартале 2011 г.

Одним из заметных событий в научном мире стало проведение 16–18 сентября в Осло (Норвегия) конференции Европейской Ассоциации центров медицинской этики (ЕАСМЕ) «Эмпирическая этика». Форум объединил ученых из более чем 30 стран мира. С момента организации в 1985 г. деятельность ЕАСМЕ направлена на развитие международной сети научной коммуникации, содействие в обмене идеями и достижениями в области биоэтики, а также рассмотрение социогуманитарных параметров развития биомедицинской науки и практики в современном обществе.

Объединив ученых и юристов, врачей и представителей религии, конференция стала своеобразным трансдисциплинарным форумом для продуктивного обсуждения проблем современной биоэтики. Большую заинтересованность в рамках одного из заседаний участники конференции проявили к сообщению начальника отдела философии РГНФ Л.П.Киященко о деятельности Фонда по поддержке гуманитарных исследований, в частности в сфере исследований, ориентированных на рассмотрение биоэтической проблематики, по распространению гуманитарных знаний и развитию международного сотрудничества.

РЕШЕНИЕ

совета Российского гуманитарного научного фонда

г. Москва

24 сентября 2010 г.

(принято единогласно)

Совет Фонда отмечает, что к настоящему времени Фонд профинансировал поддержанные проекты проведения экспедиций и организации научных мероприятий; исследовательские проекты, проекты создания информационных систем, проекты стажировок молодых ученых в научных центрах России и их командировок для работы в библиотеках и архивах, проекты участия российских ученых в научных мероприятиях за рубежом — в размере 83,0% от запланированного в 2010 г. объема финансирования. Фондом профинансированы проекты, выполняемые в 519 организациях различной ведомственной принадлежности.

Бюро совета Фонда 5 мая 2010 г. утвердило новую редакцию нормативных документов, регламентирующих работу экспертной системы Фонда и порядок финансирования поддержанных проектов (Положения о конкурсах РГНФ, об экспертных советах и экспертах Фонда, о порядке проведения экспертизы проектов, поступающих на конкурсы РГНФ, о порядке предоставления субсидий на проведение работ по поддержанным Фондом проектам, о порядке изменения объемов финансирования поддержанных проектов, о бюллетене «Вестник Российского гуманитарного научного фонда»), новые формы договоров с организациями, в которых выполняются проекты. В Фонде разработаны Положение о конкурсе членов экспертных советов и экспертов Фонда и объявление о конкурсе, Положение о целевых конкурсах, разрабатываются новые формы экспертных анкет, начата работа по подготовке к созданию новой информационной системы.

В Фонде введена новая система оплаты труда сотрудников аппарата, утверждены положения об оплате труда сотрудников аппарата и их премировании, новая структура аппарата Фонда.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 752-р председателем совета Фонда утвержден В.Н.Фридлянов, распоряжением от 2 сентября 2010 г. № 1434-р утвержден состав совета Фонда.

Совет Российского гуманитарного научного фонда постановляет:

1. Одобрить работу Фонда за период с мая по сентябрь 2010 г. в соответствии с уставом Российского гуманитарного научного фонда.

Одобрить работу Фонда по увеличению площадей, занимаемых Фондом на условиях аренды, в целях улучшения условий работы сотрудников и экспертов Фонда, а также работу по подготовке к созданию новой информационной системы.

2. Утвердить состав бюро совета Фонда:

Фридлянов В.Н. — председатель совета, доктор экономических наук

Воротников Ю.Л. — заместитель председателя совета, член-корреспондент Российской академии наук

Дынкин А.А. — директор Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, академик Российской академии наук

Жуков В.И. — ректор Российского государственного социального университета, академик Российской академии наук

Иванов В.В. — заместитель Главного ученого секретаря Президиума Российской академии наук, доктор экономических наук

Куделин А.Б. — директор Института мировой литературы им. А.М.Горького, академик Российской академии наук

Тишков В.А. — директор Института этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая Российской академии наук, академик Российской академии наук

3. Утвердить Положение о конкурсе членов экспертных советов и экспертов Фонда и объявление о конкурсе (Приложения 1–2).

Поручить бюро совета Фонда утвердить составы экспертных советов и экспертов по итогам конкурса.

4. Утвердить Положение о целевых конкурсах РГНФ 2011 г. (Приложение 3).

Поручить бюро совета Фонда утвердить состав экспертного совета по проведению целевых конкурсов и объявления о целевых конкурсах РГНФ 2011 г.: «Россия в условиях модернизации: социогуманитарные аспекты», «Россия в полицентричном мире: образ страны», «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: экономика, политика, история, культура», «Энергетика и геополитика».

5. Исключить из перечня конкурсов 2010 г. проведение целевого конкурса «Формирование инновационной системы России». Поручить бюро совета Фонда принять решение по совместному конкурсу с Болгарским национальным фондом научных исследований.

Разрешить использовать средства, запланированные на финансирование проектов целевого конкурса, на увеличение объемов финансирования проектов, поддержанных Фондом в 2010 г., в соответствии с Положением об изменении объемов финансирования проектов.

Разрешить использовать часть средств Фонда на проведение конкурса работ по созданию информационной системы Фонда в 2010–2011 гг.

Утвердить предварительный План распределения средств РГНФ на 2011 год для финансирования проектов РГНФ (Приложение 4) и уточненную Смету расходов на обеспечение деятельности РГНФ в 2010 г. (Приложение 5).

Установить максимальную величину грантов в 2011 г. по индивидуальным научно-исследовательским проектам в размере 350 тыс. руб., по коллективным научно-исследовательским проектам — 1500 тыс. руб., по научно-исследовательским проектам целевых конкурсов — 3000 тыс. руб.

Увеличить выделение бюджетных средств на издательскую деятельность.

Поручить бюро совета Фонда утвердить уточненный план распределения средств РГНФ на 2011 г. по результатам подготовки проекта Федерального

бюджета на 2011 г. и распределение средств Фонда на 2011 г. (квот финансирования) по направлениям гуманитарных наук с сохранением пропорций, сложившихся по итогам конкурса 2010 г.

6. Утвердить дополнения к объявлению об отчетах по проектам за 2010 год (Приложение 6).

7. Утвердить объявление о совместном конкурсе РГНФ — Императорское Православное Палестинское общество 2011 г. (Приложение 7) и объявления о международных конкурсах 2011 г.: РГНФ — БРФФИ, РГНФ — БРФФИ (пограничные области), РГНФ — НАН Украины, РГНФ — МинОКН Монголии, РГНФ — Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG), РГНФ — «Дом наук о человеке» (Франция), РГНФ — Вьетнамская Академия Общественных Наук, РГНФ — Академия наук Абхазии, РГНФ — Министерство образования, науки и молодежной политики Республики Южная Осетия, РГНФ — Центр греко-российских исторических исследований (КЕРИЕ) (Приложения 8–18).

8. Поручить бюро совета РГНФ рассмотреть возможность привлечения к региональным конкурсам Фонда более широкого круга участников региональных конкурсов.

9. Утвердить форму договора РГНФ с издательскими предприятиями и руководителями проектов по изданию научных трудов и форму акта приемки-сдачи работ (Приложения 19–21).

Обратить внимание издательских предприятий, выполняющих работы по проектам РГНФ, на недопустимость несвоевременного выполнения договорных обязательств перед Фондом. Поручить бюро совета Фонда рассмотреть вопрос о применении санкций к таким предприятиям.

10. С целью оптимизации работы по рассылке книг, изданных при поддержке РГНФ, поручить бюро совета РГНФ уточнить перечень организаций, в которые рассылаются издания Фонда.

11. Поручить бюро совета Фонда проработать вопрос подготовки сводных изданий по региональным конкурсам РГНФ.

12. Поручить бюро совета Фонда рассмотреть возможность проведения конкурса по оцифровке книг, изданных при поддержке Фонда, и создания электронной библиотеки книг и отчетов.

13. Поручить бюро совета Фонда подготовить предложения по уточнению условий международных конкурсов, предусмотрев возможность публикации совместных трудов, подготовленных в рамках международных конкурсов.

14. Поручить бюро совета Фонда уточнить условия конкурсов РГНФ, исключив ограничения, связанные с изданием учебников, учебных пособий и переводов с русского языка на иностранные языки и с иностранных на

русский язык, а также в части заявки необходимых средств на перевод на иностранные языки результатов исследований при их публикации за рубежом.

15. С целью привлечения внебюджетных средств поручить бюро совета Фонда рассмотреть возможность проведения совместных работ и представить предложения по совместным конкурсам на очередном заседании совета Фонда.

16. Утвердить состав редколлегии бюллетеня «Вестник Российского гуманитарного научного фонда» (Приложение 22).

17. Поручить бюро совета Фонда проработать вопросы создания представительств или филиалов Фонда в Центральной Европе, на Балканах и Латинской Америке.

18. Утвердить решения бюро совета РГНФ № 4 (от 5 мая 2010 г.).

19. Утвердить изменения объемов финансирования проектов № 10-04-00637 и/Мл «Стажировка в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева» (рук. Эршлер Д.А., Московский центр непрерывного математического образования) и № 10-01-00575м/Мл «Железнодорожный транспорт советского Дальнего Востока в период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г.» (рук. Тесельская И.П., Дальневосточный государственный гуманитарный университет).

Утвердить объем финансирования проекта № 10-04-00637 и/Мл в размере 13 825 руб., проекта № 10-01-00575м/Мл в размере 26 513 руб., в соответствии с представленными сметами расходов по указанным проектам.

20. В связи с обращением Министерства образования и науки Республики Бурятия утвердить уменьшение на 10% объемов финансирования проектов регионального конкурса «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном», проводимого в Республике Бурятия в 2010 г.

Утвердить объем финансирования проектов регионального конкурса «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном», проводимого в Республике Бурятия в 2010 г., в размере 900 тыс. руб.

21. Утвердить изменения в текущем финансировании поддержанных проектов (Приложение 23).

22. Опубликовать решение совета Фонда в бюллетене «Вестник РГНФ» и на веб-сайте РГНФ.

Председатель совета
Российского гуманитарного научного фонда

В.Н.Фридлянов

Перечень статей, опубликованных в бюллетене «Вестник РГНФ» в 2010 г.

Российская гуманитарная наука и задачи РГНФ

- Климов Е.А., Хащенко В.А. Итоги конкурсов 2010 года и экспертизы отчетов 2009 года в области комплексного изучения человека, психологии, педагогики, социальных проблем медицины и экологии. — № 2. — С. 32–38.
- Корниенко Н.В., Денисов Н.Г. Основные итоги конкурсов 2010 года по филологии и искусствоведению. — № 2. — С. 26–31.
- Лекторский В.А., Киященко Л.П. Конкурс РГНФ по социальным наукам 2010 года. — № 2. — С. 21–25.
- Мавевский В.И., Денисов В.И. Экономическая наука современной России в проектах конкурса РГНФ 2010 года. — № 2. — С. 14–20.
- Макаров В.А. Анализ и оценки возможностей инновационного развития России в работах экономистов на конкурсе РГНФ 2010 года. — № 2. — С. 39–41.
- Мунчаев Р.М., Малышев А.А. Итоги и перспективы развития исторической науки: результаты конкурса РГНФ 2010 года и экспертизы отчетов 2009 года. — № 2. — С. 7–13.
- Фридлянов В.Н. Новый этап в деятельности РГНФ. — № 4. — С. 5–15.

Над чем работают лауреаты конкурсов РГНФ

Исторические науки

- Алексеева С.И. Третий Иванович Филиппов в молодые годы: материалы к биографии. — № 1. — С. 32–41.
- Анкудинов И.Ю. Историко-географическое изучение окрестностей Новгорода Великого XV–XVII веков. — № 3. — С. 27–35.
- Власова И.В. Судьбы русской народной культуры. — № 3. — С. 36–46.
- Жамбалтарова Е.Д., Ветров В.М., Клементьев А.М. Комплексное исследование археологических памятников неолита – раннего бронзового века Западного Забайкалья. — № 4. — С. 27–36.
- Копанев Н.А. Западноевропейские издатели и Россия в эпоху Просвещения. — № 1. — С. 14–31.
- Кузьминых С.В., Детлова Е.В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь. — № 1. — С. 42–51.
- Куприянов П.С. Московское Зарядье вчера и сегодня: визуальная антропология городского пространства. — № 4. — С. 16–26.
- Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев, общественное мнение и периодическая печать в 1880-е годы. — № 3. — С. 3–15.
- Хвостова К.В. Право прецедентов в Византии. — № 1. — С. 5–13.
- Худяков Ю.С. Взаимное влияние в военном деле русского, тюркских и монгольских народов в Южной Сибири в XVI–XVII веках. — № 3. — С. 16–26.

Экономика

- Буданов И.А., Устинов В.С. Роль интеграционных процессов в современном развитии металлургии. — № 1. — С. 52–60.
- Буздалов И.Н. Социальное рыночное хозяйство: проблемы становления в агропродовольственном секторе России. — № 4. — С. 37–45.
- Иванов Ю.Н., Сотникова Р.А. Теория оптимального предприятия. — № 1. — С. 61–72.
- Куклин А.А., Васильева Е.В. Качество жизни населения регионов России: подходы к исследованию и оценка состояния. — № 3. — С. 76–83.
- Потравный И.М., Мельникова Е.Н. Перспективы и возможности государственного экологического заказа в современном экономическом развитии. — № 4. — С. 46–52.
- Решетникова Е.Г. Динамика социально-экономической дифференциации и проблема продовольственной бедности в регионе (на примере Саратовской области). — № 3. — С. 69–75.

- Рюмина Е.В. Экономическое обеспечение природоохранной деятельности. — № 3. — С. 58–68.
- Цымбал В.И. Социально-экономическая оценка рациональности реформирования системы комплектования российской армии. — № 3. — С. 47–57.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

- Артемяева Т.В., Микешин М.И. История идей как интеллектуальная коммуникация. — № 4. — С. 53–59.
- Бажанов В.А., Баранец Н.Г. Аргументация и философское доказательство в отечественной университетской философии на рубеже XIX–XX веков. — № 1. — С. 73–80.
- Волгоконова О.Д. Русская диаспора в Крыму: политизация этничности. — № 1. — С. 90–100.
- Дудко И.Г., Алехин А.Е., Борисова М.М., Потапова С.В. Правовое обеспечение реализации национальных проектов в субъектах Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа). — № 3. — С. 100–109.
- Князева Е.Н. Когнитивная архитектура воплощенного разума. — № 3. — С. 84–91.
- Козлова Л.А. Теоретико-методологические ориентации российских социологов в постсоветский период: когнитивные и организационные следствия. — № 3. — С. 92–99.
- Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Иванова О.А. Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ. — № 4. — С. 60–69.
- Сорина Г.В. Философия и методология принятия решений. — № 1. — С. 81–89.
- Шевченко А.А. Политическая субъектность: философско-нормативный анализ. — № 4. — С. 70–76.

Филология. Искусствоведение

- Бондарко Н.А. Долженствование и необходимость в немецкой францисканской прозе XIII–XV веков: стереотипные языковые структуры и их варьирование. — № 3. — С. 132–139.
- Гитович И.Е. От справочника к научной биографии (проект многотомной «Летописи жизни и творчества А.П.Чехова»). — № 3. — С. 109–118.
- Гуськов С.Н., Балакин А.Ю., Гродецкая А.Г. Обломовская энциклопедия. — № 4. — С. 77–84.
- Калиновская В.Н. Что может дать дифференциальный исторический словарь? (Из опыта работы над словником «Словаря русского языка XIX века»). — № 1. — С. 116–123.
- Калугина О.В. Получение образования как фактор самоопределения художника (К творческой биографии М.М.Антокольского и А.С.Голубкиной). — № 1. — С. 136–147.
- Кобяк Н.А., Зименко Е.В., Шульгина Э.В. Новые данные о сборниках «Солнце пресветлое». — № 3. — С. 140–149.
- Кузьмина Е.Н. Эпическая традиция шорцев. — № 4. — С. 85–92.
- Николаева М.В. Каталог шляхетских дворовладений петровского времени на Васильевском острове Санкт-Петербурга (по письменным и графическим источникам первой половины XVIII века). — № 1. — С. 124–135.
- Ромодановская Е.К., Капинос Е.В. От притчи к роману. — № 3. — С. 119–131.
- Тихомиров Б.Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф.М.Достоевского. — № 1. — С. 101–115.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

- Евлешина Н.А., Никитина Н.Н., Сулейманов И.Т., Ясницкая В.Р. Поликультурный подход в социальном воспитании. — № 4. — С. 105–114.
- Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В. Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности. — № 4. — С. 93–104.
- Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в регуляции его мышления. — № 1. — С. 148–156.

- Крюкова Т.Л. Социальные представления и установки как факторы совладания с трудностями межкультурного диалога россиян и западноевропейцев. — № 1. — С. 157–166.
- Лебедев А.Н. Психология рекламной деятельности: история и перспективы развития. — № 1. — С. 167–178.
- Поляков С.Д., Семикашева И.А., Чередникова М.П. Повседневная жизнь старших школьников в общеобразовательном учреждении. — № 3. — С. 172–181.
- Тагунова И.А. Наднациональное образование — новая тенденция развития образования в мире. — № 3. — С. 165–171.
- Ясюкова Л.А., Белавина О.В. Роль интеллектуальных способностей в становлении личности подростка. — № 3. — С. 150–164.

Полевые исследования

- Беляева Е.В., Любин В.П. Исследования раннего палеолита в Центральном Предкавказье (Ставропольский край). — № 3. — С. 182–191.
- Бильдюг А.Б., Бобров А.Г., Власов А.Н., Карбасова Т.Б. Экспедиция на Северную Двину в 2009 и 2010 годах. — № 4. — С. 144–154.
- Казакевич О.А. Эвенкийско-кетская экспедиция 2009 г.: документация исчезающих языков и диалектов. — № 3. — С. 206–213.
- Мызников С.А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении. — № 1. — С. 187–195.
- Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV–V в.) (по материалам раскопок поселения и могильника Ксизово-19). — № 4. — С. 129–143.
- Ровнова О.Г. Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН 2005–2009 годов. — № 3. — С. 213–223.
- Слепцова (Кызласова) И.С. Основные направления полевых исследований в рамках «Русской этнографической экспедиции». — № 4. — С. 144–154.
- Смилянская Е.Б. По следам российского присутствия 1770–1774 годов в Восточном Средиземноморье. — № 1. — С. 179–186.
- Цетлин Ю.Б. Средневековые гончарные горны в Абхазии. — № 3. — С. 192–205.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В., Сингх В.К. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 годах. — № 4. — С. 115–128.

Конференции. Конгрессы. Симпозиумы

- Андреев А.Ю. Международная научная конференция «Русско-немецкие университетские связи в XVIII — начале XX века: сотрудничество, взаимное влияние, интеллектуальное пространство» (Майнц, ФРГ, 16–20 июня 2010 г.). — № 4. — С. 166–171.
- Артемов Е.Т., Постников С.П. Всероссийская научная конференция «Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика» (Екатеринбург, 25–26 октября 2010 г.). — № 4. — С. 179–182.
- Бородкин Л.И., Петров Ю.А. XV Мировой конгресс экономической истории (Утрехт, Нидерланды, 3–7 августа 2009 г.). — № 1. — С. 196–201.
- Воловикова М.И. Всероссийская юбилейная научная конференция «Психология человека в современном мире», посвященная 120-летию со дня рождения С.Л.Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.). — № 1. — С. 252–256.
- Горская А.О. VII Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения А.П.Платонова (Москва, 21–23 сентября 2009 г.). — № 1. — С. 222–226.
- Денисенко С.В. Международная научная конференция ««Обломов»: sine ira...» (Санкт-Петербург, 12–14 октября 2009 г.). — № 1. — С. 227–231.
- Ильиных В.А., Исулов В.А. Всероссийская научная конференция «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX — начале XXI в.», посвященная 80-летию доктора исторических наук Н.Я.Гущина (Новосибирск, 26–27 октября 2009 г.). — № 1. — С. 202–206.
- Индина Т.А., Моросанова В.И. XV Международная конференция по психологии личности (Брно, Чешская Республика, 20–24 июля 2010 г.). — № 4. — С. 188–190.

- Кибальник С.А., Трофимова Т.Б.* Международная научная конференция «Россия в многополярном мире: образ России в Болгарии, образ Болгарии в России» (Санкт-Петербург, 26–28 октября 2009 г.). — № 1. — С. 215–221.
- Киссева Е.В.* Международная научная конференция «Проблемы менеджмента в сфере академической музыки» (Ростов-на-Дону, 26–29 октября 2009 г.). — № 1. — С. 247–251.
- Лейкин Д.О., Северюхин Д.Я.* Международная научная конференция «Русские художники в Америке — американские художники из России. 1-я половина XX века. Проблемы изучения творчества и взаимовлияния культур» (Санкт-Петербург, 5–6 октября 2009 г.). — № 1. — С. 237–246.
- Носов Е.Н., Мусин А.Е.* Археологическая наука в России: вчера и сегодня. Научная конференция, посвященная 150-летию Императорской Археологической комиссии (Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2009 г.). — № 1. — С. 207–211.
- Попова Н.Т., Шеманов А.Ю.* Научно-практическая конференция с международным участием «Искусство как творчество социальности и проблемы социокультурной реабилитации» (Москва, 12–13 мая 2010 г.). — № 4. — С. 183–187.
- Тер-Аванесова А.В.* Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества» (Москва, 19–21 октября 2009 г.). — № 1. — С. 232–236.
- Целищев В.В.* V Российский философский конгресс «Наука. Философия. Общество» (Новосибирск, 25–28 августа 2009 г.). — № 1. — С. 212–214.
- Черная М.П.* XV Юбилейная Западносибирская археолого-этнографическая конференция «Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний» (Томск, 19–21 мая 2010 г.). — № 4. — С. 172–178.

Мир книги РГНФ

- Апчинская Н.В.* — Дмитриева Н.А. В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет / Отв. ред. М.А.Бусев; Ред.-сост. С.Ф.Членова; Предисл. С.П.Батракова. М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 520 с. — № 3. — С. 253–258.
- Берзин Л.Б.* — Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. — 567 с. — № 1. — С. 261–264.
- Богомолова М.В.* Одухотворенная книга — Архив А.П.Платонова. Кн. 1 / Отв. ред. Н.В.Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 696 с. — № 1. — С. 282–286.
- Ветрова Т.Н.* — Iberici Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX — начала XXI века / Отв. ред. В.Б.Земсков. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 463 с. — № 4. — С.
- Гаджигурбанова П.А.* — Античная философия: Энциклопедический словарь / Отв. ред. М.А.Солопова. М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 896 с. — № 1. — С. 272–277.
- Гусев А.А.* — Рюмина Е.В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука, 2009. — 331 с. — № 4. — С. 194–197.
- Зайцева И.А.* — Падерина Е.Г. К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 448 с. — № 4. — С. 203–204.
- Зайцева И.Е.* — Коновалов А.А., Енисова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. — 191 с. — № 3. — С. 228–232.
- Исаев И.И.* Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О.В.Антоновой, Д.М.Савинова; Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2009. — 240 с. — № 4. — С. 210–212.
- Кириллина С.А.* — Налич Т.С. Ангелы и другие сверхъестественные существа в исламе. М.: Знак, 2009. — 440 с. — № 3. — С. 248–252.
- Кочетова Е.В.* Викторианский джентльмен идет на развлечение. Рецензия на книгу Е.Г.Хайченко «Викторианство в зеркале мюзик-холла». М.: ГИТИС, 2009. — 284 с. — № 3. — С. 259–262.
- Кульков Е.Н.* — Война и общество в XX веке: В 3 кн. / Сост. О.А.Ржешевский; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2008. — № 3. — С. 233–237.

- Ляпин Д.А. — Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV века. М.: Инлайт, 2008. — 276 с. — № 3. — С. 224–227.
- Мировицкая Р.А. Китайская Народная Республика в 1950-е годы: Сборник документов: В 2 т. / Под общ. ред. В.С.Мясникова. Т. 1: Взгляд советских и китайских ученых / Сост. Е.Р.Курапова, В.С.Мясников, А.А.Чернобаев. М.: Памятники исторической мысли, 2009. — 348 с. — № 4. — С. 191–193.
- Панфилова Т.В. — Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т.Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература, 2009. — 950 с. — № 3. — С. 238–242.
- Подосинов А.В. — Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Отв. ред. Р.М.Шукуров. М.: Индрик, 2009. — 775 с. — № 1. — С. 265–271.
- Полубояринова Л.Н. — История австрийской литературы XX века. Т. 1: Конец XIX — середина XX века / Отв. ред. В.Д.Седельник. М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 629 с. — № 3. — С. 243–247.
- Сазонова Н.И. — Протоиерей Георгий Крылов. Книжная справка XVII века: Богослужебные Минее. М.: Индрик, 2009. — 496 с. — № 1. — С. 278–281.
- Семенов В.Н. — Казузь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 464 с.: ил. — № 4. — С. 213–216.
- Степанский А.Д. — Государственный Совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия / Науч. ред. Б.Ю.Иванов, А.А.Комзолова, И.С.Ряховская. М.: РОССПЭН, 2008. — 343 с. — № 1. — С. 257–260.
- Щавелёв С.П. — Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. — 1248 с. — № 4. — С. 198–202.

Международное сотрудничество

- Орлович В.А., Прокошин В.И., Карпейчик С.В. Гранты БРФФИ и путь в науку молодых ученых. — № 1. — С. 287–301.
- Международные контакты Фонда. — № 4. — С. 217–218.

Официальный отдел

- Материалы совета РГНФ от 9 апреля 2010 г.
- Отчет председателя совета РГНФ члена-корреспондента РАН Ю.Л.Воротникова «Деятельность Российского гуманитарного научного фонда в 2009 году». — № 2. — С. 42–179.
- Отчет директора РГНФ А.В.Юрасова «О работе аппарата Российского гуманитарного научного фонда в 2009 году». — № 2. — С. 180–191.
- Решение совета РГНФ от 9 апреля 2010 г. — № 2. — С. 192–200.
- Научные проекты, завершённые в 2009 г. — № 2. — С. 201–276.
- Программа «Поддержка приоритетных фундаментальных гуманитарных исследований»: Продолжающиеся научно-исследовательские проекты 2008–2009 гг. — № 2. — С. 277–319.
- Научно-исследовательские проекты 2010 г. — № 2. — С. 320–340.
- Проекты по изданию научных трудов 2010 г. — № 2. — С. 341–349.
- Проекты экспедиций, других полевых исследований, экспериментально-лабораторных и научно-реставрационных работ 2010 г. — № 2. — С. 350–353.
- Проекты по организации научных мероприятий (конференций, семинаров и т.д.) 2010 г. — № 2. — С. 354–261.
- Продолжающиеся проекты создания информационных систем 2008–2009 гг. — № 2. — С. 362–366.
- Проекты создания информационных систем 2010 г. — № 2. — С. 367–368.
- Проекты по развитию научных телекоммуникаций и материальной базы научных исследований в области гуманитарных наук 2010 г. — № 2. — С. 369.
- Проекты регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» 2010 г. — № 2. — С. 370–380.

- Проекты регионального конкурса «Северо-Запад России: история и современность». — № 2. — С. 381–382.
- Проекты регионального конкурса «Северный Кавказ: традиции и современность» 2010 г. — № 2. — С. 383–389.
- Проекты регионального конкурса «Русский Север: история, современность, перспективы» 2010 г. — № 2. — С. 390–393.
- Проекты регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее» 2010 г. — № 2. — С. 394–403.
- Проекты регионального конкурса «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2010 г. — № 2. — С. 404–412.
- Проекты регионального конкурса «Урал: история, экономика, культура» 2010 г. — № 2. — С. 413–423.
- Проекты международного конкурса РГНФ — АН Абхазии 2010 г. — № 2. — С. 424.
- Проекты международного конкурса РГНФ — БРФФИ 2010 г. — № 2. — С. 425.
- Научно-исследовательские проекты 2010 г.* — № 2. — С. 425.
- Продолжающиеся научно-исследовательские проекты 2008–2009 гг.* — № 2. — С. 426.
- Совместный межрегиональный конкурс РГНФ — БРФФИ в приграничных областях РФ и РБ, посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.* — № 2. — С. 426–427.
- Проекты международного конкурса РГНФ — ВАОН 2009–2010 гг. — № 2. — С. 428.
- Проекты международного конкурса РГНФ — ННИС (DFG) 2010 г. — № 2. — С. 429.
- Проекты международного конкурса РГНФ — Центр греко-российских исторических исследований (КЕРИЕ) 2010 г. — № 2. — С. 430.
- Проекты международного конкурса РГНФ — АН Молдовы 2010 г. — № 2. — С. 431.
- Проекты международного конкурса РГНФ — МинОКН Монголии 2008–2010 гг. — № 2. — С. 432–433.
- Проекты международного конкурса РГНФ — МинОНМП Республики Южная Осетия 2010 г. — № 2. — С. 434.
- Проекты международного конкурса РГНФ — ННС Тайваня 2009–2010 гг. — № 2. — С. 435.
- Проекты международного конкурса РГНФ — НАН Украины 2010 г. — № 2. — С. 435.
- Научно-исследовательские проекты 2010 г.* — № 2. — С. 435.
- Проекты по организации научных мероприятий (конференций, семинаров и т.д.) 2010 г.* — № 2. — С. 436.
- Проекты экспедиций, других полевых исследований, экспериментально-лабораторных и научно-реставрационных работ 2010 г.* — № 2. — С. 436.
- Продолжающиеся научно-исследовательские проекты 2009 г.* — № 2. — С. 436–437.
- Проекты международного конкурса РГНФ — Академия Финляндии 2010 г. — № 2. — С. 438.
- Проекты международного конкурса РГНФ — ФДНЧ (Франция) 2009–2010 гг. — № 2. — С. 439.
- Проекты международного конкурса РГНФ — ИЦНИ (CNRS) (Франция) 2008–2010 гг. — № 2. — С. 440.
- Проекты международного конкурса РГНФ — Эстонский фонд науки 2010 г. — № 2. — С. 441.
- Проекты международного конкурса РГНФ — Императорское Православное Палестинское общество 2010 г. — № 2. — С. 442.
- Проекты конкурса по подготовке научно-популярных книг 2010 г. — № 2. — С. 443–446.
- Проекты целевого конкурса поддержки молодых ученых 2010 г. — № 2. — С. 447–448.

- Программа «Россия в многополярном мире: образ страны»:
Продолжающиеся проекты конкурса «Образ России в современном мире» 2008–2010 гг. — № 2. — С. 449–452.
Проекты основного конкурса и конкурса «Образ России в современном мире» 2010 г. — № 2. — С. 453–457.
- Программа «Теоретические основы инновационной экономики»:
Продолжающиеся проекты конкурса «Теоретические основы инновационной экономики» 2008–2009 гг. — № 2. — С. 458.
Проекты основного конкурса и конкурса «Теоретические основы инновационной экономики» 2010 г. — № 2. — С. 459–460.
- Исполнение сметы расходов Фонда по бюджетным ассигнованиям на финансовое обеспечение грантов на проведение фундаментальных научных исследований, проектов и научных мероприятий в 2009 г. — № 2. — С. 461–462.
- Исполнение сметы расходов по бюджетным ассигнованиям на обеспечение функционирования аппарата Фонда в 2009 г. — № 2. — С. 463.
- План распределения бюджетных средств РГНФ по видам деятельности — Смета расходов на 2010 г. — № 2. — С. 464–467.
- Смета расходов на обеспечение функционирования аппарата Фонда на 2010 г. — № 2. — С. 468.
- Объявление об основном конкурсе РГНФ 2011 г. — № 2. — С. 469–504.
- Объявление о региональных конкурсах РГНФ 2011 г. — № 2. — С. 505–507.
- Объявление о конкурсе научно-популярных работ 2011 г. — № 2. — С. 508.
- Объявление о целевом конкурсе поддержки молодых ученых 2011 г. — № 2. — С. 509.
- Объявление об отчетах РГНФ 2010 г. — № 2. — С. 510–538.
- Список руководителей, лишаящихся права участвовать в конкурсах РГНФ в течение 2010–2014 гг. в связи с грубым нарушением правил представления отчетов. — № 2. — С. 539–540.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации № 752-р от 15 мая 2010 г. — № 3. — С. 263.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации № 961-р от 10 июня 2010 г. — № 3. — С. 264.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации № 962-р от 10 июня 2010 г. — № 3. — С. 265.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1434-р от 2 сентября 2010 г. — № 3. — С. 266.
- Решение совета РГНФ от 24 сентября 2010 г. — № 4. — С. 219–222.

Contents

Russian Humanities and RFH Objectives

Fridlyanov V.N. New Stage in RFH Activity 5

What are RFH contest laureates working at

Historical Sciences

Kupriyanov P.S. Moscow Zaryadye Yesterday and Today: Visual Anthropology of the City Space 16
Zhambaltarova E.D., Vetrov V.M., Klementiev A.M. Complex Study of Archaeological Monuments of Neolithic – Early Bronze Age in Western Transbaikalia 27

Economics

Buzdalov I.N. Social Market Economy: Issues of Building up in Agri-Food Sector in Russia 37
Potravnny I.M., Melnikova E.N. Prospects and Opportunities of State Ecological Order in Modern Economics 46

Philosophy. Sociology. Politology. Law

Artemyeva T.V., Mikeshin M.I. History of Ideas as Intellectual Communication 53
Sergienko A.M., Rodionova L.V., Ivanova O.A. Modern Processes and Mechanisms of Village Social Sphere Development under Municipal Reforms 60
Shevchenko A.A. Political Subjectivity: Philosophical and Standard Analysis 70

Philology. Art Criticism

Guskov S.N., Balakin A.Yu., Grodetskaya A.G. Oblomov Encyclopedia 77
Kuzmina E.N. Epic Tradition of Shors 85

Complex Human Study. Psychology. Pedagogy

Karabushchenko N.B., Ivashchenko A.V. Elite: Psychological Essence, Criteria, Typological Peculiarities 93
Evlshina N.A., Nikitina N.N., Suleimanov I.T., Yasnitskaya V.R. Polycultural Approach in Social Upbringing 105

Field Research

Yanin V.L., Rybina E.A., Sorokin A.N., Stepanov A.M., Pokrovskaya L.B., Singh V.K. Archaeological Study of Novgorod Lyudin End in 2001–2010 115
Oblomsky A.M. Ethno-Cultural Components of Population of Upper Don Region during Hun Times (late IV – V centuries) (based on the materials of Ksizovo-19 settlement and burial ground diggings) 129
Steptsova (Kyzlasova) I.S. Major Trends of Field Researches under «Russian Ethnographic Expedition» 144
Bildyug A.B., Bobrov A.G., Vlasov A.N., Karbasova T.B. Expedition to Northern Dvina in 2009 and 2010 155

Conferences. Congresses. Symposia

Andreev A.Yu. International Scientific Conference «Russian-German Universities Connections in XVIII – early XX century: Cooperation, Mutual Influence, Intellectual Space» (Mainz, FRG, June 16–20, 2010) 166
Chernaya M.P. XV Jubilee Western-Siberian Archeological-Ethnographic Conference «Culture as a System in Historical Context: Experience of Western Siberian Archeological-Ethnographic Meetings» (Tomsk, May 19–21, 2010) 172
Artemov E.T., Postnikov S.P. All-Russian Scientific Conference «Humanitarian Research in the Urals and Social Practice» (Yekaterinburg, October 25–26, 2010) 179

<i>Popova N.T., Shemanov A.Yu.</i> Scientific-Practical Conference with International Participation «Art as Sociality Creativeness and Problems of Socio-Cultural Rehabilitation» (Moscow, May 12–13, 2010)	183
<i>Indina T.A., Morosanova V.I.</i> XV International Conference on Psychology of Personality (Brno, Czech Republic, July 20–24, 2010)	188

RFH Book World

<i>Mirovitskaya R.A.</i> The People's Republic of China in 1950s: Collection of Documents: in 2 vol. / Under general ed. by V.S.Myasnikov. Vol. 1: View of Soviet and Chinese Scientists / Comp. by E.R.Kurapova, V.S.Myasnikov, A.A.Chernobaev. M.: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2009 — pp. 348	191
<i>Gusev A.A. — Ryumina E.V.</i> Economic Analysis of Environmental Disturbance Effect. M.: Nauka, 2009 — pp. 331	194
<i>Shchavalev S.P.</i> — Encyclopedia of Epistemology and Science Philosophy. M.: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2009. — pp. 1248	198
<i>Zaitseva I.A. — Paderina E.G.</i> To the Creative History of «Gamblers» by Gogol: Text History and Poetics. M.: Institute of World Literature under RAS, 2009. — pp. 448	203
<i>Vetrova T.N. — Iberica Americans.</i> Latin American Culture in Discussions of Late XX — Early XXI Centuries / Ex. ed. V.B.Zemskov. M.: Institute of World Literature under RAS, 2009. — pp. 463	207
<i>Isaev I.I.</i> Unforgotten Voices of Russia: Voices of Russian Philologists are Heard. Iss. I / Under ed. by O.V.Antonova, D.M.Savinov; Vinogradov Institute of the Russian Language under RAS. M.: Languages of Slavic Cultures, 2009. — pp. 240	210
<i>Semenov V.N. — Kazus I.A.</i> Soviet Architecture of the 1920s: Design Organization. M.: Progress-Traditsiya, 2009. — pp. 464, fig.	213

International Cooperation

Fund's International Contacts	217
---	-----

Official Department

Resolution of RFH Council dated September 24, 2010	219
List of the Articles published in «RFH Bulletin» in 2010	223
Contents	230

ВЕСТНИК
Российского гуманитарного научного фонда
2010, №4

Адрес редакции: 123557, Москва, Пресненский вал, д. 19
E-mail: bulletin@rfh.ru
<http://www.rfh.ru>

Технический редактор И.Л.Ровинская
Корректор Н.Н.Цыркова

Свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.06.2002 о регистрации в Минпечати РФ

Подписано в печать 23.12.2010 г. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л. 22,2.

Уч.-изд. л. 17,5. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № .

ЗАО «Полиграф-защита»
115088, Москва, ул. Южнопортовая, д. 24